

Иван Вениаминович КАРГЕЛЬ

ОТ КРАЯ И ДО КРАЯ ЗЕМЛИ

Северный Ледовитый океан

Амур

Лена

Российская империя

Томск
Красноярск

Иркутск

Байкал

Чита

Стретенск

Николаевск

САХАЛИН

Хабаровск

Владивосток

Хокадате

Пекин

Китай

Токио

Иокогама

Япония

Шанхай

Индия

Гонконг

Тихий океан

Бангкок

Филиппины

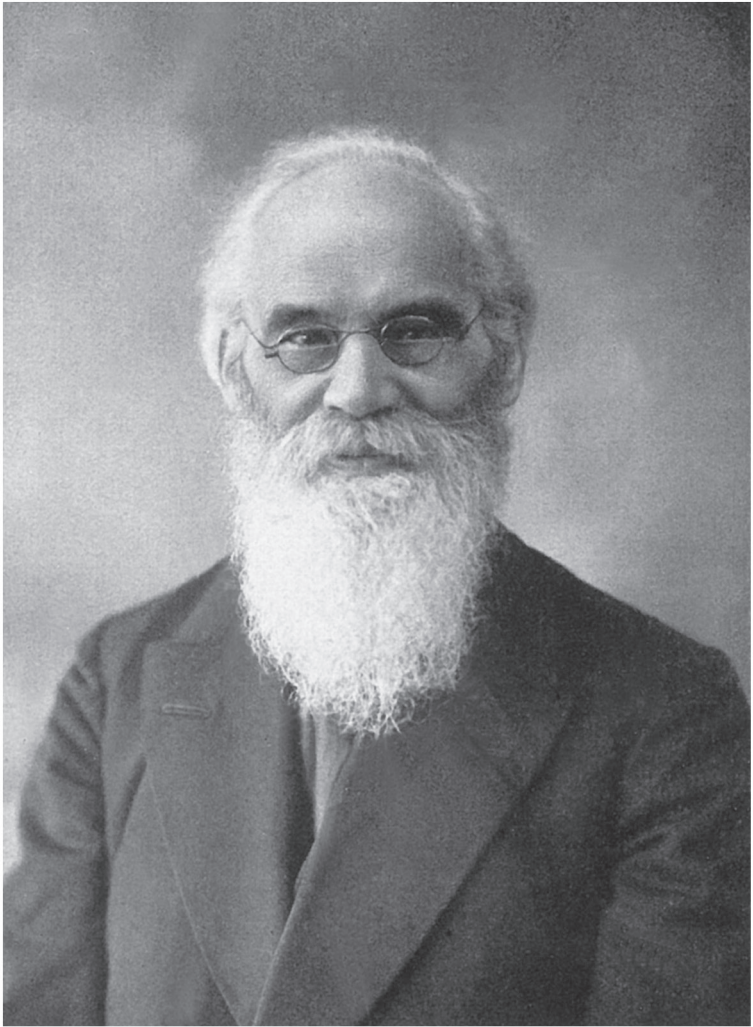
Сумба

Сингапур

Экватор

И.В. Каргель

ОТ КРАЯ И ДО КРАЯ ЗЕМЛИ

H. Kangerl.

„Grüßend sei euch, der in eurer Forderung
der Gerechtigkeit.“

И.В. Каргель

ОТ КРАЯ
И ДО КРАЯ
ЗЕМЛИ

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

УДК 821.112.2'06-97

К21

Перевод с немецкого
J.G. Kargel
«Zwischen den Enden der Erde»

Каргель И.В.

К21 **От края и до края земли.** – К. Свет на Востоке, 2017 – 240 с.
Издание второе.

ISBN 978-617-7554-00-3 (Укр)

ISBN 978-3-944772-36-3 (Герм)

«От края и до края земли» – так назвал свою книгу Иван Вениаминович Каргель (Johann Gerhard Kargel). В ней автор описывает свой опыт путешествий с доктором Бедекером в течение десяти лет с проповедью Евангелия среди заключённых. Основная часть воспоминаний относится к самому долгому путешествию: от Москвы до Сахалина и назад через Японию, Индийский океан и Суэцкий канал. Книгу эту И.В. Каргель написал на своём родном немецком языке, и вышла она в нашем издательстве в 1928 году. С тех пор на эту книгу ссылались многие авторы монографий, статей и исследований по истории евангельских христиан в России. Однако на русском языке она была до сих пор недоступна. Настоящим изданием этот пробел восполняется. Книга рассчитана на всех, интересующихся историей великого пробуждения в России в конце XIX века и биографией одного из самых известных деятелей братства евангельских христиан и баптистов России Ивана Вениаминовича Каргеля.

Переводчик *О. Гандзий*
Редактор *Е. Пеннер*
Корректоры *Т. Головина, Э. Цорн*
Компьютерная вёрстка и обложка *А. Цорн*

Изд. № 01.412

ISBN 978-617-7554-00-3 (Укр)

ISBN 978-3-944772-36-3 (Герм)

© «Свет на Востоке», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Великое путешествие через Сибирь	15
Посещение московской тюрьмы	19
Через Нижний Новгород в Пермь	29
Через Уральские горы в Екатеринбург и Тюмень	34
Остановка в Тюмени	38
На пути в Тобольск	44
По Иртышу и Оби в Томск	50
В Томске	63
На тарантасе из Томска в Красноярск	72
Скитания в тайге и их результаты	81
И снова вместе в Иркутск	98
Из Иркутска в Читу	104
Нерчинск и местные рудники	111
На пароходе из Сретенска в Николаевск	124

Путь на Сахалин	132
Возвращение домой	137
Неделя в Хакодате	139
В Иокогаме и Токио	143
В Шанхае	149
Гонконг	156
Коломбо на острове Цейлон	169
На пути в Аден	176
Через Красное море в Суэц	178
По Суэцкому каналу до Порт-Саида	180
В Александрию и обратно в Порт-Саид	183
По Средиземному и Чёрному морям	187
В Херсоне	196
В Закавказье	211

ПРЕДИСЛОВИЕ

История знает множество людей, которые здесь, на земле, были лишь такими, какими их делало время и окружение. Однако были и такие, которые в жизни и служении сами меняли своё окружение. Иными словами, они не были подвержены чужому влиянию, но сами влияли, оставляя на окружающих печать вечности. Их жизнь, посвящённая Богу, и служение людям стали воплощением Евангелия, инструментом, благодаря которому Бог вёл других людей от греховной зависимости к свободе, от смерти – к жизни, от недостатка – к избытку и силе нескончаемой благодати. Источники их жизни заключались в вечности, тем самым они провозглашали непреходящие ценности, Божье присутствие, а также власть над грехами, самой жизнью и гнѐтом времени. Слова их были откровением от Бога, в служении была сила, а в ожидании горело пламя живой надежды.

Именно к таким людям относится восьмидесятилетний автор этой книги. Не раз он встречался с житейскими бурями, однако они не отняли у него силу. Не раз ему случалось ощутить собственную слабость и бессилие под гнѐтом горя, но он не оставил своего служения. И даже ужасы последних десятилетий его жизни не сломили, а лишь укрепили его в служении ради Евангелия Господа нашего Иисуса Христа. Около половины всего евангельского движения среди русского народа, которое было названо штундизмом, стало духовным плодом той работы, которую Бог проделывал с 1884 года через Своего верного слугу – И.В. Каргеля.

Однако его служение началось задолго до этого. Вот что он сам писал мне об этом: «Я покаялся в 1869 году в Тифлисе. В 1873 году я присутствовал на съезде в Молочанском¹ округе в селе Клиппенфельд. С того момента началось моё служение Слову Божьему на Воляни. Оттуда в 1875 году я отправился в Петербург на миссионерское служение среди местных немцев. Полковник Василий Пашков² уверовал в Иисуса Христа за полгода до этого. Он тут же начал благовествовать, но лишь в очень узком кругу, не выходя на общественность.

Более близкое знакомство с русскими верующими я свёл лишь в 1877 году. События того времени побудили нас искать больше общения с теми, кто ищет и любит Господа. Турки

---

¹ Крупнейшая колония меннонитов в Таврической губернии, которая с шестидесятых годов XIX столетия стала важным центром христианского движения на юге России. Прим. автора.

² Полковник Василий Александрович Пашков был одним из наиболее значительных представителей петербургского дворянства. После своего обращения к Господу через служение англичанина лорда Редстока, Василий Пашков, уже отличившийся верностью в служении небесному Царю, был избран руководителем верующих дворян в Петербурге, среди которых были представители высшей знати. Прим. автора.

разгромили малочисленный сербский народ и беспощадно уничтожили десятки тысяч болгар. Россия взбудоражилась, грозя ответными действиями. Тогда Англия, союзница Турции, начала собирать коалицию против России. Это подтолкнуло Пашкова собрать всех нас для того, чтобы склониться вместе пред Господом в молитве, прося Его предотвратить кровопролитие. Русские, немцы, латыши, шведы, эстонцы, финны и англичане приходили в дом Пашкова, чтобы молиться. Мы часами пребывали в общении, молясь и ближе знакомясь с кругом русской знати.

Я начал время от времени посещать собрания Пашкова, по возможности говоря Слово Божье на встречах верующих. Мою первую проповедь переводил на русский язык бывший министр путей сообщения граф Алексей Павлович Бобринский³. Я уже неплохо говорил по-русски, но всё-таки не решался произносить длинные речи. Постепенно я начал узнавать русских верующих ближе. Господь послал мне помощницу из их круга, отчего моя связь с русскими стала ещё теснее, хотя и ненадолго. В 1880 году, в год моей женитьбы, я с одним верующим русским братом уехал в Болгарию и четыре года не возвращался в Петербург. Богу было угодно положить там начало миссионерской работе, которая продолжает развиваться.

Вняв просьбам русских братьев во Христе и повелению Господа, я в 1884 году вернулся в Петербург. В период пасхальных праздников Пашков пригласил представителей всех деноминаций со всей страны на съезд евангельских христиан. Съезд этот, однако, закончился массовым

---

³ О первых проповедях И.В. Каргеля в салонах Петербурга можно прочитать в книге графа М.М. Корфа «При царском дворе» (издательство «Свет на Востоке»). Прим. автора.

преследованием верующих со стороны властей. Многие участники съезда были арестованы, после чего их принудили вернуться домой. Через три-четыре недели полковник Пашков и граф Корф были высланы из страны. Моя надежда на сотрудничество с этими пламенными служителями Христовыми рухнула. Отныне в благословенном, но и опасном служении на Божьей ниве я был один. Ежедневно меня могла ожидать та же участь, что и моих братьев, но Господь, сказавший мне: „Я отворил пред тобою дверь“, – не допустил этого.

Мы продолжали трудиться до 1917 года и в многочисленных испытаниях получали благословения. Война и тяжёлые условия жизни (отсутствие отопления и продуктов питания) вынудили многих верующих покинуть город. Так из полутора тысяч членов церкви осталось лишь небольшое их количество. В двадцатые годы многие вернулись в город, большинство же ушедших обрели покой в небесной отчизне».

Осознать масштаб влияния и роль служения И.В. Каргеля в становлении и развитии духовной жизни русских верующих мы сможем лишь в вечности. Сила его заключалась в преданности Богу и любви к ближним. В годы, когда наше знакомство лишь начиналось, он однажды сказал мне: «Вопрос не в том, имеем ли мы Духа Святого, а в том – владеет ли Дух Святой нами». Эти слова тогда стали для меня освободительными. Я был возведён на новую ступень в понимании грядущего Царства Божьего. До тех пор я, как и многие, полагал, что более важными являются дела для Бога, а не работа, совершаемая Богом в нас. Теперь, после более чем тридцатилетнего служения, я понимаю эту истину ещё глубже.

Никто другой не оказал столь же сильное и решающее влияние на моё духовное становление и рост так, как доктор Фридрих Бедекер⁴ и автор этой книги. До войны, когда мне удавалось бывать в Петербурге, мы проводили очень благословенные служения в салонах госпожи Е.И. Чертковой, а также княгинь В.Ф. Гагариной и Н.Ф. Ливен. Думаю, что именно эти собрания были глубочайшими и благословеннейшими переживаниями моей духовной жизни. Мы посещали съезды и группы по изучению Библии в других губерниях, где несли служение и делились друг с другом благословениями, полученными от Господа.

Основанная на евангельском движении миссия «Свет на Востоке» является одним из результатов служения людей, которые стали особым благословением для России. По окончании Первой мировой войны Бог побудил моего коллегу пастора Вальтера Жака и меня основать Миссионерский союз «Свет на Востоке», в служении которого наши своё воплощение многие принципы и подходы, применённые уважаемыми нашими предшественниками доктором Бедекером и Н.В. Каргелем. Задача союза заключалась в распространении Евангелия среди народов Востока. Наше внутреннее побуждение к действию и служению выразило лишь небольшую часть того духовного наследия, которое мы получили через общение с доктором Бедекером и И.В. Каргелем. Совместными усилиями и личным служением мы стремились искоренить из Церкви Христовой национальные и конфессиональные

---

⁴ Об этом более подробно можно прочитать в книге Р.С. Латимера «Посланник царя: жизнь и труды доктора Бедекера» (издательство Эмиля Мюллера, 3-е издание).
Прим. автора.

предрассудки, объединить Церковь в Духе и любви, способной явить Божью силу в каждом члене Тела Христова. За время нашего десятилетнего служения мы пережили, что, как написано в семнадцатой главе Евангелия от Иоанна, духовное единство в совместной работе, в том числе миссионерской, возможно, если во главе всего стоит Бог, а не человек.

К сожалению, во введении недостаточно места, чтобы привести здесь также очень тёплые воспоминания о жизни и служении И.В. Каргеля, написанные председателем Союза баптистов в Москве Н.В. Одинцовым. В конце своего рассказа он применяет к автору этой книги слова апостола: «Он более всех потрудился». И.В. Каргель заложил основание библейских школ, одна из которых была открыта общиной евангельских христиан в Ленинграде, другая – баптистами в Москве. Будучи в возрасте восьмидесяти лет, он продолжал занимать руководящую роль в Ленинградской библейской школе. Говоря о нашем дорогом друге, я вспоминаю замечательные слова псалмопевца: «Праведник цветёт, как пальма, возвышается, подобно кедру на Ливане. Насаждённые в доме Господнем, они цветут во дворах Бога нашего; они и в старости плодовиты, сочны и свежи, чтобы возвещать, что праведен Господь, твердыня моя, и нет неправды в Нём»⁵.

Прошло уже более двух десятков лет со времени событий, описанных в этой книге. С тех пор в России произошли такие потрясения и перевороты, какие едва ли кто-то из нас мог предвидеть. Эти события полностью изменили нашу жизнь. Изменилось даже отношение Русской православной церкви к движению пробуждения в России. С тех пор как

⁵ Псалом 91:13–16. Прим. автора.

православным самим пришлось претерпеть такие же страдания и гонения от государства, какие пережили евангельские христиане, баптисты и приверженцы других иностранных конфессий, их отношение к «штундистам» стало более братским. В борьбе против атеизма, активно поддерживаемого советским правительством, православное духовенство стоит плечо к плечу с нашими братьями. И в их среде есть мученики, поплатившиеся жизнью не из-за своих политических убеждений, но из-за веры в Иисуса Христа. Вражда православной церкви и узость взглядов верующих были вынуждены отступить перед страданиями этого мира, уступив место действию силы Божьей.

Поистине братскими стали отношения между «штундистами» и немецкой реформатской церковью. Когда общины последних «осиротели», стали столь малочисленными, что они не смогли больше самостоятельно содержать и поддерживать прекрасные, величественные церковные здания, было принято решение передать помещения русским братьям. Евангельские христиане и сегодня собираются в великолепных зданиях реформатских церквей в Ленинграде, в которых ранее за кафедрой выходили такие проповедники-реформаты, как доктор Герман Дальтон и Эрнст Гельдерблом. Русские баптисты, евангельские христиане и члены реформатской общины в Москве собираются в одном здании церкви для хвалы и поклонения, а также на совместные съезды.

Читая воспоминания И.В. Каргеля, необходимо помнить о всех этих духовных изменениях. В рассказах о путешествиях он нередко описывал состояние церковной жизни того времени. Даже в Японии и Китае с тех пор произошли

удивительные чудеса, которые привели к переосмыслению ценностей. Если забыть всё это или просто не учесть, то образ прошлого перенесётся на настоящее, в результате чего сложится ошибочное восприятие и прошлого, и настоящего.

Хотелось бы, чтобы наполненная благословениями жизнь И.В. Каргеля, принёсшая плоды в кругах верующих в России, благодаря этой книге стала и у нас на Западе свидетельством силы Божьей, явленной в Иисусе Христе, и продолжала в настоящее время действовать в тех, кто открыт для неё.

*Яков Крёкер,
Вернигероде, Гарц.
Сентябрь 1928 года*

ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ СИБИРЬ

*М*оё служение на ниве Божьей в Санкт-Петербурге после высылки из страны полковника В.А. Пашкова и графа М.М. Корфа за веру в 1884 году, а также многочисленные евангелизации в разных уголках страны не позволяли мне сопровождать доктора Ф.В. Бедекера во всех его миссионерских поездках по тюрьмам. В 1888 году я и вовсе не смог принять участия в этом служении. Зато уже на следующий год мы посетили заключённых в Москве и Саратове. В том же году я сопровождал его в нашей первой поездке по Сибири, но тогда мы доехали лишь до Тобольска. Дабы не утомить читателя, вдаваясь в подробное описание всех поездок, перейду к рассказу и воспоминаниям о нашем самом большом и главном путешествии через всю Россию до самого Сахалина.

Начальник Главного тюремного управления Михаил Николаевич Галкин-Враской сказал однажды Ф.В. Бедекеру,

что он был бы рад, если бы проповедь Евангелия достигла и мест заключения в Сибири. В европейских тюрьмах сидят лишь преступники со сроком от четырёх до шести лет. А вот в Сибири находятся все приговорённые к каторжным работам, бродяги и преступники, вынужденные нести это тяжкое бремя пожизненно, а также огромное количество людей, сосланных туда на поселение. Все эти несчастные не имели ни единой возможности получить хоть малую толику Божьего утешения в своих страданиях.

Высказанная мысль М.Н. Галкина-Враского уже давно была сердечным желанием Бедекера. Служение отверженным и гонимым этой страны очень привлекало его, но совершить столь масштабное путешествие в то время было весьма трудно. Необходимо было преодолеть более десяти тысяч километров, причём не в спальном вагоне поезда, как это вполне возможно в наше время. Поездка во Владивосток сегодня – это пикник по сравнению с подобным путешествием в 1890 году. В то время лишь одну пятую часть этого громадного расстояния, а именно от Санкт-Петербурга до Тюмени, можно было преодолеть по европейским путям сообщения. Остальная часть пути пролегла по дикой местности – как по огромным сибирским рекам, так и по суше.

Часть нашего пути мы проехали по дороге от Томска до Сретенска, которая называлась Сибирским трактом. Дорога эта не была магистралью, как, вероятно, можно предположить, и даже не грунтовой просёлочной дорогой. Это был путь с запада на восток через пески и болота, холмы и равнины, девственные леса и пустынные степи. Колеи бывали порой такими глубокими, что колёса наполовину утопали в них. Ямы на дорогах приводили к катастрофическим последствиям

как для людей, так и для животных. Ремонтировали дорогу лишь тогда, когда приезжал новый губернатор или другое высокопоставленное лицо. Однако сам ремонт заключался лишь в том, что глубокие ямы закидывали рыхлой землёй, болотистые места выкладывали брёвнами и хворостом, посыпая всё это сверху песком. Задача утрамбовать и разгладить «отремонтированную» дорогу доставалась первым проезжавшим по ней экипажам. Мосты через реки были редким явлением, разве что в крупных городах. Слава Богу, что мы даже не подозревали о предстоящих трудностях.

Страх навевало не только состояние дорог, но и малочисленность населённых пунктов вдоль тракта. Деревни лежали на расстоянии пятнадцати-двадцати, а то и тридцати километров друг от друга. Между ними не было ни единого поселения ни справа, ни слева от дороги. На всём пути от Тюмени до Сахалина насчитывалось всего около двенадцати или пятнадцати городов, некоторые из них были не больше деревни. Кто же жил в этих городах и сёлах? Большинство местных жителей были ссыльными. И хотя не все они были злодеями и преступниками, а некоторые даже происходили из очень интеллигентных и уважаемых семей, общественное мнение ставило на них позорное клеймо. Уже тогда из европейской России ежегодно переселялось от шестидесяти до сотни тысяч новых поселенцев. Однако они терялись на просторах Сибири, как капля в море. Поэтому переселение в Сибирь означало для людей, как правило, прощание с цивилизацией.

Были и другие трудности, которые необходимо было учесть, отправляясь в такое путешествие. Ко времени нашего отъезда доктору Бедкеру было шестьдесят семь лет. Незадолго до поездки врачи обнаружили, что у него лишь

одно здоровое лёгкое. Было ли разумно, с человеческой точки зрения, вообще пускаться в такое предприятие? Ко всему прочему, необходимо было взять с собой немало вещей, хотели мы того или нет. Нам понадобилась бы одежда как для холодной погоды, так и для жаркой, а также минимум тысячу килограммов книг Священного Писания. Это было самым важным. К тому же если подсчитать расходы подобной поездки, то можно понять, что лишь Господь мог побудить Ф.В. Бедекера и вашего покорного слугу, несмотря на все трудности, ответить на призыв с радостным сердцем: «Да, Господь, мы пойдём и всё преодолеем лишь силою Возлюбившего нас». Итак, было решено: в 1890 году мы отправляемся в миссионерскую поездку через Сибирь!

Некоторые приготовления для такого путешествия необходимо было сделать заранее, в 1889 году. К примеру, нужно было перевезти книги Священного Писания из Петербургского филиала Британского и Зарубежного библейского общества в Екатеринбургский филиал, откуда их должны были успеть отправить в сибирские города. Зимой, когда замерзали реки, невозможно было использовать почти никакой транспорт. Перевозка книг возможна была лишь после таянья льдов. Когда доктор Бедекер приехал в Санкт-Петербург в конце апреля 1890 года, мы начали подготовку, касавшуюся нас уже только лично. Братья и сёстры во Христе опережали друг друга в готовности оказать помощь. Они покупали всё необходимое для дороги, заботясь о вещах, способных облегчить наш путь. Лучшей же подготовкой для нас стало единодушие детей Божьих в молитве к Господу о нас, нашем путешествии и работе с заблудшими душами.

ПОСЕЩЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ТЮРЬМЫ

После прощального вечера с братьями и сёстрами в Санкт-Петербурге восьмого мая я отправился в Москву, правда, один. Доктор Бедекер должен был перед отъездом ответить на несколько писем, а с приготовлениями в Москве я мог справиться и сам. Так что у него выдалось несколько спокойных дней. В Москву он приехал десятого мая. Мы тут же отправились в центральную пересыльную тюрьму, куда поступали арестанты, ссылаемые в Сибирь. В башнях этой тюрьмы некогда содержалось до пяти тысяч человек, ожидавших своей участи. Однако во время нашего приезда в ней находилось лишь три тысячи арестантов.

Начальник тюрьмы полковник Кравченко принял нас очень радушно.

Ф.В. Бедекер заметил:

– Когда бы мы ни пришли, вы всегда находитесь на своём посту.

На что полковник ответил:

– А как же иначе? Такому ответственному посту необходимо соответствовать. Порой появляются другие важные дела, в таком случае всё здесь переворачивается с ног на голову. С одними несправедливо поступили, других нужно перевести, а ропоту и жалобам от сотрудников и арестантов нет предела. Я заключён в эту тюрьму своими же арестантами. Мне нельзя покидать это место. Вы только представьте: я уже двенадцать лет служу на посту начальника тюрьмы, и за всё это время у меня не было ни одного выходного воскресенья или праздника, ни одного свободного от работы дня, у меня не было отпуска, и за это время я ни разу не наслаждался летним отдыхом.

– Так и умереть недолго! – воскликнул доктор Бедкер.

20 – Всё в Божьих руках, – ответил полковник. – Я рад добросовестно выполнять свои обязанности перед Богом и людьми. Меня бы скорее убило беспокойство и волнение во время отпуска. Поэтому, когда я вижу мир и довольство на службе, это даёт мне успокоение и отдых для тела и души.

Всё это было сказано без малейшего намёка на самоутверждение, так что понимаешь: слова этого человека не расходятся с его поступками – всё действительно так, как он говорит.

– Мне бы очень хотелось, чтобы везде на таких должностях были такие же добросовестные люди, как вы, всегда готовые помочь несчастным заключённым, – сказал полковнику доктор Бедкер. – Своим приходом мы, вероятно, оторвали вас от дел. Мы можем перейти к вопросу, по которому пришли, когда вы освободитесь.

Войдя незадолго до этого в кабинет полковника, мы застали его за поиском важных бумаг. Он был рад вернуться к своему делу.

– Видите ли, – обратился он к Бедекеру, – завтра мы отправляем в Сибирь отряд из четырёхсот ссыльных мужчин, а также их жён и детей. Сейчас их всех вывели на построение: некий торговец пожелал сделать им подарок. Это будет особое событие, и мне нельзя оплошать.

– Можем ли мы принять участие? – спросил доктор.

– Разумеется! Я был бы очень рад, – ответил начальник.

Мы вместе направились в здание тюрьмы. Зайдя в одно из помещений, в полумраке мы увидели множество мужчин, ожидавших начальника тюрьмы. Недалеко от них стояла группа детей всех возрастов и их матерей с младенцами на руках. Женщины добровольно следовали за своими осуждёнными на изгнание мужьями. Им сообщили, что некий московский торговец, горячо сопереживая их трудной доле, пожелал выдать по одному рублю каждому заключённому, в том числе женщинам и детям, не исключая грудных младенцев.

Новость произвела огромное впечатление. Это было проявлением участия и сочувствия, в котором так нуждались несчастные. Кроме этого подарка, был ещё один. Православный священник раздал каждому по десять копеек. Было ли это добровольное пожертвование от кого-то или его собственные деньги – мы не знаем. Ко всему прочему, каждый получил большую буханку хлеба от очень известного в то время в Москве и Петербурге пекаря Филиппова. После этого арестантов отправили назад в их камеры. Мы же не раздали им ни одного Нового Завета и не сказали ни слова. Полковник счёл более

приемлемым сделать это на следующий день, перед самым их отправлением.

– Господа, – обратился к нам полковник, – теперь вернёмся к вашему вопросу. Итак, насколько я понимаю, вы бы хотели выступить перед заключёнными: рассказать им Благоую весть и раздать Священное Писание. Во всём этом я вас горячо поддерживаю и хотел бы лично помочь. Однако по долгу службы мне должно отлучиться на несколько часов, поэтому помочь не смогу. Могу ли я предложить вам своего ассистента?

Он представил своего помощника и распорядился подготовить всё необходимое для нашей работы. После этого полковник простился и ушёл, а мы с его ассистентом поднялись на верхние этажи здания тюрьмы. Доктор Бедекер и помощник полковника решили разделить три тысячи человек на три-четыре группы. Каждой группе они отводили один день, делили их на ещё меньшие группы, чтобы мы могли в спокойной и тихой обстановке рассказать заключённым Благоую весть.

– Итак, – сказал ассистент, – мы выделим для вас четыре дня, по семьсот-восемьсот человек в день. Каждую группу разделим на подгруппы по двести заключённых.

Это было именно то, что нужно. Он провёл нас в просторный и светлый коридор, сообщив:

– Сюда мы приведём к вам сегодня первых восемьсот арестантов.

Поднимаясь наверх, я обратил особое внимание на строение здания. Всё в нём было крупным и внушительным. Верхние этажи покоились на мощных опорах и арках, а пол был выложен чугунными плитами. В некоторых местах за долгие годы он был отполирован под ногами сотен тысяч

людей. Поэтому приходилось быть осторожным, чтобы не поскользнуться. Едва ли возможно было пройтись по такому полу бесшумно, а уж тем более совершить побег. В летнюю жару чугунное покрытие давало приятную прохладу и не пропускало мелких насекомых. Однако зимой холод был невыносим. Окна, двери и лестница были сделаны из того же материала, что и пол.

Пока мы поднимались на верхний этаж, надзиратели получили приказ привести первых двести человек в выделенное для нас помещение. Тогда мы услышали то, что я никогда в жизни не забуду. Где-то внизу на лестнице начался жуткий шум, звон ударов железа об железо – это был лязг оков. Мы оглянулись и увидели, как закованные в кандалы арестанты поднимаются по ступеням, догоняя и опережая нас, при этом звон ещё больше усилился. Это длилось примерно минут десять, однако я ещё долго после этого не мог прийти в себя. Я представил, что попал в ад и цепи, которыми грех сковал людей, уже никогда не снимутся с них. Мы должны сделать всё возможное, подумал я, чтобы спасти этих осуждённых на духовную и физическую погибель людей.

Когда мы преодолели последний пролёт, заключённые уже были выстроены в коридоре в шеренгу. Что это было за зрелище! Стоявшие там мужчины вовсе не были похожи на преступников, однако каждый из них был приговорён к тяжёлому труду. Почти все были коротко острижены или побриты. На спинах к их бушлатам были пришиты заплаты из мешковины – отличительный знак каторжников. Обезображенные и униженные арестанты должны были влачить жалкое существование, выполняя принудительные работы.

Ф.В. Бедекер рассказал им о страшном пути грешников. Начал он с того, что объяснил, как заманчив и невинен, на первый взгляд, грех, но лишь до тех пор, пока человек полностью не окунётся в него. Всё начинается с одной-единственной мысли о греховном поступке. Дьявол убеждает, что мысль сама по себе не ведёт к действию: «С тобой такое точно не произойдёт!» Словно паутиной, эти мысли оплетают сознание человека, пока зло вдруг не становится для него привлекательным. Чем больше человек размышляет об этом, тем больше его тянет ко греху, пока однажды не подвернётся возможность его совершить. И вот тогда совершённое зло прорывает плотину, до сих пор сдерживавшую его. После первого раза следует второй, затем третий, в результате чего человек становится рабом греха. Он не может остановиться, даже если очень хочет. Это произошло с каждым из них. Прежде чем совершить действие, была допущена мысль об алкоголе, грабеже, мошенничестве, драке, убийстве. Затем подвернулась возможность, воспользовавшись которой они стали тем, кем являются сегодня.

Никто не знал об их преступлении, и каждый из них надеялся, что никто и не узнает. Пока преступление не было раскрыто, они считали, что удача на их стороне. Действие сменялось действием, затем появились подозрения, за ними последовало человеческое правосудие, и в конечном счёте карающая рука закона всё-таки сомкнулась вокруг их горла. Бог, Которого грешники полностью вытеснили из своего сердца, о Котором забыли и не хотят вспоминать, остановил их. Он отобрал у них свободу совершать преступления, закрыв за ними двери темницы.

– А теперь ответьте мне, – обратился Бедекер к арестантам, – действительно ли грех столь привлекателен, каким казался? Дал ли он вам то, что обещал? Сделал ли грех хоть одного из вас счастливым? Хоть кто-то из вас может сказать: «А я рад, что всё сложилось именно так»? Нет! Никто не может этого сказать! Вы чувствуете себя несчастными и жалкими, оглядываясь на свою прошлую жизнь; вы несчастны, видя ваше положение сегодня, и ещё больше несчастны, когда думаете о вашей будущей жизни. Никто бы не согласился оказаться на вашем месте! Однако это ещё не всё. Послушайте, Бог, от Которого вы, может быть, ещё в юности своей отвернулись, всё видит и знает. Всё, как есть, а не так, как вы себе это представляли. Сегодня или завтра Он потребует от вас отчёт. Вина каждого вопиёт и требует справедливого наказания. Можете ли вы быть спокойными в Божьем присутствии? Какими несчастными сделал вас грех!

Я взываю к вам: остановитесь, бейте себя в грудь и покайтесь! Сегодня у вас ещё есть эта возможность. Оковы греха, которыми вы скованы перед Богом, намного крепче железных, сковавших ваши ноги. И если вы останетесь в них, то будете обречены на вечное изгнание от лица Господнего.

Бог же не хочет смерти грешников. Он доказал это, отдав на смерть вместо них Своего едиnorodного Сына. Когда Иисус умирал на Голгофе, Он умирал за каждого из вас. И если вы не хотите вечной смерти, то есть лишь один путь к Богу, прощению и миру с Ним – распятый за вас Иисус Христос! О, если бы вы пали к ногам Божьим прежде, чем уедете отсюда! Он примет вас, простит каждый грех и очистит, и даже более того, Иисус даст вам новое

сердце, вы станете другими людьми и пойдёте дорогой радости. Бог готов это сделать сейчас. Он ждёт вас!

Не было нужды призывать толпу к тишине. Слова Бедекера побуждали признать грехи, и от осознания этого из груди узников вырывались стоны. Лица их были серьёзны, они жаждали слушать больше и больше.

Во время раздачи Новых Заветов мы общались с теми, кто был особенно подавлен, и в зале стояла тишина, так как никто не хотел пропустить ни слова. В тот день у нас были ещё три такие же встречи в том же коридоре.

На следующий день, в воскресенье, в два часа дня из центральной тюрьмы начиналась отправка партии заключённых в Сибирь. В нужное время мы были на месте.

Начиная с мая, в течение шести месяцев, до тех пор, пока не замёрзли сибирские реки, из пересыльной Бутырской тюрьмы отправлялись колонны арестантов по четыреста-шестьсот человек вместе с жёнами и детьми. Несмотря на то что этот жуткий спектакль повторялся довольно-таки часто, каждый раз на отправку очередной партии приходила посмотреть толпа зевак. В тот воскресный и тёплый день людей собралось больше, чем обычно.

Ровно в два часа дня четыреста каторжников и ссыльных были выведены из тюрьмы. Их выстроили в шеренгу на площади перед зданием. Сюда же вывели женщин и детей, сопровождавших узников. Для них, прежде всего для их багажа, были подготовлены телеги, которые должны были довести их до железнодорожной станции в Нижнем Новгороде. Обычно, когда вся процессия готова к отправке, офицеры конвоя по приказу обнажают сабли, затем следует команда «Вперёд!», после чего вся колонна

начинает движение. Сегодня, однако, было сделано исключение. Мы подошли к отряду ссыльных.

Ф.В. Бедекер обратился к несчастным узникам, блуждавшим во мраке, с сильной проповедью Слова Божьего. После этого мы подарили каждому экземпляр Нового Завета.

Начальник тюрьмы добился разрешения для некоторых арестантов проститься со своими родственниками. Невозможно описать сцену прощания, развернувшуюся перед нами. Родственников вызывали поимённо. Пройдя через ряд стражников, со стонами, воплями и рыданиями женщины падали на шеи своих неверных мужей, которых в следующее же мгновение необходимо было навсегда отпустить. Родители безмолвно стояли перед своими сыновьями, которые избрали путь греха и теперь вынуждены были пожинать плоды своих дел. Союз между невестой и женихом разрывался навечно. Одна лишь эта сцена доказывала всю горечь греха. Многие из остающихся предпочли бы предать бездыханные тела родных земле, чем живыми отпустить на верную смерть. Перед узниками лежала лишь одна дорога – в Сибирь, и пути обратно не было.

Самый горький жребий ожидал жён и детей, следовавших за арестантами в изгнание. Они представить себе не могли, какие невзгоды и нечеловеческие лишения ожидают их в тюрьмах. Не подозревали и о скорбях, которые доводят многих женщин по прибытии до отчаяния или толкают на путь страстей. Что касается детей, то многие из них умрут в пути, так и не добравшись до места назначения. Из Томска нужно было идти пешком, поэтому дорога могла затянуться на несколько лет.

Офицер конвоя завершил прошение, попросив всех сопровождавших оставаться позади колонны. Был дан сигнал для начала движения, и отряд двинулся вперёд под обнажёнными саблями офицеров.

Начальник тюрьмы и священник, который, как и мы, был свидетелем прощальной сцены, а также многие сотрудники тюрьмы пожали нам руки в знак благодарности за то, что мы сделали для этих людей.

– Из всего, что получили эти несчастные в последние дни, ваш подарок оказался самым ценным, – сказал тюремный священник.

ЧЕРЕЗ НИЖНИЙ НОВГОРОД В ПЕРМЬ

Во вторник, в шесть часов вечера, мы выехали из Москвы. Переезд был приятным, поэтому доктор Бедкер и я прибыли в Нижний Новгород хорошо отдохнувшими. Мы сдали багаж в камеру хранения вокзала и направились напрямиком к местной центральной тюрьме, взяв с собой из депонированных здесь лишь несколько ящиков с Новыми Заветами.

Для губернского города тюрьма оказалась довольно большой. Это объяснялось тем, что транспортировка заключённых в Сибирь проходила через Нижний Новгород, а значит, тюрьма должна была принимать большие партии арестантов. Ко времени нашего прибытия в ней находилось около восьмисот узников. В большинстве своём они были грамотными, поэтому мы раздали пятьсот книг Нового Завета, которые были приняты с благодарностью.

После этого мы поспешили к речному вокзалу, откуда пароходом собирались отправиться в Пермь. Однако там

нам сообщили, что судно отходит лишь следующим утром, и посоветовали расположиться в зале ожидания, где можно будет и переночевать. Поразмыслив, мы решили так и поступить.

Утром пятнадцатого мая мы покинули Нижний Новгород. Как и все волжские суда, наш пароход был вполне комфортабелен, так что и пожелать больше нечего было. Однако, как это часто бывает весной, пароход был переполнен пассажирами. Особенно многолюдными были палубы. Мы узнали, что на борту, помимо многочисленных путешественников, насчитывалось около пятисот переселенцев в Сибирь, направлявшихся туда из Курской губернии.

Доктору Бедкеру до этого дня не приходилось общаться с бедными русскими крестьянами.

– Какую пользу они принесут огромной, дикой и безлюдной Сибири? – задавался он вопросом.

Никто из крестьян никогда и не слышал о высокой культуре, в большинстве своём они были безграмотны. Представления о земле, в которую они едут, были у них крайне ограничены. Во всём была видна бедность. Люди сидели, съёжившись на палубе, по три, четыре или восемь человек, в зависимости от количества членов семьи.

– Интересно, чем же они питаются? – спросил Бедкер.

– Видите небольшие мешки возле каждой группы? – указал я ему. – Это их провизия на весь путь.

– И что же у них там внутри? – снова спросил доктор.

– Сухари, – был мой ответ.

– Не может быть! – воскликнул тот. – Люди не могут питаться одними сухариками!

– Разумеется, эти сухарики – из тёмного ржаного хлеба. По сути, это всего лишь сухие хлебные корки...

– Они ведь чёрствые и грубые! Как же их можно есть? К тому же детям? – не успокаивался доктор.

– Всё очень просто. Видите возле камбуза медный кран? Он выходит из котла с горячей водой. Так вот, отец или мать кладут корки в миску и наливают в неё горячую воду из крана. Таким образом их обед или ужин готов.

Этой информации доктору Бедекеру было пока достаточно. Он, по-видимому, стал наблюдать за этими людьми, так как после дня путешествия рядом с ними, когда мы покидали русло Волги и направлялись вверх по реке Кама, он сказал:

– Вы были правы, кроме чёрствых хлебных корок, эти люди ничего не едят. Как вы думаете, сможем ли мы их всех накормить супом?

– Если у вас есть финансы для этого, – ответил я, – тогда сможем.

– Во сколько обойдётся нам такой обед? – поинтересовался он.

Я не мог точно сказать, поэтому мы отправились к судовому управляющему узнать, смогут ли они приготовить на пятьсот переселенцев настоящие русские ши из квашеной капусты с мясом и во сколько нам всё это обойдётся. Посчитав, он сообщил сумму: 125 рублей. Это было очень много. Переговорив с доктором, мы предложили управляющему 75 рублей. По моим приблизительным подсчётам, даже половина этой суммы была чистым доходом. Предложив ему подумать, мы ушли.

Ближе к вечеру управляющий разыскал нас и сообщил:

– Поразмыслив, я решил, что не обязан подавать к шам ещё и хлеб. У них ведь есть сухари. Если вы всё ещё

того хотите, я протелеграфирую на следующей остановке в Чистополь, откуда мне доставят на судно половину туши быка и нужное количество квашеной капусты. Ночью мы сможем приготовить обед. Как-никак, – добавил великодушный управляющий, – я и сам глубоко сочувствую этим людям.

Следующим утром, едва мы вышли из каюты, управляющий подошёл к нам с известием, что всё готово и можно взглянуть на ши. Придя на кухню, мы увидели три огромные деревянные бочки, накрытые чистыми крышками. Когда управляющий поднял их, нашему взору предстало аппетитное блюдо. Мелко нарезанное мясо было тщательно перемешано с остальными ингредиентами, чтобы при раздаче никого не обделить.

32

Между тем к нам подошли несколько человек от имени ста десяти солдат, просивших накормить и их приготовленным обедом. Они рассказали, что закончили военную службу поздней осенью, но не смогли выехать из Туркестана, так как лёд сковал Волгу и Каму. Солдаты с трудом пережили зиму и уже давно не ели ничего горячего.

Нужно было принять правильное решение. Обед был приготовлен для пятисот человек, и еды не хватило бы ещё на сто десять солдат. К нам подошли несколько переселенцев, настойчиво прося не делиться обедом ещё и с солдатами. Управляющий по своей опрометчивости уже рассказал всем о наших намерениях. Теперь же он пытался нам помочь.

– Не обходите никого и не лишайте их этого праздника. Каждый должен получить тарелку горячего супа. Обещаю вам, что всем хватит. Никто не останется голодным, – ободрял нас управляющий.

И он оказался прав. Мы радовались, что каждый получил большую порцию и остался доволен.

Вернувшись к себе, мы принялись за завтрак и уже не думали о том, что произошло. И всё же нам не дали об этом забыть. Не успели мы выйти на палубу, как к нам подошли шестеро мужчин, которые тут же бросились к нашим ногам. Этим они пытались выразить благодарность от имени всех переселенцев. Я чувствовал себя некомфортно, так же как и доктор. Мы протянули руки к мужчинам, прося их подняться. Доктор Бедекер сказал, что они должны быть благодарны не нам, а Богу, потому что всё, что они получили, – от Него. И лишь Ему за это слава.

Мы раздали Новые Заветы тем, кто умел читать, а в следующие дни отвечали на вопросы и общались с приходившими к нам. Это были искренние, доверчивые люди: когда кто-то из них начинал разговор с нами, остальные подтягивались по одному – послушать. Они старались не пропустить ни одного слова. Благодаря тем немногим земным дарам, полученным от нас, их сердца были широко распахнуты для Слова Божьего.

ЧЕРЕЗ УРАЛЬСКИЕ ГОРЫ В ЕКАТЕРИНБУРГ И ТЮМЕНЬ

34

В понедельник, девятнадцатого мая, мы прибыли в Пермь и, не теряя ни минуты, отправились в местную тюрьму, которая оказалась переполненной. Из-за вновь наступивших морозов начавшее было работу речное судоходство снова приостановили. Дальнейшая транспортировка заключённых из Тюмени прекратилась, а новые партии всё продолжали прибывать из Москвы. Это и стало причиной невиданного доселе количества арестантов в пермской тюрьме.

Весь следующий день был у нас свободен, поэтому мы посетили переселенцев, живших прямо на улице, под открытым небом. Им казалось, что лучше всего переждать это время с западной стороны Урала, пока не появится возможность отправиться дальше в путь. Их было около двух тысяч человек. Время от времени нам удавалось поговорить с некоторыми из переселенцев о спасении души, указав им путь к лучшему, небесному, дому.

Вечером двадцатого мая мы сели в поезд, который должен был перевезти нас из Европы в Азию. В то время это был единственный железнодорожный маршрут из одного континента на другой. Мы проспали, как и за год до этого, подъём на горный хребет, так как ночью всё равно было невозможно что-либо увидеть.

Ранним утром следующего дня мы добрались до водораздела. Три, с географической точки зрения, удивительно расположенные железнодорожные станции своими названиями сообщали о нашем местонахождении. Станция Европейская расположена на западе высоко в горах, Уральская – на горном хребте, а Азиатская – уже на восточной стороне, откуда открывается вид до самого горизонта. Кто ожидает насладиться здесь столь же величественным пейзажем, какой открывается на Кавказских горах, на горном перевале Швейцарии Сен-Готард или итальянском Симплон, глубоко разочаруется. На спуске к Екатеринбург у едва ли можно встретить что-то достойное внимания. Здесь не увидишь гротескные горные цепи, головокружительные пропасти, водопады или бурные горные реки. Лишь то тут, то там виднеются скальные массивы. Спускались мы намного быстрее, чем поднимались. В три часа дня двадцать первого мая мы, целые и невредимые, прибыли в Екатеринбург.

Задерживаться здесь надолго мы не намеревались, и уже двадцать третьего мая собирались ехать дальше – в Тюмень. Однако из новостей, полученных нами по приезде, мы заключили, что наше пребывание в Тюмени совершенно бессмысленно в данный момент.

Реки Тура и Тобол, по которым мы могли добраться из Тюмени в Тобольск, были скованы льдом. Неожиданно наступившие сильные морозы приводили к человеческим

жертвам. С экономической точки зрения, было выгоднее остаться в Екатеринбурге, поэтому мы решили не ехать в Тюмень, а переждать здесь несколько дней.

Екатеринбург – красивый город, особенно по сравнению с тем, что нам ещё только предстояло увидеть на своём пути. Это столица горной промышленности Урала, имеющая большое количество заводов, а также известную малахитовую фабрику, принадлежавшую роду Демидовых. Имея свободное время, мы решили посетить мастерскую, где изготавливают короны. Не веря собственным глазам, мы восхищались роскошными изделиями из всевозможных драгоценных камней и самоцветов.

Самым интересным, на наш взгляд, был процесс переработки мягких и твёрдых камней. Сколько усилий, терпения и таланта необходимо для того, чтобы из необработанного и неприглядного камня или обломка, похожего на булыжник, изготовить бесценное сокровище и изящное украшение. Кусок уральского орлеца диаметром примерно десять сантиметров нужно было в течение трёх месяцев усердно обрабатывать, и, как нам сказали, потребуется ещё столько же времени, чтобы со всей осторожностью распилить этот камень. А для создания роскошной вазы из камня такой породы потребуется около трёх лет.

Со времени нашего отъезда из Санкт-Петербурга мы два раза возвращались в зиму. Приехав сюда, мы радовались тёплой весне, хотя ни одно дерево ещё не начало цвести. Радость наша, однако, была недолгой. Неожиданно налетел сибирский восточный ветер, и уже на второй день нашего пребывания в Екатеринбурге выпало около пятнадцати сантиметров снега, покрывшего все улицы и площади города.

В Екатеринбурге жил господин Дэвидсон, представитель Британского и Зарубежного библейского общества в сибирском регионе. Ф.В. Бедкер и я познакомились с ним и его семьёй много лет назад в Петербурге, и они каждый раз были очень рады принять нас у себя. Дэвидсон решил отправиться вместе с нами в Иркутск. Он собирался посетить книгонош, чтобы иметь лучшее представление о трудностях этой работы в тех местах. Дэвидсон хотел убедиться в том, что мы будем обеспечены Новыми Заветами, так как ящики с книгами, отправленные для нас на его адрес, он получил довольно поздно. Мы были несказанно рады его решению присоединиться к нам в поездке – одной заботы меньше для нас.

Погода резко улучшилась двадцать четвёртого мая. Под жарким солнцем сугробы начали таять на глазах. Ехать дальше мы решили вечером следующего дня.

ОСТАНОВКА В ТЮМЕНИ

38

Прибыв следующим утром в Тюмень, мы прямо с вокзала направились к господину Вардропперу. У него же мы останавливались во время нашей прошлой миссионерской поездки год назад. Он владел пароходом, ходившим по реке Обь, поэтому всегда был в курсе последних новостей судоходства, чем мог поделиться и с нами.

Прежде всего необходимо было приобрести проездные билеты на корабль до Тобольска. Судно почти всегда было переполнено, поэтому задачу эту нужно было выполнить как можно скорее.

В судовом агентстве нас тут же узнали. За год до этого владелец парохода находился в Тюмени, и мы случайно встретились с ним в бюро агентства. Он искренне заинтересовался нашим служением, узнав, что мы направляемся в Тобольск, дабы проповедовать заключённым Слово Божье и раздавать Новые Заветы.

– Каждая книга, которую вы везёте в Сибирь, несёт с собой культуру, – сказал он нам. – А Евангелие, кроме того, прокладывает в греховной темноте путь к Богу.

Мы поделились с ним свидетельствами наших тюремных посещений. Служение изгнанным и обездоленным людям удивляло и даже восхищало его. Он выделил нам лучшую каюту на судне, а плату как за билеты, так и за багаж с нас вовсе не взял.

– Позвольте мне таким образом поддержать ваше служение, – объяснил он.

На этот же раз в бюро были только сотрудники компании. Однако они выразили не меньшую, чем их начальник, заинтересованность в нашей работе. Было сложно найти свободные места на ближайшем отходящем пароходе, так как все каюты были уже давно забронированы и билеты раскуплены. Тем не менее, узнав, что в этот раз нашей конечной целью путешествия является не Тобольск, а Сахалин, нас заверили, что мы попадём на этот пароход при любых обстоятельствах. Переговорив между собой, они вручили нам билеты до Тобольска, объяснив, что с большой радостью сделали бы нашу поездку и в этот раз бесплатной, но не могут без разрешения начальника. И всё же деньги за провоз личного багажа и ящиков с книгами с нас отказались взять. Итак, нам больше не было нужды беспокоиться об отъезде.

Решив этот вопрос, мы направились в тюрьму. То, с чем мы там столкнулись, невозможно описать. В здании, где могут находиться четыреста арестантов, а также сто двадцать – в бараке во внутреннем дворе, во время нашего приезда было 1 930 заключённых. Мы не могли понять, как эти несчастные выживали в таких условиях.

За всё время нашего служения мы ни разу не сталкивались с тюрьмами, в которых были бы подобные условия: ветхое, разрушающееся здание, отсутствие любой гигиены, наличие множество паразитов и насекомых, грязь. Даже человек, стоящий на низшей ступени культурного развития, едва ли может вынести подобные условия хотя бы несколько дней. Сложно представить, каково было здесь тем, кто привык к чистоте и свежему воздуху. Достаточно было провести в помещении полчаса, чтобы подхватить какую-нибудь страшную инфекцию. А сколько невинных людей попадало в подобные тюрьмы на десятки лет!

40 | Заключённые были рады нашему посещению. Им было отраднo знать, что есть на этом свете люди, в чьём сердце нашлось сострадание к ним. Их страдания, казалось, стали от этого немного легче. Доктор настоял на том, чтобы во время общения с отдельными партиями заключённых в здании и во дворе тюрьмы все двери и окна были настежь открыты, дабы впустить хоть немного свежего воздуха.

Стоны раскаяния вырывались из груди этих бедных духом людей во время проповеди Бедекера. Они услышали Благую весть о дарованном им спасении на Голгофе. Слёзы заключённых свидетельствовали о том, что эта весть касалась их сердец. Словно алчущие люди, с жадностью хватающие стакан воды, они принимали подаренный им Новый Завет. А так как окна и двери были открыты, то каждый мог услышать об искуплении.

Такую же картину можно было наблюдать двадцать седьмого и двадцать восьмого мая. Арестанты каждый раз радовались нашему приходу.

– Для нас это настоящий праздник, – говорили они. – У нас появилась надежда, что так, как сейчас, будет не всегда.

Тем временем погода становилась всё теплее. Ледяной покров начал таять под тёплыми солнечными лучами, и лёд на реке Тура наконец-то тронулся.

В оставшийся свободный день мы решили выйти на окраину города и узнать, как обстоят дела у переселенцев. Около 9 000 человек расположились прямо на улице под открытым небом. Некоторые из них вырыли для себя небольшие углубления в земле, другие набросали гору хвороста, на которой и спали. Большинство лежали на своей одежде, а то и просто на голой земле. Кое-где виднелись костры, над которыми висели небольшие котелки с горячей водой. Сотни людей стояли возле них, ожидая своей очереди. Почти все дети были больны, многие умирали от кори или оспы. Даже если у этих крестьян были деньги для аренды жилья, им отказывали сдать помещение, узнав, кто они. Переселенцы были предоставлены самим себе и своей горькой участи.

Невдалеке от нас стоял мужчина, громко плача и причитая. Мы подошли к нему, спросили, что стряслось. Вылив воду из котелка, он ответил:

– Это всё, что у меня осталось. Мне, моей жене и детям пришёл конец. И я не знаю, что нам делать.

Его лицо выражало отчаяние. Доктор Бедекер протянул ему одну купюру, которую тот принял, благодарно взирая на небеса. Нас тут же окружила толпа других несчастных. Казалось, их становилось всё больше и больше. Доктор спросил их:

– Вы знаете, куда идёте?

– Мы все направляемся в Сибирь! – был ответ.

– Это я понимаю, – ответил доктор, – но Сибирь огромная. Куда именно вы едете?

– В Томскую губернию! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Но знаете ли вы, куда конкретно? Есть ли у вас там земля, и если есть, то какая? Послали ли вы кого-нибудь туда заранее, чтобы всё разузнать? – продолжал их спрашивать доктор.

– Ничего мы не знаем, но из писем наших знакомых стало известно, что они получили землю в Сибири – просто поселились там, потому что земля никому не принадлежит. Так они там и живут, да и весьма неплохо.

– Значит, вы идёте, абсолютно не ведая, какую землю получите и получите ли вообще?

– Да землю-то мы получим, – ответили ему совершенно убеждённые в этом переселенцы. – Наш царь-батюшка позаботится о нас!

Поняв, что переселение в Сибирь соответствует интересам властей, доктор был поражён, что никакие меры не были предприняты, дабы эти несчастные не жили на улице, открытые всем ветрам, снегу, дождю и морозу, отчего и умирали.

– Где же ваш батюшка теперь? Посмотрите, что с вами случилось... Думаю, он и не знает о вашем существовании.

На это они ничего ему не ответили. Доктор же не отступал:

– Почему вы ушли из дому именно сейчас? Вам сказали, что пора идти?

– Да нет же, – ответили те, – кто нам должен был сказать? Наступила весна, и одна за другой семьи начали подниматься со своих мест. Мы, как стадо овец, если бежит один, то за ним устремляются все. Вот и получилось, что все мы оказались здесь в большой нужде.

Нам стало понятно, что эти бедные, несведущие люди были предоставлены самим себе, и никто из них не имел

точного плана действий. Многие уже потратили последние копейки, а цель была ещё так далека. Мы не могли понять, почему правительство бездействует, несмотря на то что, по сообщениям газет, от семидесяти до ста тысяч людей ежегодно переселялись в Сибирь. Доктор считал, что заключённым и того лучше жилось: у тех, по крайней мере, были хлеб и крыша над головой.

У нас было ещё время, поэтому тридцатого мая мы решили посетить первую партию арестантов, отправляемую из Тюмени в Сибирь. До Томска они направлялись теми же водными путями, что и мы: по рекам Тура, Тобол, Иртыш, Обь и Томь.

Огромные баржи, вмещавшие от четырёхсот до шестисот человек, были предназначены специально для перевозки заключённых. На стенах внутри были закреплены койки, имевшие небольшой подъём у головы вместо подушки. Маленькие иллюминаторы освещали всё помещение. Тут же находилось отдельное помещение для воинского судового караула, причём, по сравнению с тюремными, дисциплина и режим были строже. Палуба баржи во всю длину и ширину была окружена железной решёткой, представляя собой огромную плавающую клетку.

До того как построили сибирскую железную дорогу, на таких судах перевозили заключённых из Нижнего Новгорода до Перми и из Тюмени до Томска. Баржи присоединяли к пассажирским кораблям, которые на буксире тянули их до места назначения.

НА ПУТИ В ТОБОЛЬСК

Мы покинули Тюмень тридцать первого мая. В Тобольск плыли на том же судне, что год назад. Капитан корабля узнал нас и встретил очень дружелюбно. Все места на судах, ходивших по Волге и Каме, были заняты, но наш пароход казался особенно переполненным. Все проходы и палубы были до отказа забиты переселенцами. Лишь возле капитанского мостика осталось небольшое свободное пространство.

Как и другие пассажирские суда, наш тянул на прицепе баржу, однако нагруженную вещами и продовольствием. Это не вызывало затруднений, потому что плыли мы вниз по течению.

Стояло полноводье, однако поездка наша была успешной. Часто мы приставали к берегу там, где не было видно никакого населённого пункта и не было пристани, где капитан считал возможным причалить. Чтобы сойти на берег, необходимо было спуститься по доскам. Кто-то

сходил с корабля, кто-то поднимался, снося или заноса свои вещи. Поселения, возле которых совершались такие остановки, находились за лесом. А леса уж точно здесь было в избытке!

В понедельник, второго июня, мы прибыли в Тобольск. Как и год назад, первым делом посетили губернатора. После этого решили хоть немного познакомиться с городом. К нашей основной задаче мы не могли приступить, пока ящики с Библиями не выгрузят с корабля.

Вернувшись с прогулки в гостиницу, мы узнали, что к нам заходил губернатор, оставив визитную карточку. Во время нашей последней встречи он был особенно гостеприимным, ему доставляло удовольствие знакомить нас с Сибирью. Он рассказал нам, что, когда впервые приехал сюда, был поражён: в этом удивительном краю отсутствует выставка предметов местных художественных промыслов. Он не успокоился до тех пор, пока не основал небольшой этнографический музей.

– Моя коллекция до смешного мала, но это только начало! Тем не менее приглашаю вас заглянуть в мой маленький музей, – заключил он.

На вопрос, какие же интересные вещи могут быть у племён, которые находятся на таком низком уровне культурного развития в необжитой Сибири, он ответил:

– Приходите и сами увидите, что человек низкого уровня культурного развития должен предпринять для выживания в этих условиях. Вы найдёте тут примитивные луки для охоты на дичь, капканы для лис и других животных, сети для ловли уток и прочих птиц, а также ловушки для диких гусей и лебедей, познакомитесь с разнообразной домашней утварью, примитивными инструментами для

обработки дерева, с особенностями местной одежды и даже идолами. А сколько у нас костей и бивней мамонтов! Вы, вероятно, слышали об останках допотопных животных. Вы только представьте себе, что мы порой находим целые туши мамонтов, с кожей и мясом, и сибирские псы едят их с большим аппетитом. Вот как хорошо они сохранились! Однако такие находки мы не можем оставить себе. Как только местные находят останки мамонтов, они тут же сообщают нам об этом. Мы же, в свою очередь, оповещаем Петербургскую академию наук, которая высылает к нам специалистов, правда, без них уже был испорчен не один чудесный экземпляр! Разумеется, академия наук раскапывает для себя. И всё же у нас тоже есть на что посмотреть: громадные бивни, кости и другие останки.

46

Мне было любопытно узнать, как вообще находят туши затонувших мамонтов, о чём я и спросил губернатора.

– Всё очень просто, – охотно объяснил он. – Каждую весну Обь выходит далеко за пределы берегов по всей своей длине, на сотни тысяч вёрст – от Томска до Карского моря. Разлив обычно бывает столь сильным, что меняет русло Оби, рассекая и перекапывая болотистую местность на своём пути. Когда вода спадает и течение возвращается в естественное русло, затопленные и перекопанные весной земли остаются открытыми. Остяки⁶ исследуют на своих лодках каждый залив, новые и старые протоки и, как только находят обмытые останки мамонтов, сообщают нам, получая за это хорошее вознаграждение.

---

⁶ Старорусское название современных хантов – коренного малочисленного угорского народа, проживающего на севере Западной Сибири. Прим. переводчика.

Я поблагодарил его за объяснение, однако попросил разрешения задать ещё один вопрос:

– Существует ли какое-то объяснение, почему животные, затонувшие тысячелетия назад, так хорошо сохранились, что их туши не сгнивают и даже пригодны для еды?

– И здесь всё просто, – ответил губернатор. – Хотите себя увековечить, сохранить своё тело навечно? Тогда всё, что вам нужно, это умереть у нас, оставив после себя завешание быть похороненным в могиле глубиной семь футов. Мы выкопаем могилу, похороним вас, и тогда через одну или две тысячи лет ваше тело найдут абсолютно нетленным и хорошо сохранившимся. Земля в наших краях никогда не оттаивает больше, чем на четыре фута, даже самым жарким летом. Сибирские морозы сохраняют и консервируют всё. Поэтому остаётся лишь признать тот факт, что все мамонты погибли в результате катастрофы, за которой последовали сибирские морозы, сохранившие тела животных в отличном состоянии. Вот и всё объяснение.

Мы любезно поблагодарили губернатора и при первой же возможности посетили музей, где даже приобрели небольшие кусочки мамонтовых бивней и костей.

Прежде чем приступить к своей миссии, необходимо было определиться с дальнейшими планами путешествия. В судовом агентстве нам объяснили, что мы не сможем отправиться в Томск с первым же пароходом. Если бы не расположение к нам владельца судна и всего руководства, мы бы не смогли попасть и на второй корабль, так как и на него все билеты были раскуплены. Однако нас не только обеспечили местом на судне, но и не взяли плату за проезд до Томска.

Имея достаточно свободного времени до отъезда, третьего июня мы отправились в первую каторжную тюрьму. В ней было заключено более трёхсот мужчин. С предыдущего года произошли большие изменения. В России были введены новые постановления о принуждении арестантов к работе. Однако в большинстве городов к исполнению этих постановлений отнеслись несерьёзно. В Тобольске всё обстояло иначе. Мы нашли заключённых в цехах, и уже один их внешний вид свидетельствовал о полезности труда. Они выглядели вполне довольными. Кого там только не было: столяры, слесари, токари, портные и сапожники. На городской базарной площади у них был магазин, где можно было приобрести их изделия. Это было простое начало, однако начальник заметил:

– Если дело так и дальше пойдёт, то есть надежда, что мы в скором времени будем не только окупать затраты, но и получать хорошую прибыль. Даже сейчас наши изделия раскупают быстро и мы не можем удовлетворить весь спрос на товар. Когда стало известно об обязательном принудительном труде для каторжников, арестанты взволновались, однако, узнав, что могут вернуться к ремеслу, которому посвящали себя на свободе, обрадовались. Не все из них, разумеется, ремесленники, но в тюрьме есть возможность учиться, и многие делают неплохие успехи. К тому же с тех пор, как арестантов побуждают к работе, порядок и дисциплина в тюрьме заметно улучшились.

После нашего первого обхода ремесленных цехов, находившихся в камерах разной площади, последовал второй – с проповедью Евангелия, к которой их подготовили при первом обходе. Было радостно видеть, как быстро и охотно собрались заключённые для слушания Слова Божьего.

Во время раздачи книг Нового Завета некоторые арестанты жаловались на плохое зрение. Одни просили доктора Бедекера подарить им очки: когда они будут получать хоть немного от зарабатываемых ими денег, то смогут сами приобрести необходимое, но на данный момент возможности такой не было, отчего и читать они не могли. Другие просили доктора дать им немного на чай и получали по пятнадцать-двадцать копеек. Похожая ситуация уже была в тюрьмах Урала.

Во время обеда мы сходили в магазин и купили большое количество очков по пятьдесят копеек, так как видели, что в этом действительно есть нужда. Какая радость охватила тех, кто наконец-то смог хорошо видеть и читать!

В течение ещё двух дней мы продолжали нести благословенное служение и в других тюрьмах.

ПО ИРТЫШУ И ОБИ В ТОМСК

50

В субботу, седьмого июня, доктор Бедекер и я были готовы к отъезду из Тобольска. Мы горячо благодарили Господа за прошедшие пять дней и с уверенностью смотрели в будущее. Перед самым отплытием у нас появилась возможность ещё раз увидеться с губернатором. Несмотря на то что мы уже встречались с ним после обхода тюрем, он хотел с нами проститься. Воспользовавшись случаем, губернатор познакомил нас с тюменским купцом, который плыл до Томска на одном с нами судне. От него мы узнали много полезной информации относительно нашего путешествия через Сибирь.

Расположившись на корабле, мы поняли, как руководству судоходного агентства удалось обеспечить нам поездку на этом пароходе. Спальные места для нас устроили в гостиной зале первого класса. Все прочие каюты уже были заняты. На палубах нельзя было найти свободного

места. На нижней палубе по обыкновению расположились бедные переселенцы.

Мы быстро освоились на судне и ближе познакомились с попутчиками. С нами плыл финский профессор, который направлялся в Монголию для археологических исследований. Во время путешествия он проявлял большой интерес к коренным жителям Сибири, мог часами сравнивать их родной язык с финским и получал истинное удовольствие, находя в названиях некоторых предметов остяков и финнов общие корни. Из этого он сделал вывод, что остяки имеют финское происхождение.

Плыли мы по Иртышу на север. Насколько хватало глаз, на суше по обе стороны реки простиралась лишь тёмно-серая пустошь. Ни одного поселения, а вначале даже ни одного кустарника или дерева, никакого намёка на лес. Через пару дней мы, правда, заметили на берегу какую-то растительность, которая, однако, едва ли свидетельствовала о приближающейся весне. Тем не менее даже в таких местах жили люди.

Несмотря на то что наш корабль тянул за собой баржу, он мог бы преодолеть шестьсот километров до реки Обь за два дня, однако ему понадобилось для этого пять дней. Капитан не хотел входить в Обь до тех пор, пока проходящее мимо судно из Томска не принесёт с собой весть о прекращении движения льда на реке.

Мы были вынуждены сделать остановку по причине неполадок в паровом котле судна. Доктора Бедекера заинтересовала деревня, расположенная недалеко от места остановки. Капитан заверил нас, что мы можем идти и не волноваться – ремонт займёт пять-шесть часов. Так мы и поступили. Бедекер надеялся навестить местного священника.

Зайдя в деревню, мы тут же направились к церкви, но узнали, что священника нет дома. Тогда мы попросили дать нам адрес деревенского учителя, который, как нам сказали, был дома.

Приветствуя хозяина дома, мы зашли в открытую дверь. Учитель, засучив рукава, плёл рыболовную сеть. Он был искренне удивлён, увидев таких гостей в своём доме, и извинился за неподобающий вид.

– Сейчас у детей каникулы, – объяснил он, – на это время мне приходится искать другую работу, чтобы иметь хлеб на столе.

– Именно об этом нам говорил Господь, – обратился к нему доктор. – В поте лица своего ест человек хлеб после грехопадения.

Узнав, что мы верующие, учитель стал более открытым в общении. Какое-то время мы говорили о том, что было наиболее важно для нас.

У доктора Бедекера, однако, было множество вопросов относительно условий жизни в северных краях. Если быть совсем точными, мы находились на 62-м градусе северной широты.

– За окном уже июнь, а трава почти не выросла. Когда же вы сеете и собираете урожай?

– Мы не сеем и не жнём, – был ответ.

– Как же вам удаётся печь этот прекрасный ржаной хлеб? – удивился Бедекер и указал на буханку на столе.

– Мы покупаем муку, из которой печём хлеб.

– А как сюда доставляют муку?

– Её привозят из Тары, за тысячи вёрст отсюда, доставляют по реке. Тара лежит на Иртыше.

– Сколько стоит пуд⁷ ржаной муки?

⁷ Один пуд равен шестнадцати килограммам. Прим. автора.

– У нас – сорок копеек, – ответил учитель.

– Это очень дёшево, – удивился Бедекер. – Нигде больше в России не купишь муку по такой низкой цене.

– Сколько же стоит мука в Таре?

– Двадцать копеек.

Если учесть, что рожь, из которой делают муку в Таре, доставляется туда из Семипалатинской губернии, а это ещё на тысячу километров южнее, то цены были действительно крайне низкими. Однако это было легко объяснимо отсутствием в то время железной дороги в Сибири.

– Но даже и эти сорок копеек нужно заработать, а помимо хлеба для жизни необходимо многое другое. Как вы приобретаете всё необходимое? – поинтересовался Бедекер.

– Наши люди занимаются охотой и рыболовством.

– Значит, здесь водится очень много дичи, если целая деревня имеет постоянное пропитание? На кого вы охотитесь? – продолжал спрашивать доктор Бедекер.

– Вы наверняка уже видели огромные стаи уток и гусей со своего корабля, – заметил учитель. – К тому же в наших краях и вдоль реки Обь водится много лебедей. В основном мы охотимся на этих птиц. Ну и, конечно же, ловля рыбы.

– Потрясающе! Сколько же будет стоить одна утка?

– Хорошая, жирная утка стоит пять копеек. Сотня уток – три рубля.

– Что же вы получаете с продажи одной утки за пять, а то и три копейки? Порох и дробь стоят и того дороже!

Учитель улыбнулся и ответил:

– Уток и гусей никто не стреляет, это было бы невыгодно. Стреляем мы разве что лебедей – они умные и близко к человеку не подходят. К ним нужно подкрадываться, чтобы застрелить.

– И как же вы ловите уток и гусей?

– Уток – сетями. Вот эта сеть – рыболовная. Для уток же нужна другая, с более крупными петлями. Вечером мы выходим на места, где пасутся стаи, и там расставляем сети. Поутру находим тридцать, пятьдесят, восемьдесят, сотню, а то и больше птиц в сетях. Гусей ловят петлями-ловушками, которые тоже раскладывают в определённых местах. Гуси наступают на них, и петли стягиваются вокруг их лап. В качестве пружины используются молодые деревца, – объяснил нам учитель. – Рыбы здесь тоже водится много, – продолжал он. – Как её ловят, вам, думаю, известно. Сейчас, во время полноводья, улов небольшой, но позже рыбы снова будет много. Некоторые виды рыбы мы сушим на солнце, другие – засаливаем или коптим. Покупателей у нас достаточно вдоль Иртыша и Оби. Помимо этого, мы держим домашнюю скотину, откармливаем свиней, в чём большую помощь нам оказывают огороды. Сено для скотины собираем в конце июля⁸, потому что уже в августе начинаются ранние морозы.

Мы также узнали, что население деревни состоит только из русских. Поселение было основано давно, вероятно, ссыльными из России. Мы поблагодарили учителя за всё, что он нам рассказал, попрощались и вернулись к нашему пароходу, ремонт которого закончился ещё совсем не скоро.

Двенадцатидневный путь до Томска был действительно интересным. На второй или третий день после отплытия из Тобольска я решил раздать переселенцам – тем, кто умел читать, Новые Заветы. После раздачи книг последовало множество вопросов, общение, разъяснение и откровение – и так до вечера.

---

⁸ По новому стилю – в первой половине августа. Прим. автора.

На следующий день я продолжил работу. Закончив, начал подниматься по лестнице на верхнюю палубу. За мной последовала толпа переселенцев. Оказавшись наверху, я обернулся и взглянул на толпу. Среди них заметил одного священника, которого до этого не видел. Я решил подарить Новый Завет и ему.

Как только он поднялся, я тут же протянул ему книгу и спросил:

– Разрешите подарить вам эту ценную книгу?

– Новый Завет, – ответил тот, беря книгу из моих рук, – это, без сомнения, самая ценная из книг. – Однако в следующий момент тон его голоса изменился, и он возмущённо спросил: – Что же вы сделали там, внизу? Вы вручили Писание этим невежественным людям и употребили всё своё красноречие, дабы убедить их прочитать его.

– Да, – ответил я, – это именно то, что я сделал. Почему это вызвало у вас возмущение? Надеюсь, что не ошибся, приняв вас за православного священника. Если бы вы были католиком, тогда ваше негодование было бы понятно. Прихожанам-католикам запрещено читать Священное Писание.

– Библия в руках этих тёмных людей – словно нож в руках младенца! – воскликнул священник. – Она принесёт им лишь вред. Откуда берутся все эти сектантские учения и отчего люди слушают их? Вы только подумайте, что будет, если они прочитают стихи из пятой главы Евангелия от Матфея: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не всё тело твоё было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки её и брось от себя...» Ежели позволите им читать Слово

Божие, то все увечья будут на вашей совести! К чему же это приведёт, если каждый будет волен читать и сам научиться?

– Батюшка, – начал я примирительно, – посудите сами, разве не было в России сект ещё и до появления Нового Завета и всей Библии на языке народа? Что касается отсечения рук и вырывания глаз, будьте так любезны, назовите хоть один подобный случай за последние двадцать лет, с тех пор как Священное Писание распространяется в России на понятном народу языке. Вы не сможете назвать. Калечили себя люди как раз до того, как Слово Божие светом пролилось на них!

Священник умолк на мгновение, затем вынул из своей сумки маленькую брошюру. Протянув её мне, он сказал:

– В любом случае вы бы принесли больше пользы людям, если бы раздавали им такие брошюры. Читали вы её?

Я взял книжку и увидел имя автора: Л.Н. Толстой.

– И вы предлагаете заменить Христа и апостолов этим человеком? Я не спорю, Лев Толстой – замечательный писатель и философ, но не христианин.

Для священника это было уже слишком. Он вышел из себя и громко закричал, возмущаясь, что я посмел усомниться в христианской вере этого писателя. Людей на его крик собиралось всё больше и больше. В этот момент появился доктор Бедкер, взял меня под руку и попытался вывести из толпы.

Я обернулся к нему и тихо сказал:

– Не переживайте, мы вовсе не ругаемся. Я как раз подошёл к истине, которую он и все заблудшие души просто обязаны услышать. Через минуту он успокоится.

Я снова повернулся к священнику и спокойно продолжил:

– Я не погорячился, сказав, что Лев Толстой не христианин. У меня есть все основания утверждать это. С учением Толстого меня познакомили его ближайшие последователи. В Священном Писании сказано, что христианином может называться тот, кто принял Христа, Сына Божьего. В третьей главе Евангелия от Иоанна написано: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». Бог отдал Своего Сына – вот что Он для нас сделал! Человеку со своей стороны нужно лишь принять Сына Божьего. В первой главе Евангелия от Иоанна мы читаем о Его приходе на землю: «Пришёл к Своим, и Свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть детьми Божьими...» И как было это тогда, так есть и сегодня. Многие называют себя Христовыми, однако вовсе не верят в Иисуса как Сына Божьего. Лев Толстой среди них первый: отрицая Божественность Христа, он отрицает примирение с Богом через крестную смерть Иисуса, Его воскресение и вознесение.

Всё это я смог доказать священнику с помощью ряда высказываний Толстого. Тот сначала молчал, потом попросил меня всё-таки прочитать брошюру и сказать моё мнение. Однако я продолжал, заметив, что уж очень он необычный священник, если в писателе Толстом видит свой идеал. Я спросил его, отрицает ли он также все фундаментальные истины христианства, о которых я говорил ранее, и напомнил, что отвергающие Сына не имеют и Отца и живут в мире без Бога. Около двух часов мы продолжали говорить со священником, а люди вокруг с интересом слушали нас.

Случай с этим священником спровоцировал впоследствии ежедневные собрания два, а то и три раза в день на палубе. Среди переселенцев оказался мужчина, который знал почти весь Псалтирь наизусть и целые главы из пророческих книг. Видя его суждения и знание Священного Писания, я понял, что он верующий. Однако этот человек держался очень застенчиво и скрытно. Он внимательно слушал мой разговор со священником и был, казалось, рад, когда я начал говорить толпе о Слове Божьем.

Следующим утром мужчина подошёл ко мне, едва я вышел на палубу, за ним следовали ещё двенадцать человек. Он обратился ко мне, напомнив библейский стих, который я упомянул в разговоре со священником.

– Вы произнесли этот стих как доказательство, – сказал он мне, – но не стали говорить подробнее о смысле. Будьте так любезны, объясните нам это место, – и он процитировал текст из Книги пророка Исаии: «Ищите Господа, когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко» (55:6).

Я задал мужчине несколько вопросов, из которых понял, что он знает всю главу наизусть. Едва мы начали разговор, как множество людей устремилось к нам послушать. Это была не проповедь, но искренняя и глубокая беседа об обращении человека к Богу, во время которой я задавал им серьёзные вопросы и отвечал на те, которые они задавали мне. Мы беседовали так около полутора часов, а после этого разговора каждый день вели такие же общения. Круг слушателей ежедневно увеличивался. Мы чувствовали на нас Божье благословение.

Ночью, после принудительной остановки, наш пароход встретил судно, которое шло из Томска и принесло нам две новости. Одна была хорошая: движение льда на реке

Обь прекратилось. Вторая новость оказалась трагической: пароход из Тобольска, тот самый, на котором для нас не оказалось места, застрял во льдах, после чего на судне взорвалась паровая труба. Многие пассажиры получили страшные ожоги, около шестидесяти человек погибли на месте. В результате этой жуткой трагедии мы прибыли в Томск, естественно, раньше первого парохода. Как милостив был к нам Господь, что задержал нас в Тобольске на несколько дней и сохранил от несчастья!

Итак, из реки Иртыш мы вошли в Обь, течение которой было очень сильным. Водные массы обрушивались на наш корабль, хотя и не были возводимы воздушными течениями. Казалось, волны пытались то ли вытеснить друг друга, то ли ещё сильнее прижать к судну впереди идущую волну. Перед бушпритом образовывались бурные водовороты, которые наше судно, впрочем, легко преодолевало.

Когда начал таять снег и одновременно вскрылись притоки Оби, поднялся уровень воды. Река Иртыш считалась крупной, но Обь намного превосходила её. Чтобы понять размеры Оби, увеличьте самую крупную реку европейской России – Волгу – в три раза. Такой широкой была Обь! А во время полноводья, выйдя из своих берегов с обеих сторон, она достигла в ширину 60 километров. Вокруг, насколько видел глаз, была лишь водная пустыня. Изредка можно было заметить верхушки деревьев, торчашие из воды, и это означало, что под нами – затопленные берега. Можно понять, как капитан находил путь на этой не имевшей берегов реке днём, но как он делал это ночью – непостижимо. Тем не менее мы плыли двенадцать дней и ночей и ни разу не сели на мель. Мы благодарили Господа за то, что находились под Его защитой.

Изредка мы видели вдоль реки поселения коренных жителей, остяков. Один местный подплыл к нашему идущему на полном ходу пароходу на своей лодке, вырубленной из ствола дерева. Он зацепился за наш корабль, чтобы предложить повару купить у него рыбу. Совершив сделку, он отцепился от нашего судна и, довольный, уплыл в свою деревню.

В другой раз, как только судно пришвартовалось к берегу, к нам подошла женщина из остяков. В руках она держала мешок, наполовину набитый великолепными лебедиными перьями. Она тут же прошла к буфету, где предложила свой товар.

– Сколько ты хочешь за перья? – спросил её официант.

– Бутылку водки, – был её ответ.

– Женщина, – обратился к ней один изумлённый пассажир, – посмотри, у тебя ведь даже и нижней юбки нет, одежда спадает с тебя. Возьми лучше полрубля, это цена за бутылку водки, и купи себе ткань для юбки.

Многие одобрительно закивали такому совету. А женщина стояла и думала.

– Хорошо, – наконец произнесла она, – дайте мне полрубля.

Но как только официант подал ей деньги, она поспешно запротестовала:

– Нет, дайте мне всё-таки водку!

Она получила то, что хотела, и, довольная, ушла восвояси.

Остяки – языческий народ. Всё, что до сих пор сделали для них христиане, это познакомили их с водкой, обменивая её на товары, а также с сифилисом. В результате этого несчастный народ оказался на грани вымирания. Прежнее правительство запрещало евангелизировать среди этого

народа евангельским церквам, потому что среди них уже трудилась православная церковь. Как обстояли дела с их работой, мне рассказал один православный сибиряк:

– Есть множество православных остяков, но они ничем не отличаются от своих соплеменников-язычников. Они заучили Апостольский символ веры, были научены осенять себя крестным знамением и приняли водное крещение, после чего получили русское православное имя. Ко всему прочему им были подарены иконки. Однако в их вере, несмотря на это, нет ничего христианского. Собираясь на рыбалку или охоту, они берут вместе с иконками своих идолов. Из Символа веры они уже не помнят ни слова. Забыли и свои христианские имена.

Описанное мужчиной духовное состояние остяков, без сомнения, соответствовало действительности.

Благодарение Господу, был в этом мраке и луч света. Несколько лет назад для миссионерской работы среди остяков приехали два немца, и, насколько мне известно, позднее к ним присоединился третий. У нас очень мало информации об их служении, но мы знаем, что работа Божья уже началась и они нуждаются в поддержке.

На протяжении всего пути в две тысячи километров наш пароход совершил около двадцати пяти остановок. Среди них было лишь две в городах на реке Обь: в Сургуте, окружном городе, насчитывавшем в то время не больше двухсот жителей, а сегодня – тысяча триста пятьдесят; и в Нарыме, имеющем сегодня восемьсот сорок жителей. Во время нашей остановки в Нарыме мы и не подозревали, что этот город приобретёт печальную славу среди русских верующих. Через двадцать пять лет, на следующий год после окончания войны, множество детей Божьих было сослано

за свою веру в эту водную пустыню. До чего не додумался Победоносцев в своей мании преследования – высылке людей за их убеждения в тундру, то было осуществлено при Николае II десять лет спустя после того, как им был принят закон о свободе совести.

Мы узнали об этом, когда были в Петербурге. Одна наша сестра получила в 1915 году письмо из Курской тюрьмы, в котором девять проповедников из Одессы писали, что были выведены ночью из своих домов и отправлены в тюрьму. Их переправляли из одной темницы в другую до тех пор, пока не отправили в Сибирь. Сестра та была придворной дамой. Она немедленно написала просьбу государю, после чего отправилась к царице-матушке, которая благосклонно приняла её. Просьба нашей сестры была вручена царице, которую попросили передать письмо её сыну и рассказать о случившихся событиях.

Так государь узнал о происходящем, но хлопоты нашей сестры были напрасны: проповедников отправили в Нарым. После того случая последовали и другие ссылки верующих, среди них были и женщины. Однако благодаря любви Божьей и состоятельным верующим в Петербурге, несчастные ссыльные имели постоянную поддержку. Через год те самые девять проповедников были переведены по царскому указу в Уфимскую губернию, где, по их словам, условия были те же, что и в Сибири. Так выглядел ответ на прошение нашей сестры. Полную свободу заключённые получили лишь после революции.

В ТОМСКЕ

*М*ы прибыли в Томск восемнадцатого июня. Нашу поездку мы вспоминали с радостным и благодарным сердцем. Двенадцатидневное путешествие по рекам стало для нас передышкой, после которой мы физически были готовы тут же отправиться в долгую дорогу на почтовых лошадях. Однако в Томске оказалось много дел, требовавших нашего внимания, которые надолго задержали нас в городе.

Книги Нового Завета, необходимые нам в дальнейшем служении, были всё ещё в пути, собственно, как и мистер Дэвидсон из Екатеринбурга, с которым мы договорились встретиться в городе. Необходимо было подготовиться к предстоявшей дороге, а это было более 4 000 километров, и, разумеется, посетить местные тюрьмы.

Книги Писания для томских заключённых мы привезли с собой на пароходе, поэтому по прибытии теоретически могли бы немедленно посетить три тюрьмы. Однако прежде необходимо было встретиться с тюремными начальниками,

договориться о времени и распоряжениях к нашему приходу. Весь этот процесс затянулся надолго. У них к нам было множество вопросов, а у нас – к ним. Для них подобные посещения были чем-то новым, невиданным. Поэтому в тот день нам так и не удалось встретиться с заключёнными. Однако увиденное нами пролило свет на положение несчастных, сосланных в Сибирь.

В крупной пересыльной тюрьме я узнал от нескольких надзирателей, насколько деморализует арестантов ссылка. Во двор на прогулку вышли сотни заключённых. На мой вопрос, к какой группе арестантов они относятся, надзиратель ответил:

– Они все каторжники.

– Как же хорошо они выглядят! У них круглые лица и крепкие шеи. Видимо, они хорошо питаются?

– Самой обычной, уже знакомой вам тюремной едой.

– Где они работают? – продолжал я расспрашивать.

– Как видите, у них вообще нет работы.

– Как в таком случае каторжники проводят время?

– Едят, навешают друг друга и почти весь день гуляют во дворе. Зимой или в дождь они остаются в камерах и тогда играют, чаще всего, в азартные игры, – объяснил надзиратель.

– Но они ведь не остаются здесь надолго – лишь до тех пор, пока не будут переброшены дальше, так?

– Отнюдь, вот эти находятся у нас во время всего срока заключения. Некоторые из них приговорены к четырём, восьми, двенадцати или двадцати годам каторжного труда, но никакой работы за всё это время не делают. В конце концов они становятся вообще неспособными к какому-либо труду.

– На что заключённые играют? Какие ставки делают? – поинтересовался я.

– Вы себе и представить не можете, какие: деньги, кем-то высланные, хлеб, одежда, порой даже судебный приговор и, конечно, имена. Вот и все их ставки.

– Но невозможно же играть на собственный судебный приговор! Что даст арестанту, приговорённому к двадцати годам заключения, выигрыш срока в четыре года? – удивлённо спросил я.

– О, многое! – ответил надзиратель. – Его срок сократится на шестнадцать лет, а у проигравшего на столько же увеличится.

– Это невозможно! – воскликнул я. – У каждого свой приговор, и начальнику тюрьмы о нём известно.

– Это верно. Находясь под надзором начальника, они остаются при именах, с которыми прибыли в тюрьму. Но если поступает приказ перевести их дальше в Сибирь или просто в другую тюрьму, они делают обмен: берут имена друг друга. Дело сделано! Конвоированные офицеры меняются каждый день и не знают арестантов в лицо, а уж тем более начальник новой тюрьмы!

– А что, если тот, кто приговорён на меньший срок, выдаст их? Их жульничество раскроют, и они будут наказаны? – никак не мог понять я.

– Горе тому заключённому, – ответил надзиратель. – Арестанты не ведают жалости к таким. Он вмиг становится предателем, и его безжалостно избивают. Куда бы он впоследствии не был отправлен, где бы не оказался, арестанты будут ненавидеть его и избегать. Обычно такие ставки делают заключённые, приговорённые на короткий срок, которые бездумно проиграли уже всё, что имели, но всё

ещё надеются отыгаться. Будучи не в состоянии отдать долг, они в качестве ставки вынуждены предложить свой более лёгкий приговор.

Со двора мы зашли в комнату надзирателя, где лежала большая груда кандалов. Ничего подобного мне не приходилось видеть ни до, ни после того. Подойдя ближе, я заметил, насколько все они разные.

– Да, у нас есть кандалы разной тяжести – от двух с половиной до восьми килограммов, – объяснили мне. – Рецидивистов, то есть уголовников, совершивших преступление повторно, арестантов, пытавшихся бежать, и просто тех, кому удалось разомкнуть лёгкие цепи, сковывают в более тяжёлые.

– Поверите ли вы мне, – обратился ко мне самый старший из надзирателей, – если я скажу, что арестанты любят свои кандалы и камеры?

Но поверить этому, да и просто представить подобное я не мог. Тогда мужчина поднял один из кандалов и сказал:

– Взгляните хотя бы вот на эти, гладкие и блестящие. Это вовсе не работа кузнеца, и не от постоянного использования они такими стали. Вы едва ли найдёте здесь хоть одни шершавые и грубые цепи, какими они выходят из-под рук ремесленника. Такими их делают арестанты, прикладывая немало усилий, чтобы отшлифовать кандалы. Они могут часами сидеть за этим делом, которое доставляет им истинное удовольствие. Каждый пытается сделать свои кандалы более гладкими и блестящими, чем у других. То, как звенят цепи, тоже очень важно. Заключённые даже отличают звон цепей друг друга, и когда мы отправляем очередные 200 человек, заковав их в кандалы, стараются, чтобы цепи их партии не издали ни одного фальшивого

тона. Это покажется вам очень странным, но всё это чистая правда.

Затем надзиратель рассказал о том, что арестантам может полюбиться их камера и они неохотно покидают её.

– Это происходит обычно с тем, кто отсидел уже свой срок. Он не имеет права вернуться в Россию, должен остаться в этих краях. Ему предписывается поселиться в Мариинске, куда его отправляют с ближайшим этапом. Его перевозят в кандалах, как и остальных, по-другому нельзя. За день до этого ему сообщают: «Завтра тебя перевезут в кандалах. Будь готов». Наутро арестанта не найти. Его ищут в каждой камере и в конце концов находят в отдалённом помещении под койкой. Заключённый притворяется, что спит. Его вытаскивают, но он с трудом приходит в себя. Однако ничего не помогает. Арестант должен отдать всё, что принадлежит тюрьме. Но мы не можем найти то одно, то другое, а он говорит, что у него это украли. В конечном счёте узник всё возвращает, он не может препятствовать своей отправке. Поэтому кузнец заковывает его в кандалы, так его привозят в Мариинск, где передают местному самоуправлению и выдают паспорт. Ежели это происходит весной или летом, то бывший арестант в конце концов смиряется со своим положением. Он не умеет и не хочет работать, поэтому нищенствует. Лишь чрезвычайная нужда заставляет его чем-то заниматься. Но как только наступает осень и ночевать на сеновале больше невозможно, он возвращается в тюрьму. Там его снова ждут бесплатное жильё, пища и старые товарищи.

– Как же ему удаётся вернуться в тюрьму?

– Путь сюда прост. Для начала он возвращается в Томск, появляется на улицах города или рыночной площади пьяным,

кричит, буйствует и дерётся до тех пор, пока не приезжает полиция и не отвозит его в вытрезвитель. Его просят показать документы, которые он, пошарив в карманах, не находит. Говорит, что потерял или их украли. В таком случае полиция не отпускает его: в Сибири уйма бродяг. Если его документы не находят в течение нескольких дней, на него заводят протокол. Он говорит, откуда приехал и в какой момент при нём был ещё его паспорт. Полиция пишет в государственные учреждения его родного города. Но его не могут отпустить или оставить в полиции, поэтому отправляют в тюрьму. В итоге уголовник добился того, чего хотел. Пока полиция получит ответ, пройдёт немало времени. Порой полгода или год, а чаще всего даже дольше. В тюрьме уголовник чувствует себя в безопасности.

Вы, вероятно, скажете: «Его должны были узнать в том месте, где он провёл долгое время». Вовсе нет. Взгляните на каторжников: их головы наполовину обриты. Такими их видели и знают. Но на свободе борода и волосы уголовника отросли, поэтому никто его не узнает, кроме товарищей, да и то лишь по голосу. Правда, они его не выдают, молчат, как могила. Помимо того, поступает он не как каторжник, а как потерявший паспорт, а значит, не попадает в категорию преступников и размещается в другой тюрьме.

Когда полиция получает ответ, в письме, как правило, говорится, что человека, зарегистрированного под таким именем, не существует. Уголовник дал ложные сведения, и никто не знает, кто он такой. Он продолжает дальше лгать, говорит, что ошибся в сведениях, и называет соседнюю с названной губернию. Тогда весь процесс возобновляется, отчего у него снова появляется год-другой. Сейчас, правда, в таких случаях действуют немного по-другому. «Ты дал

ложные показания, – говорят ему, – ты беглец, и тебя сдадут суду как бродягу». Если следователь продолжает допрос в этом духе, то уголовник, от страха быть отправленным на каторгу на четыре года, признаётся. Говорит, что он бывший каторжник, отправленный в Мариинский уезд на поселение, и нужда вынудила его вернуться в тюрьму.

Порой случается, что после этого он идёт в другую губернию и снова уже там пытается попасть за решётку. Ему это удаётся. А причина, почему это всё происходит, – сказал в завершение надзиратель, – заключается в отсутствии у них в тюрьме работы, отчего они становятся вовсе непригодны к жизни, где хлеб себе нужно зарабатывать трудом.

Так нас ближе познакомили с миром преступников, на которых было направлено наше служение, дабы открыть им истинное их положение перед Богом. Ещё в самом начале мы спрашивали у заключённых о совершённых ими преступлениях и как так случилось, что они находятся в сибирской тюрьме. Однако вскоре нам стало ясно, что подобных вопросов лучше не задавать, потому что слышали мы от них одну лишь ложь. Что же это за почва для семени, нами принесённого? Лишь доверие Тому, во имя Кого мы приходили в тюрьмы, давало нам уверенность и радость нести служение в Сибири.

Закончив с работой в тюрьмах, мы использовали оставшиеся дни для подготовки к предстоящей поездке. Как только мы принялись за это дело, стало ясно, что для путешествия нам понадобится намного больше вещей, чем мы думали. Казалось, невозможно преодолеть тысячи километров на подводе. И едва ли мы бы вернулись домой целыми и невредимыми. До одного лишь Иркутска

необходимо было проехать 67 почтовых станций. А это означало 67 раз менять экипаж, перекладывая весь багаж из одной повозки в другую, так как почтовые едут лишь до следующей станции, откуда возвращаются обратно. Ехать сидя день и ночь казалось невероятным. К тому же, у нас было так много вещей, что одной почтовой телеги нам бы точно не хватило. Необходим был собственный транспорт. И не какой-нибудь, а известные тарантасы – единственный вид экипажа, пригодный для скверных сибирских дорог.

70 | Тарантас представлял собой дорожный экипаж длиной от шести до семи футов. Задняя часть плотно сплетённой коляски была настолько широкой, что в ней без проблем могли уместиться три человека. Помимо этого, тарантас имел кожаный откидной верх, защищавший пассажиров от снега и дождя. Передняя часть экипажа была намного уже, имела, однако, широкий кожаный фартук, который крепился к верху так, что пассажиры в коляске были со всех сторон защищены. При хорошей погоде верх и фартук можно было откинуть и ехать на открытой подводе. Рама повозки была оснащена железными осями. Передняя и задняя оси соединялись рядом продольных брусьев из прочной древесины, дрогами, на которые крепился кузов. При каждом толчке и на каждом ухабе они проседали, заменяя таким образом рессоры. У Дэвидсона был собственный тарантас, а мы приобрели свой за 130 рублей. Нам посоветовали купить уже подержанный экипаж, прошедший проверку сибирскими дорогами.

Сложность возникла с огромными ящиками с книгами Нового Завета, которые мы должны были взять с собой, кроме предназначенных для арестантов всех тюрем до самого Сретенска. Можно было отправить их через транс-

портное общество, но не было ни малейшей гарантии, что книги доставят в нужное время и в нужное место. Поэтому просто необходимо было взять их каким-то образом с собой. Нужно было купить ещё одну телегу. Возвращаясь однажды с прогулки, я заметил Бедекера, который вместе с Дэвидсоном и некоторыми служащими гостиного двора загружали только что купленную повозку. Я не мог не высказать свои сомнения относительно того, выдержит ли эта телега такой груз:

– Чудесный новый экипаж! Нам очень повезёт, если он не развалится и доедет до следующей почтовой станции.

Моё замечание раздосадовало доктора Бедекера. Однако я подумал, что лучше сейчас изменить то, что ещё можно изменить, чем оказаться в безвыходной ситуации в дикой тундре.

НА ТАРАНТАСЕ ИЗ ТОМСКА В КРАСНОЯРСК

72

Во вторник, двадцать четвёртого июня, после обеда, смотритель станции отправил заказанных нами лошадей во двор гостиницы – тройку на каждый экипаж. Господин Дэвидсон взял на себя ответственность присматривать за ехавшим между нашими экипажами тарантасом, в котором были ящики с Библиями, так что он был всегда на виду. До Красноярска нам предстояло проехать двадцать семь почтовых станций, на каждой из которых в наши экипажи впрягали свежих лошадей.

Дорога до первой станции была хорошей, сухой и ровной, не сравнима с той, какой она оказалась позже. После более тщательного осмотра повозки, предназначенной для книг, мы заметили, что передняя ось сильно прогнулась, поэтому обратились за советом к деревенскому кузнецу. Осмотрев ось, тот заключил, что ремонт требуется незамедлительно и займёт несколько часов. Необходимо

будет снять ось, обработать в кузнице, а затем снова установить. У нас выдалось, таким образом, свободное время, поэтому прямо на почтовой станции мы попросили хозяйку поставить для нас самовар, какой можно заказать на любой почтовой станции. Собственно, с тех пор у нас не было больше регулярного питания, какое мы имели во время путешествия поездом, кораблём, а также останавливаясь в гостиницах. Поэтому в пути приходилось довольствоваться консервами и чёрным хлебом. На станциях же, помимо самовара и кувшина молока, ничего другого не было. Мы нигде не могли задерживаться, кроме как в городах, где посещали тюрьмы, так как хотели добраться до Сахалина в запланированное время. Поэтому мы заказывали самовар, только когда не оказывалось лошадей для замены. Тарантас стал для нас и столовой, и спальней.

Задерживала нас в первое время лишь повозка с книгами. Кучеру мы не позволяли гнать сломя голову, как они привыкли в этих краях. Не хотелось застрять где-нибудь на полпути. Поэтому после ремонта багажной телеги мы ехали всю ночь спокойно, не спеша. На следующий день, лишь только мы с облегчением вздохнули, нас настигла очередная неожиданность. Переднее колесо телеги рассыпалось, провалившись в яму. Ситуация была всё же не безвыходной, так как случилось это в нескольких километрах от следующей почтовой станции.

Три наших кучера оказались умелыми людьми. Для начала они сняли два ящика с телеги, переложив по одному на тарантасы. С помощью топора и верёвки, которыми мы запаслись в Томске, один из них свалил крепкий ствол дуба и привязал его к передней оси так,

чтобы она была в горизонтальном положении. Вот таким образом дотянули мы нашего трёхколёсного инвалида до почтовой станции. Местный кузнец тут же взялся за работу, и через три часа мы снова отправились в путь.

Невозможно выразить словами нашу благодарность Богу за хорошую погоду. Лето вступило в свои права, и в течение дня стояла жара. Ночью, однако, было прохладно, я бы даже сказал, холодно. Наступила пора белых ночей: небо оставалось сумеречно-светлым в течение всей ночи. Солнце не заходило до десяти часов вечера, а вставало уже в половину третьего утра. Так что едва успевала погаснуть вечерняя заря, как появлялась утренняя.

На третий день пути мы заехали в величественный густой лес, которому, казалось, не было ни конца, ни края. О, эти величавые ели, могучие пихты, сибирские кедры и идеально круглые, пропитанные смолой лиственницы! Невозможно налюбоваться ими даже после многих дней дороги, проведённых в их обществе. Лишь спустя двое суток мы снова выехали на открытую местность.

Лес с обеих сторон тракта, по которому пролегал наш путь и который местные жители называли Большой сибирской дорогой, был вырублен, тем самым как бы отодвинут от дороги. Нам объяснили, что делают это для того, чтобы беглые арестанты не нападали на проезжавших мимо путников. Солнце хорошо освещало расчищенную от леса дорогу, поэтому видно было далеко вперёд и назад, что оставляло меньше шансов неожиданным грабителям.

Купец, с которым нас познакомил губернатор Тобольска, спросил, хорошо ли мы вооружены для путешествия, на что Бедекер ответил ему, показывая наверх:

– Мы находимся под Его защитой!

– Это, конечно, замечательно, – заметил торговец, – но всё-таки пара хороших револьверов вам бы не помешала.

В ответ доктор Бедекер процитировал отрывок из своего любимого стихотворения:

– *«Покров Твой защищает меня от всех напастей и натисков врага»*⁹.

– Не забывайте, – настаивал купец, – прежде чем вы доберётесь до Сретенска на Шилке, на пути вам встретятся от пятисот до семисот беглых каторжников, которые направляются по Сибирскому тракту в Россию. Конечно, всех их вы не увидите. Они идут по двое или по трое и, заслышав приближающиеся почтовые тарантасы, тут же прячутся в лесу. Но вас они точно будут видеть.

– Разве ничего не предпринимается, чтобы поймать беглецов? – спросили мы.

– Едва ли можно принять всерьёз те меры, которые предпринимаются, – был ответ. – Общественная безопасность вдоль всего тракта находится в руках местной полиции. Но что может сделать пристав с несколькими полицейскими на территории, равной половине всех европейских губерний? Он обязывает крестьян, живущих в деревнях вдоль дороги, доставлять ему заключённых, ночующих или проходящих через их селения. Но они этого никогда не делают. Ведь некоторых беглецов нужно будет вести за сотни вёрст, а от других можно ожидать и страшной мести – сожгут ещё, не дай Бог, деревню. Поэтому им спокойно позволяют идти своей дорогой. Помимо этого, беглецам нужно чем-то питаться, отчего контакт с людьми неминуем. Чтобы

⁹ Слова из мотета И.С. Баха. Автор текста Иоганн Крюгер (1653). Прим. переводчика.

не иметь личного контакта с заключённым, крестьяне оставляют в определённых местах кувшин молока и кусок хлеба. Беглец спокойно всё съедает и выпивает, после чего снова отправляется в путь. Так им удаётся ладить друг с другом. А властям жители говорят, что никого не видели.

О том, что нападения и убийства здесь всё-таки происходили, свидетельствовали деревянные кресты вдоль дороги. Если спросить старого почтового кучера: «Что означают эти кресты?», то можно получить обычный ответ: «Ещё одна душа сгинула». Мы, слава Богу, не встретили за время своего путешествия ни одного злого человека.

Настоящим мучением в поездке стали целые тучи огромных слепней, москитов и всевозможных мошек. Они могли довести до крайности и человека, и животное. Местные жители обвязывают головы повязками из конской шерсти, которые имеют длинную, свисающую по краям бахрому. Постоянно двигаясь, они смахивали таким образом вредителей с лица, шеи и затылка. Страх и ужас нападает, когда видишь такого человека в лесу издалека, а ещё хуже – приближающимся к тебе. Со временем, правда, к этому привыкаешь.

После многодневного пути по лесам, въезжая в деревни на тракте, путешественник, подумаете вы, наверняка рад попасть на открытое пространство. Мы тоже считали, что каждая почтовая станция лежит среди полей. Однако, подъезжая к ним, мы находили небольшие деревни прямо в лесу. Перед поселением на несколько сот метров простирались огороды, затем шли ряды домов, расположенных плотно друг к другу по обе стороны улицы, за ними находились стойла и другие хозяйственные постройки, а затем снова на двести-триста метров вокруг всего поселения – распа-

ханные поля. Деревня была окружена крепким забором, поэтому въехать или выехать из неё можно было через единственные ворота. Мы не могли понять, почему эти люди живут на такой крошечной территории, когда вокруг них простирались сотни километров свободной земли.

На четвёртый день нашей поездки сломалось второе колесо передней оси телеги с книгами. Были при этом и другие повреждения. Грозовой дождь, прошедший за день до этого, размыл дороги, сделав их почти непроходимыми. Невозможно было довести повозку до следующей станции, которая находилась в восьми верстах от нас, по этому глубокому месиву, да ещё и со сломанным колесом. Наши тарантасы утопали по самые оси в глубоких ямах и в грязи. Стараясь хоть что-то сделать, мы безуспешно провозились с экипажами с полчаса, когда вдруг услышали позади нас голоса приближавшихся людей. Мы с нетерпением вглядывались в них в надежде узнать, кем они были. Такие же путешественники, как и мы, едва ли чем могли нам помочь. Когда они приблизились, мы увидели целую шеренгу пустых крестьянских телег, управляемых кучерами, которые охотно согласились помочь, взяли ящики с наших повозок и довели их до почтовой станции.

Уже на месте кузнец принялся за ремонт нашего экипажа, заметив при этом:

– Я вообще удивлён, что вы доехали досюда. Дорога в таком ужасном состоянии, что и после самого лучшего ремонта с таким грузом повозка не проедет далеко. Я бы вам посоветовал купить ещё одну, тогда вы сможете уложить багаж в два экипажа.

В кузнице на ремонте стояла телега с прочными осями.

– Вот такая повозка вам и нужна, – сказал кузнец. – Владелец наверняка согласится её вам продать.

Найдя последнего, мы купили возок за 25 рублей.

– Для ремонта обеих телег мне понадобится больше одного дня, – сказал нам кузнец, – придётся вам ненадолго остановиться здесь.

Не имея другого выхода, мы согласились. Но, поразмыслив, доктор Бедекер решил, что мы уже и так потеряли много времени в дороге, и лучше будет, если господин Дэвидсон без нас дожждётся починки повозки, а мы тем временем поедем дальше – в Мариинск и Ачинск, где посетим тюрьмы. После этого мы направимся в Красноярск, где с ним и встретимся. Дэвидсон согласился, и мы, приказав запрячь тройку, отправились дальше.

78 | Через некоторое время мы, наконец-таки, выехали из леса на степные просторы. Перед нами до самого горизонта простиралась бескрайняя равнина.

Местность была воистину неопикуемой. Почва под ногами была не чернозёмной, но тем не менее тёмной и плодородной. Кругом росла сочная высокая трава. Невдалеке паслись скот и табуны лошадей. Невозможно описать разнообразие и богатство цветов, созданных без участия человека. Особенно среди них выделялись пионы и лабазник, который рос большими кустарниками, а среди полевых цветов – крупные белые ромашки.

В тот же день мы доехали до Мариинска, последнего уездного города Томской губернии, где посетили тюрьмы. Небольшая группа заключённых была размещена в жалком и ветхом здании. Слава Богу, было лето, и арестантов выпускали на свежий воздух. Узники и надзиратели собрались в нетерпеливом ожидании, пришёл даже начальник тюрьмы.

С интересом вслушивались они в каждое наше слово. Знающие грамоту взяли Новые Заветы с благодарностью. Не обошли мы и надзирателей с начальником. Все были несказанно рады, так как в округе нигде нельзя было купить Священное Писание, и едва ли оно было вообще у кого-нибудь в городе. Разве что на старославянском языке, на котором по воскресеньям священник читает с кафедры.

Мы не задержались в Мариинске дольше того времени, которое понадобилось для посещения тюрьмы, но поспешили в Ачинск, надеясь достичь его уже на следующий день. Задача, однако, была не из простых: нужно было проехать по сибирской дороге в экипаже почти двести километров за 28 часов, хотя этот же путь можно преодолеть и за 24 часа. Нам казалось бесчеловечным загонять лошадей, которые и так мчались со всех ног, погоняемые жаждающим чаевых кучером. В остальном всё шло по плану, на каждой станции в наш экипаж впрягали свежую тройку, и Бог убирал с нашего пути препятствия. И всё же в Ачинск, к сожалению, мы приехали лишь вечером следующего дня.

Что нам было делать? Переночевать, а утром отправиться в тюрьму? Это было единственное логичное решение. Однако бесцельно пожертвовать целой ночью доктору Бедекеру показалось непростительным. Поэтому мы поехали сразу к тюрьме, где Бедекер попросил разрешения встретиться с заключёнными, несмотря на то, что те уже спали.

Такая просьба начальнику тюрьмы показалась чрезмерной и противозаконной. Доктор Бедекер убеждал его, что мы и в других тюрьмах отнимали у арестантов часы отдыха и что заключённые, да и сами сотрудники тюрьмы только рады были послушать Слово Божье. Так как начальник

продолжал упорствовать, Бедекер стал более резок в выражениях, отчего мне пришлось приложить немало усилий, чтобы смягчить их при переводе. Однако Бедекер вскоре всё-таки заметил, что я не передаю всей жёсткости его слов, и сделал мне замечание. Я принял выговор, но никак не мог быть нейтральным посредником в этом разгоравшемся конфликте.

В конце концов Бедекер пообещал подать жалобу в суд Петербурга. Я обратился к начальнику, не передавая точных слов доктора, но сохранив их приблизительное значение, и попросил его уступить, дабы это недоразумение не дошло до разбирательства властями. И он сдался, но это было принудительное согласие. Мы выиграли эту схватку. Двери тюрьмы открылись перед нами, заключённых разбудили, но в целом мы проиграли: раздражение начальника и возбуждённое состояние Бедекера омрачили служение, которое возможно лишь в мире. С тех пор я всё время думаю, что лучше бы мы и вовсе не заезжали в Ачинск.

СКИТАНИЯ В ТАЙГЕ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

В понедельник, тридцатого июня, мы целыми и невредимыми прибыли в Красноярск, административный центр Енисейской губернии. Наш путь из Томска занял целых шесть дней. Слишком много. Дабы сократить время, мы решили ехать быстрее, тем самым выиграв ещё несколько часов, чтобы посетить большее количество тюрем в крупных городах. Однако прежде чем перейти к посещениям, необходимо было выполнить одно очень важное поручение.

За несколько лет до нашей поездки Кирпичников, служащий в Нижегородском имении В.А. Пашкова, был арестован за веру и сослан в город Минусинск Енисейской губернии. Он поддерживал, однако, оживлённую переписку с петербургскими верующими. Однажды В.А. Пашков, находившийся тогда в Париже, получил о нём отрадные вести. В Париж приехал один еврей, который

на собрании рассказал о своём обращении ко Христу как Спасителю. Слышавшие это свидетельство действительно увидели в нём дитя Божье. На вопрос, как он уверовал, последовал следующий рассказ: «Год назад я путешествовал по Сибири, проехав её с востока до запада. Однажды по дороге я встретил вблизи тракта партию заключённых, остановившуюся на отдых. Никогда ещё до тех пор мне не приходилось видеть в пути этап ссыльных. Во время привала им давали чуть больше свободы. Отдельно от других сидела группа каторжников, внимательно слушавшая о чём-то говорившего арестанта. Моё приближение не помешало ему продолжать свою речь. А рассказывал он о том, как Слово Божье коснулось его сердца, открыло ему глаза на греховное и падшее состояние его души и не давало ему покоя ни днём ни ночью. Это заставило его обратиться к Господу с горячей молитвой о помиловании и прощении. Господь услышал его, простил, как некогда Давида, и с того момента он не мог больше молчать, но свидетельствовал другим о приобретённой им благодати. За это свидетельство его и сослали в Сибирь. Несмотря на всё это, он оставался счастливым, так как во Христе приобрёл намного больше.

Я слушал, – продолжал рассказывать еврей, – и смотрел на этого мужчину. Каждое его слово казалось мне истиной. Глаза его излучали мир и радость. Закованный в цепи человек, сосланный в дикую местность, был счастлив и смотрел в будущее безбоязненно. Мне стало ясно: такое совершить с ним мог только Бог. Понимание этого заставило меня задуматься о собственной жизни, и я осознал свою греховность, обратился к Господу в молитве, и Бог даровал мне мир».

После свидетельства еврея В.А. Пашков разговорился с ним и узнал, что арестант, о котором он рассказывал, был тот самый его служащий Кирпичников.

Меня же В.А. Пашков горячо просил, если я попаду в Красноярск, непременно разыскать его, подробно узнать о том, как он живёт в ссылке, и сообщить ему, Пашкову, о духовном состоянии Кирпичникова и его семьи. Так как ни он, ни его семья не имели общения с верующими, то моё посещение могло бы стать для них благословением и укрепить их веру.

Доктор Бедекер желал и сам принять в этом участие, однако когда мы приехали в Красноярск и увидели, что Дэвидсон с книгами ещё не прибыл, а пароход в Минусинск отходил уже в среду, то Бедекер решил остаться и дожидаться Дэвидсона, а за время моего отсутствия навестить несколько мест заключения. Всё, казалось, складывалось удачно. Пароход должен был пробыть в Минусинске сутки. Этого было вполне достаточно, чтобы навестить ссыльного брата и пообщаться с ним хотя бы несколько часов. Кроме того, в случае необходимости он мог бы проехать со мной на пароходе до Красноярска. Все расходы мы готовы были взять на себя. Мне было поручено посетить минусинскую тюрьму. Для этого губернатор выдал особое разрешение.

Путешествие вверх по могучему Енисею стало для меня настоящим отдыхом. Он не был похож на Обь, вышедшую из берегов и разветвившуюся на многочисленные притоки, но был мирным и величавым. Пароход работал во всю мощь, дабы тянуть за собой баржу против сильного течения. Правый берег от Красноярска до самого Минусинска был преимущественно равнинным,

левый – предлагал неопишущую панораму холмов, соединённых на протяжении всего пути в длинную цепь. Они напоминали мне холмы вдоль Рейна, однако были значительно выше, а некоторые даже покрыты лесами. Не хватало лишь рыцарских замков и крепостей, великолепных фруктовых садов и виноградников. Всё здесь было девственным, ещё не тронутым рукой человека, природа была предоставлена самой себе.

Доселе всё шло соответственно нашим планам, однако пароход, на котором я плыл, прибыл в Минусинск на тринадцать часов позже запланированного времени. Я не поверил своим ушам, узнав, что, несмотря на опоздание, пароход отойдёт рано утром по расписанию. У меня, таким образом, оставалось всего-навсего одиннадцать часов, причём день клонился к вечеру.

Адрес Кирпичникова, который мне сообщили, был следующий: Средняя Шушь близ Минусинска. На мой вопрос, как далеко до этого села, я получил ответ: около пятидесяти вёрст. Затем я узнал, что почтовый экипаж в том направлении не ездит и добраться туда можно лишь на местной подводе. Было ясно, что освободиться до отъезда ближайшего парохода в Красноярск я не успею, а так как он ходил лишь раз в неделю, вообще было неизвестно, когда я туда попаду. Я временно отложил решение этого вопроса, возвратившись к делу, ради которого прибыл.

Вскоре я нашёл пару хороших лошадей и кучера, согласившегося отвезти меня в Среднюю Шушь. Удалось также раздобыть лёгкий тарантас с корзиной для двух пассажиров. Владелец лошадей дал мне своего девятнадцатилетнего сына в качестве кучера, с которым мы и отправились в сибирскую белую ночь.

Местность была действительно прекрасной. Казалось, мы находились в безлесной степи на юге России: до самого горизонта не было видно ни деревца, одна лишь бескрайняя степь. Трава была высокой, с человеческий рост, и ни растительность, ни сама земля никому не принадлежали. Порой, правда, встречались на пути выкошенные участки земли. На мой вопрос, кто мог это сделать, мне ответили, что траву для своих лошадей скосили такие же путники, как и мы. Увидев перед нами необозримые просторы, я подумал, что именно так, должно быть, выглядят американские прерии.

Что касается населения этих мест, то лишь изредка можно было встретить коренных жителей, тунгусов¹⁰, относящихся к монголоидным народам. Основное же население составляли русские, преимущественно высланные сюда из европейской России. Невозможно представить, сколь ужасно быть вырванным против воли из своего дома и переброшенным за тысячи километров, а затем отпущенным, будучи предоставленным судьбе, как это и случилось с Кирпичниковым. Однако если сравнить условия жизни ссыльных, живущих на севере рек Обь, Енисей и Лена, с тем, как жили люди в этой местности, то, даже несмотря на страшные морозы зимой, ссылка в эти края была проявлением милосердия.

Проехав в молчании около часа, я вдруг почувствовал побуждение поговорить с кучером о том, что, как я считал, было крайне важным.

– Григорий, – обратился я к юноше, – в комнате в вашем доме, где я ждал, когда экипаж будет готов к отъезду, на подоконнике лежала книга. Ты читал её когда-нибудь?

¹⁰ *Современные эвенки. Прим. переводчика.*

Парень был откровенно рад, что я обратил на него внимание, так как он тут же повернулся ко мне и ответил:

– Барин, я не знаю, о какой книге вы говорите.

– У вас была только одна книга – Новый Завет.

Он смутился, но ответил:

– Может, и читал...

– Григорий, – продолжал я, – в книге говорится о нашем Спасителе, Который пришёл в этот мир, дабы нас, грешников, спасти. Разве ты не грешник?

– Да, барин, все люди грешны.

– Знаешь, Иисус Христос пришёл в мир, взял грехи всех грешников на Себя, был распят и понёс вину нашу. Так Он и спас грешников, которые не обязаны больше нести наказание, но могут иметь спасение. Это записано в той книге, ты знал?

– Нет, барин, – честно признался юноша, – не знал.

– Теперь же ты знаешь, что ты грешник и, как все, должен погибнуть. Но ты также теперь знаешь, что Иисус Христос заплатил за наши грехи Своей смертью, тем самым спас погибающих – и тебя, в частности. Так ты спасён? – спросил я.

Юноша был растерян, удивлённо глядел на меня и молчал.

– Понимаю, дорогой Григорий, – прервал я молчание, – почему ты не можешь ответить на этот вопрос. Спасение, дарованное нам Христом на кресте, должно быть сердцем принято грешником. Это не просто слова: я спасён. И всё же мне хотелось бы знать, правильно ли ты понял всё, что я говорил об Иисусе, грехе и спасении.

– Да, барин, – ответил он искренне, – я всё понял.

Я почувствовал, что должен подойти к этому вопросу с другой стороны, чтобы привести его ко спасению.

– Христос не просто пришёл две тысячи лет назад и совершил великое дело для нашего оправдания. Он продолжает это делать и сегодня. Иисус Христос сказал: «Се, стою у двери и стучу». Он стоит у дверей сердца каждого человека. Разве не стучался Он, Григорий, и к тебе? Разве ты не слышал Его голос?

Он взглянул мне в глаза и по-детски искренне и наивно заверил меня:

– Нет, барин, в моё сердце Он не стучал.

– Эх, Григорий, – возразил я, – я убеждён, что Христос стучится к каждому. Он никого не обойдёт. Уверен, Иисус стоит и у дверей твоего сердца. Ты просто этого не заметил или не понял.

Однако юноша со всей серьёзностью продолжал уверять меня в обратном:

– И всё-таки, барин, ко мне Он не стучал!

Этот разговор продолжался около полутора часов. У меня было ощущение, что всё, что Григорию нужно было услышать, дабы прийти ко Христу, он уже услышал. Настало время отдать всё в руки Духа Святого, чтобы Тот напрямую работал с сердцем юноши. Я замолчал.

Лошади продолжали бежать ровной рысью, не нуждаясь в том, чтобы их подгоняли. Григорий снова повернулся ко мне спиной, полностью погрузившись в свои мысли. Прошло несколько часов, а мы всё продолжали молчать. В какой-то момент он вдруг резко повернулся и совершенно серьёзно сказал:

– Барин, я бы хотел отдать вам вожжи, оставить всё и уйти куда глаза глядят.

– Почему это? – удивился я.

– Я бы отправился бродить по свету в поисках Христа! – почти прокричал он и глубоко вздохнул.

– В поисках Христа? – удивлённо переспросил я. – Пойми же, это Он ищет тебя. Он находится прямо здесь. Иисус сказал: «Се, Я с вами до скончания века». Что пробудило в тебе это желание?

– Что-то в сердце не даёт мне покоя, – ответил Григорий, ударяя себя в грудь. – Я едва сдерживаю себя.

– Так ты ещё не понял, что это? – спросил я. – Помнишь, ты говорил, что Христос никогда не стучал в твоё сердце и ты не слышал Его голос? Я сказал тебе тогда, что ты, возможно, просто прослушал или не понял Его. Ты можешь уйти бродить по свету, но это будет пустой тратой времени. Христос прямо здесь. И то, что ты чувствуешь, это, Григорий, Христос стучит в твоё сердце.

– Это действительно Иисус Христос?! – возбуждённо вскрикнул юноша, смотря на меня широко раскрытыми глазами, и добавил дрожащим голосом: – Да, это Господь Иисус!

Слёзы радости катились по его щекам, и улыбка расплылась по лицу.

– Впусти Его в своё сердце, Григорий, – сказал я, – как сделал это Закхей. Он, как и ты, не искал Господа, а лишь оказался на пути, по которому шёл Добрый Пастырь. Закхей не приглашал Его в гости, Христос Сам сказал, что придёт к нему.

Так случилось, что в ту прекрасную сибирскую летнюю ночь юноша по имени Григорий перешёл от смерти к жизни. Я сделал всё, что мог, дабы донести до его сознания, какой серьёзный шаг он совершил. И это казалось мне

важнее ещё потому, что нам совсем скоро придётся расстаться и юноша останется наедине с Христом.

Около трёх часов ночи мы увидели вдалеке Среднюю Шушь. Через час мы подъехали к большому селу, но вокруг не было видно ни души, и некого было спросить о Кирпичникове. Лошади медленно везли нас по селу. Доехав до главной улицы, мы увидели пожилого крестьянина, переходившего дорогу. Остановившись, подождали, пока он подойдёт к нам. На мой вопрос, где живёт некий Кирпичников с семьёй, он ответил, что, насколько ему известно, человека с таким именем тут вовсе нет.

– Вы сами-то здесь живёте? – спросил я его.

– Да, уже тридцать лет.

Не мог он также сказать, жил ли в селе человек с таким именем вообще за последние три-четыре года. Я рассказал ему печальную историю Кирпичникова, как тот был сослан сюда за свою веру. Все письма друзья посылали ему в Минусинск, село Средняя Шушь. Насколько мне было известно, Кирпичников эти письма всегда получал и отвечал на них. Так что он, должно быть, всё-таки жил здесь.

Старик стоял и думал. Вдруг его осенило:

– Может, это тот, который здесь детей учить хотел? Наш сельский совет выбрал его, да вот батюшка был враждебно настроен и сделал всё, чтобы сместить учителя с того места. Фамилии того человека я не знаю. Мы называли его по имени-отчеству.

О, как счастлив был я это слышать, несмотря на все невзгоды Кирпичникова, о которых рассказал старик! По крайней мере, мы вышли на правильный след.

– Будьте добры, – взмолился я, – скажите мне, где живёт этот человек, которого батюшка так ненавидел? В селе ли он ещё?

– Нет, – ответил крестьянин, – ему здесь после того не было житья, и он переехал в Верхнюю Шушь, где тунгусы живут. Слышал, будто они его там выбрали учителем.

– Сколько же отсюда до Верхней Шуши? – спросил я.

– Вёрст сорок будет.

Что же было мне делать? Подумав, я сказал:

– Дорогой Григорий, как бы тяжело это ни было для меня, но мы всё же должны здесь расстаться. Согласно нашему договору с твоим отцом, ты должен был отвезти меня в Минусинск и обратно, но, как видишь, мне нужно проехать ещё сорок вёрст. Я тебя отпускаю, можешь спокойно вернуться домой.

90

То, что случилось потом, я никогда в жизни не забуду. С того момента прошло уже 37 лет, а сцена так свежа в моей памяти, будто случилось это лишь мгновение назад. Юноша взглянул на меня с глубокой печалью в глазах и сказал:

– Барин, вы не можете оставить меня сейчас, да и я не могу ехать от вас!

– Григорий, – ответил я, – понимаю твоё огорчение. Но завтра в Красноярске меня ожидает мой друг, а я не смогу ему сообщить, где нахожусь и почему не вернулся в Красноярск. Каждый потерянный мною час лишь усилит его беспокойство. Мне нужно взять свежих лошадей и немедленно отправиться в Верхнюю Шушь.

– Есть ли здесь кучеры, готовые довести меня туда? – обратился я уже к старику.

– Сколько угодно, – ответил тот, – и в этом доме, и в том. А вот там вы сможете одолжить хорошую повозку.

Бедный Григорий не сдавался и продолжал:

– Барин, я отвезу вас в Верхнюю Шушь! Дадим отдохнуть лошадям часа четыре, а затем снова отправимся в путь.

Я спустился с повозки и направился к указанным стариком домам. Дверь первого была закрыта.

– Твои лошади бежали всю ночь, не имея ни минуты отдыха, – сказал я между тем Григорию. – И речи не может быть о том, чтобы гнать их дальше.

Так как дверь дома была закрыта, я постучал в окно. В ответ послышался женский голос, спрашивавший, что мне нужно. Когда я объяснил, мне ответили:

– Лошади-то есть, да вот кучера нет. Все мужчины на ежегодной ярмарке.

Старик подтвердил, сказав, что я едва ли найду хоть одного мужчину сегодня. Лицо Григория просияло, и он снова начал уговаривать меня:

– Барин, поедете-с со мной. Ежели отдохнём, я отвезу вас всего за рубль.

С тяжёлым сердцем я постучал во второй, третий и четвёртый дома, но результат был всё тот же. Вскоре я постыдился своего поведения, поняв, что Господь не хочет, чтобы я оставил этого новорождённого на произвол судьбы. Осознавая свою победу, Григорий просиял, когда я произнёс:

– Довольно. Нет смысла более искать.

– Приглашаю вас ко мне на постоянный двор, – сказал нам крестьянин. – Сможете распрячь лошадей, накормить, да и сами поедите и отдохнёте.

Мы приняли приглашение и вместе со стариком поехали к нему домой. Тем временем я продолжал разговор с Григорием о том, что если не сегодня, то уж точно

завтра он останется наедине со Спасителем. Поэтому ему необходимо прилепиться ко Христу, Который пребудет с ним вечно до скончания дней.

Старик всё это время слушал нас с нескрываемым любопытством. Он заметил тесную связь, которая появилась между мной и моим кучером, и вслушивался внимательно в каждое слово. Когда мы приехали, он быстро проскочил в дом, попросил приготовить завтрак, показал Григорию места в конюшне для лошадей, после чего провёл нас в дом, где на столе уже ждали горячий самовар, яйца, масло, белый и чёрный хлеб.

Я поблагодарил Господа за Его дары, затем мы сели и принялись за еду. Старик сидел слева от меня. Я положил руку ему на плечо и сказал, указывая на Григория:

– Взгляните на этого юношу! Прошлой ночью он приобрёл дар вечной жизни. Отныне он спасённое Божье чадо. А вы спасены?

Старик не мог сдерживать себя. Мои слова задели его за живое, и он заплакал.

– О Господи, – рыдал крестьянин, – 35 лет назад Ты протягивал ко мне руки, но я отворачивался от Тебя. Тогда я совершил великий грех в своей жизни, был ожесточён и испорчен. Но вот Ты снова приходишь ко мне, желая спасти!

С сокрушёнными рыданиями он обратился ко мне:

– Я должен исповедовать перед вами свой грех. Я эстонец и ещё в юности слышал Слово Божье, знал, что есть зло и добро, и должен был стать другим человеком. Но мир и зло не отпускали моё сердце, хотя я понимал в глубине души, что поступаю плохо. Я женился, построил дом и хотел разбогатеть как можно скорее. Я застраховал дом на

большую сумму и, чтобы получить эти деньги, сжёг дом дотла. Провели расследование, которое вывело меня на чистую воду. Я был приговорён к пяти годам каторжных работ и ссылке в Сибирь. Однако вместо того, чтобы смириться перед Господом, я начал роптать на Него, считая, что Он был со мною несправедлив. Есть ли для меня ещё спасение?

Я взял книгу Нового Завета, а старик достал свою старую большую Библию, и каждый текст, который я читал ему на русском языке, он читал по-эстонски и плакал при этом, как дитя. Ему казалось, что он зашёл слишком далеко. Но Господь по Своей милости показал ему, что мы все грешны и нет между нами разницы перед Богом. Я пытался объяснить это на следующем примере: если бы все люди были под водой, то, на первый взгляд, могло бы показаться, что важно, как глубоко ты погрузился – всего лишь на полдюйма или на пятьдесят метров. Но по сути это значения не имеет, нас всех поглотила вода.

– Своей сильной и спасающей рукой Господь может вытащить вас из пучины греха и поставить на скалу, ибо Он – эта скала, – обратился я к старику. – Ухватитесь за руку помощи, которую Он вам протягивает сегодня, и вы будете спасены.

Старик пал на колени, а мы – рядом с ним. Он взывал к Господу на своём родном языке, просил Бога даровать ему милость и прощение и в тот же час приобрёл мир в Боге. Мы благодарили Господа, что и в этом доме душа получила спасение.

Только после этого мы приступили к завтраку. Старик попросил меня поговорить также и с его русской женой. Она, однако, была слишком занята кастрюлями

и печами и, несмотря на все мои усилия, не смогла оторваться от дел.

Четыре часа пролетели незаметно. Григорий запряг лошадей, и, простившись со стариком, мы выехали в направлении Верхней Шуши. Ярко светило солнце. Я был измождён, поэтому постарался немного вздремнуть. Однако события прошедшей ночи и утра не позволили мне этого сделать. Мы приближались к Алтайским горам с многочисленными горными хребтами. После обеда, в пять часов дня, мы прибыли в Верхнюю Шушь, которая находилась вблизи горного отрога.

У Григория оказались там друзья. Он остановил лошадей перед их домом, чтобы я мог справиться, где живёт Кирпичников. Эти славные люди, тунгусы, тут же ожились, стоило мне назвать его имя. Похвалам в адрес Кирпичникова не было конца. Можете себе представить моё разочарование, когда сообщили, что в селе его больше нет, а живёт он в Минусинске.

«Господи, – взмолился я мысленно, – зачем нужно было мне напрасно ехать эти девяносто вёрст, а ещё и обратно столько же, когда я мог бы повидать брата в вечер своего приезда в Минусинск?»

«Мои мысли – не ваши мысли, не ваши пути – пути Мои, – услышал я в сердце своём ответ Господа на мой вопрос. – Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис. 55:8–9). Тогда я понял, что единственной целью моей поездки до самого Алтая было спасение этих двух душ. Как неисследимы пути Господни!

Дружелюбные тунгусы не соглашались отпускать меня на ночь, но пригласили остановиться у них и рас-

сказать о Кирпичникове. Они были готовы выделить для меня экипаж и отвезти в Минусинск. У Григория, помимо друзей, были ещё и родственники в селе, поэтому он поехал к ним, чтобы оставить лошадей. Дом в скором времени был заполнен тунгусами. Они хотели узнать во всех подробностях о том, как и в каких условиях жил Кирпичников в России. Лично я его не знал, поэтому рассказал собравшимся о нём лишь немного, и больше – о Христе. Вскоре пришёл и Григорий, пробыв с нами часа два или три до самого моего отъезда. Благословив их, я простился с Григорием и тунгусами Верхней Шуши.

Обратно в Минусинск мы ехали другой, более короткой, дорогой, однако местность и здесь была совершенно необитаемой. В полночь мы остановились в трактире, где было ещё несколько семей, направлявшихся через Алтай на поиски золота. Я рассказал им Благоую весть. Они слушали внимательно и сердечно благодарили меня, когда я собрался ехать дальше.

В Минусинск я приехал в субботу, пятого июля, около десяти часов утра. Мой новый кучер знал, где находится квартира Кирпичникова, и повёз меня напрямик к нему. К сожалению, я застал дома лишь его жену с тремя детьми, он же сам был в отъезде, в ста километрах от города.

Несмотря на то что мы до этого друг друга не знали, моё посещение доставило сестре огромную радость. Совершенно внезапно оторванные четыре года назад от родного гнезда, они не имели с тех пор общения с верующими людьми. Жизнь их проходила в тяжёлых условиях. Их презирали и преследовали, им приходилось терпеть невзгоды и бороться за хлеб, справляясь с нуждой лишь благодаря поддержке В.А. Пашкова. Жена Кирпичникова

была очень огорчена, что муж её в отъезде именно во время моего посещения. Предпринять же ещё одну поездку было невозможно. Я мог лишь передать ей слова утешения и ободрения от Василия Александровича и от себя и прежде всего – от Господа, а через неё – и брату в его тяжёлых испытаниях.

Со слезами на глазах жена Кирпичникова рассказала, как мужа её вместе с уголовными преступниками пересылали из тюрьмы в тюрьму, как он прошёл пешком весь путь от Томска до Минусинска. Утешением для брата было лишь уважение арестантов. И её путь с тремя маленькими детьми, большей частью – за свой счёт, был также полон трудностей.

96 В Средней Шуши их притесняли, в результате чего они были вынуждены переехать в Верхнюю Шушь. Там он получил место учителя, но жалованье было настолько малым, что прожить на него было невозможно. Летом же, когда школа закрывалась, брат и вовсе ничего не получал. Кирпичников был хорошим столяром, поэтому надеялся найти работу в городе. Для этого он с соответствующей просьбой обратился к начальнику Минусинского округа. Тот расспросил Кирпичникова о его вере и отнёсся к нему очень благожелательно. Он очень сожалел, что по закону не имеет полномочия выдать разрешение на переселение в город, но предложил ему сделать это под свою личную ответственность так, чтобы высшие власти не заметили его переселения.

– На таких условиях мы тут и живём, – продолжала сестра. – Чтобы не привлекать к себе внимания, нам пришлось сохранить свой прежний адрес. Почта пересылает нам письма, посылаемые на адрес в Средней Шуши.

Таким образом я наконец узнал причину своих, на первый взгляд, ненужных странствований.

Я телеграфировал Бедкеру, объяснив, почему задержался, и сообщив день прибытия. В воскресенье утром я посетил местную тюрьму. В ней находилось больше восьмидесяти заключённых, с которыми я общался, переходя из камеры в камеру вместе с начальником тюрьмы. Новый Завет был принят читающими с особой благодарностью, так как многие из них впервые в жизни видели эту книгу. Я подарил Новые Заветы также надзирателям, а оставшиеся у меня книги отдал начальнику, который с радостью согласился раздавать их вновь прибывающим грамотным арестантам.

После обеда мы вместе с сестрой Кирпичниковой читали Слово Божье, помолились, вверив друг друга в руки Господа. Простившись, я направился к почтовому отделению, где заказал экипаж. Когда всё было готово, я отправился в Красноярск. Впереди было более пятисот километров, которые я преодолел за трое суток. В среду, девятого июля, я, живой, но смертельно уставший, прибыл в Красноярск. На отдых у меня было лишь несколько часов, так как уже вечером мы отправлялись в Иркутск.

И СНОВА ВМЕСТЕ В ИРКУТСК

98

Из Красноярска мы выехали девятого июля в шесть часов вечера. Так как моста не было, на другой берег Енисея можно было перебраться лишь с помощью парома. Судно было прикреплено длинным тросом к центру крепкого толстого каната, перекинутого выше по течению через реку, и передвигалось от одного берега к другому, управляясь большим рулевым веслом без всяких усилий паромщиков. Лишь только судно подходило к берегу, экипажи, запряжённые лошадьми, могли продолжать свой путь.

Впереди нас ожидали более одной тысячи километров пути. Во время моей поездки в Минусинск в Красноярске и вдоль всего Сибирского тракта начались грозовые ливни. По сообщениям ехавших из Иркутска путешественников, дороги, и так находившиеся в скверном состоянии, стали и того хуже.

Стоило лишь задуматься о предстоящем пути, как ко мне начало подкрадываться гнетущее чувство страха. На прошлой неделе, когда у меня не было ни одной спокойной ночи, я подумал: «Если продолжать в том же темпе, организм мой не выдержит». Моё физическое состояние до путешествия по Сибири оставляло желать лучшего: в январе мне приходилось ежедневно проповедовать по восемь часов, что привело в конце месяца к нервному расстройству. Желудочное заболевание, от которого я страдал больше двадцати лет, продолжало мучить, а к нему прибавилась ещё болезнь печени. Понять все лишения и тяготы путешествия на сибирских почтовых лошадях, усугубляемые ещё грузом ответственности, способен лишь тот, кто сам на себе это испытал.

Мы ехали днём и ночью на перекладных, лишь останавливаясь, чтобы сменить лошадей, и тут же отправлялись дальше. Через каждые полтора-два, а то и два с половиной часа встречалась новая почтовая станция, на которой нам впрягали свежую тройку. Лишь в том случае, когда лошадей не было на станции, мы позволяли себе немного отдохнуть и просили вынести нам самовар, ели яйца, чёрный хлеб и пили чай с молоком. Бывали и такие дни, когда поесть удавалось лишь два раза в день, порой лишь сухой хлеб да консервы. О масле мы даже и не мечтали. И если днём поездка была более-менее терпимой, то ночью дорога становилась просто невыносимой.

Каждая ночь в течение всего путешествия до Сретенска выглядела примерно следующим образом: мы приезжали на станцию около десяти часов вечера. Если в окне почтовой конторы горел тусклый свет лампы, значит, на станции были свободные лошади. Я спускался с экипажа,

открывал дверь, входил – и обычно никого в помещении не находил. Громко приказным тоном кричал в темноту комнаты: «Подавай лошадей!» Случалось, мне не отвечали, поэтому я брал в руки лампу, подкручивал её немного и, осмотревшись, находил зрителя спящим на скамье у стены. В таком случае я будил его и повторял свой приказ. Если на станции имелись свободные лошади или будут через час, мне нельзя было отлучиться, пока зритель не сойдет в конюшню и вернётся, получит деньги и лошади будут впряжены в экипаж. Если бы я отлучился, то весь процесс остановился бы и никто не стал бы о нас заботиться до самого утра. Да это и неудивительно. Люди на этих станциях служат день и ночь из года в год без какого-либо намёка на отдых. Поэтому спать ложатся на станциях ещё ранним вечером.

Итак, мы едем дальше. Мне хочется немного вздремнуть, но сон не приходит, так как в это время мне ещё никогда не удавалось уснуть. Только я начинаю засыпать, как мы приезжаем на следующую станцию. Время – около двенадцати часов ночи. Повторяется та же возня, что и на предыдущей станции. Разве что кричать мне приходится громче, а лошадей требовать настоятельней. Если тройку нам обещают предоставить через час или два, приходится ждать их там же, а зритель, выслушав мой приказ, снова укладывается спать. Если я вернусь в экипаж и задремаю, я, вероятнее всего, просплю или же вновь прибывшие путешественники заберут моих лошадей. А если почтовых лошадей и вовсе не будет в течение ближайших трёх-четырёх часов, приходится искать извозчика среди крестьян, а кучер, как правило, живёт на другом конце деревни. Крестьяне своих лошадей на ночь отпускают

пасть в поле. Поэтому приходилось идти и искать их. Если лошадей приводили через час, это было настоящей удачей. Бывало, что я два или три, а то и все четыре часа ждал в крестьянской избе. День тем временем уже вступал в свои права.

В конце концов мы получали лошадей и отправлялись дальше. Меня одолевал сон, но мы внезапно останавливались. Я мог бы кучера спросить, что стряслось, но тогда я точно потревожил бы сладкий сон доктора. Поэтому я аккуратно приподнимал кожаный фартук и выпрыгивал из повозки. Причина остановки могла быть совершенно неожиданной: то лошадь запуталась в вожжах, то чего-то испугалась и т. д.

В одну из таких ночей, когда мне за всю ночь едва ли удалось хотя бы сомкнуть глаза, я вдруг почувствовал, что тарантас наш катится назад. Я тут же выскочил из экипажа. Оглянувшись, увидел, что экипаж стоит поперёк высокого земляного вала. Лишь один шаг отделял нас от пропасти, в которую, падая, тарантас потянул бы за собой и лошадей. Схватив первый попавшийся огромный камень, я подложил его под колесо повозки, предотвратив тем самым падение. Почти каждая ночь была подобна этой, что привело меня к измождению и нервному расстройству.

Доктор Бедекер спал и даже не подозревал, что мне приходилось переживать каждую ночь. Лишь благодаря нашему Господу, Который простёр Свою руку и провёл нас через это путешествие, я вернулся домой живым.

Мы находились в одном дне пути от Иркутска, а сердца наши уже бились в радостном возбуждении. Нас ждало много работы. Все заключённые, направляемые в Забайкалье, Нерчинск или на местные серебряные рудники, а также

те, кого везли дальше на север – в Якутск и на реку Лена, проходили через Иркутск. Арестантов, которые в дороге заболели, покалечились или просто обессилели, оставляли здесь. Поэтому тюрьмы в городе были переполнены. Однако несмотря на изнуряющую работу днём, арестанты имели хороший отдых ночью.

Перед самым Иркутском нас обогнал богатый еврей из Верхнего Удинска, который ехал из Москвы, где загрузился товарами. Прибыв на станцию, мы увидели, как он отъезжал оттуда со свежей тройкой. Действия его были проявлением высшей степени нахальства: он наверняка пообещал своему кучеру хорошие чаевые, если тот обгонит нас. Однако этот его поступок не причинил нам неудобства и даже не задержал нас: прибыв на станцию, мы тут же получили лошадей.

102 | Лишь благодаря Божьему водительству и защите мы благополучно прибыли в четверг, семнадцатого июля, в Иркутск. Мы были в самом центре, сердце необъятной Сибири, в городе, который делил весь Сибирский край на западную и восточную части. Жители Иркутска очень гордились своим городом и ласково называли его сибирским Парижем. Здесь действительно было множество красивых зданий и торговых заведений. Однако едва ли можно сравнить этот город с Парижем, в котором я побывал за год до этого. Примерно одиннадцать лет назад Бог поразил Иркутск пожаром, и в 1890 году город всё ещё производил угнетающее впечатление на путешественников. Однако жизнь в нём была поистине роскошной – вероятно, поэтому иркутчане и называли город Парижем.

Здесь мы встретились с Дэвидсоном, который намного опередил нас. Все дела, связанные с Библейским обществом

и распространением книг, он уже успел решить, поэтому был готов к отъезду обратно в Екатеринбург. Мы не знали, как отблагодарить его за оказанную нам помощь и хлопоты, которые он брал на себя с энергией и терпением.

Большая часть книг была уже на месте. Поэтому мы могли приступить к работе: часть Новых Заветов необходимо было оставить для местных арестантов, часть – отправить почтой в Читу и Нерчинск, а оставшиеся разместить в нашем тарантасе. Таким образом, не было нужды брать дополнительную повозку.

Мы разместились в гостиной, однако не прошло и часа, как вдруг кто-то постучал в дверь номера. В комнату вошёл высокий и тучный мужчина, прося у нас прощения за беспокойство. Это был тот самый купец, который обогнал нас перед Иркутском. Он объяснил, что очень спешил на свадьбу своего старшего торгового служащего, на которой ему как начальнику нужно было быть. Это происшествие мы с доктором Бедкером уже почти забыли, о чём и сказали мужчине. От нас он вышел довольный, что всё закончилось благополучно.

ИЗ ИРКУТСКА В ЧИТУ

104 **В** пятницу, двадцать пятого июля, справившись с работой в тюрьмах, мы выехали из Иркутска. Несмотря на то что ежедневные посещения нас сильно утомили, по сравнению с ездой в тарантасе они казались спасительным отдыхом. О, какая это благодать – спать ночью в кровати! Тем не менее «сибирский» дух царил здесь даже в гостиницах: отовсюду были слышны ругань, буйства и всевозможная суматоха – спасения от этого не было. И всё же мне действительно удалось отдохнуть. Но вот мы снова в тарантасе, и впереди нас ожидает тысяча километров пути.

Уже вечером мы были у Байкала – кристально чистого озера, в воды которого впадает река Селенга, а вытекает не менее чистая Ангара, бегущая дальше на север, к Иркутску. На следующий день, в пять часов утра, экипажи, которым необходимо было попасть на другой берег озера, были погружены и распределены на пароходе. Пассажиры заняли свои места, и судно тронулось в путь. Мы с сожа-

лением вглядывались в густой туман, который закрыл от нас конусообразные горы, расположенные на западном берегу удивительно глубокого озера. О том, что эти горы вообще существуют, вытянувшись вдоль берега Байкала, я узнал лишь во время своего второго плавания по озеру уже в хорошую погоду.

На пароходе можно было увидеть табличку с предупреждением: «Строго запрещено во время плавания сидеть или спать в тарантасе». До некоторых пор этого запрета не существовало, как нам сказали попутчики. Однако произошедший на днях несчастный случай вызвал необходимость принятия мер. Несколько дней назад два еврейских купца плыли на пароходе со своим тарантасом, набитым товарами. Один из торговцев, будучи смертельно уставшим, решил немного отдохнуть. Более подходящего места, чем собственный экипаж, нельзя было и найти, поэтому он лёг сверху на загруженную повозку. Совершенно неожиданно началась сильная качка, поднялся ураганный ветер, часто случающийся на озере. Порыв ветра и большая волна выкинули спящего за борт, и прежде чем старое и тяжело управляемое судно было остановлено, купец утонул. Направленные на его поиски усилия оказались тщетными.

Каково же было наше потрясение, когда мы узнали, что это был тот самый купец, который в спешке обогнал нас под Иркутском! Спешил он на праздник к другу, а на пути его ждала гибель. Смертью мы окружены в этой жизни со всех сторон.

Через два часа мы достигли противоположного берега озера, запрягли лошадей в тарантас и пустились в путь по равнинам Забайкальского края. Поначалу всё нам казалось безлюдным и засушливым, но природа постепенно

менялась, радуя глаз. Доктор Бедекер не мог налюбоваться великолепием цветов. Под Читой нашему взору предстало то, о чём в Швейцарии, да и вообще нигде в Европе, нельзя было и мечтать: горные луга, покрытые эдельвейсами с разветвлёнными соцветиями в виде шитка из нескольких «звёзд» на одном стебле. В один момент можно было бы накосить целую повозку этих цветов.

В воскресенье, двадцать седьмого июля, мы сделали небольшую остановку в бурятской деревне. Во время обеда имели возможность пообщаться с почтовым секретарём – коренным бурятом и с недавних пор православным христианином. Он был смышлёным парнем, не знал о жизни с Богом. Когда я подарил ему Новый Завет, он очень обрадовался. Юноша давно хотел приобрести Писание, но это было трудно осуществимым желанием. Я показал ему через Слово Божье, как можно стать настоящим христианином: не путём соблюдения догм и учений, даже если они истинны, но лишь через принятие Христа и обретение благодати быть чадом Божиим. У него была уйма вопросов ко мне, так что мы проговорили около двух часов.

Вдохновлённый нашей беседой, он просил пообщаться с некоторыми местными жителями. Мы охотно согласились. Поделюсь здесь лишь одним из посещений местных домов – юрт.

Перед нами стояла круглая палатка, покрытая огромными звериными шкурами, одна из которых была откинута, открывая тем самым вход внутрь. Нас пригласили войти. Свет в помещение поступал лишь из этой «двери» и отверстия в центре наверху. Посередине висел котёл, а под ним горел огонь. Дым от костра поднимался вверх и выходил наружу через отверстие. Пол был покрыт меховыми

шкурами, на которых, подогнув под себя ноги, сидели двое мужчин. Возвышение у стены, наподобие скамьи, тоже было покрыто шкурами. Туда нас и пригласили присесть. Рядом, на небольшом шкафчике, стояли две фигуры из глины или камня, – вероятно, идолы.

Мы говорили с хозяевами о Боге. Я переводил доктора на русский язык, а наш спутник – с русского на бурятский. Хозяева не сказали ни слова за всё это время. Женщина, находившаяся там же, была, напротив, сообразительной и словоохотливой. Вот что она, к примеру, сказала о Боге:

– О нас говорят, что мы молимся нашим идолам и считаем, что фигурки, стоящие у нас на тумбочках, и есть боги. Но это неправда. Мы знаем, что Бог совсем другой, эти фигурки лишь напоминают о Нём, ничего более.

Мы ей объяснили, что печальны, в таком случае, наши отношения с Богом, если о Нём нам должны напоминать эти бездушные фигурки!

Доктору Бедкеру хотелось знать, как обстоят у этого народа дела с моралью. Женщина ответила, что они понимают: воровство, убийство и ругательства – это плохо. Об этом каждому говорит совесть. На вопрос, случается ли подобное, а может, даже и худшее среди них, она ответила:

– Разумеется, случается! Как и у прочих народов.

– Подобные поступки мы называем грехами. Но как вы относитесь к ним?

Она замолчала, не зная, что сказать, затем, собравшись с мыслями, ответила, что у них есть свои законы и омовения. Они – ламаисты и обращаются к Далай-ламе, который способен всё урегулировать.

– Где же он находится, этот ваш Далай-лама?

– В Тибете, – был её ответ.

– Хорошо, – сказал доктор Бедекер, – каждый грех – это преступление против Бога, Создателя неба и земли, и только Он может простить этот грех. Мы же знаем, что Далай-лама – всего лишь человек и живёт на земле. И делать то, что делает Бог, он не способен.

Таким образом доктор Бедекер подвёл разговор к теме о великой жертве, ради которой Христос пришёл на землю.

Каждый остался доволен общением. Напоследок нас непременно хотели угостить. Во время разговора женщина время от времени помешивала длинной деревянной ложкой белый отвар в котелке. Мы знали, что это чай. Когда же всё было готово, я дал понять доктору, что едва ли смогу выпить это.

– Вы обязаны, – ответил он, – если не хотите оскорбить хозяев.

Однако, как я ни пытался себя заставить, я не смог и ещё до того, как мне передали блюдце с напитком, вежливо отказался. Доктор Бедекер же, пересилив себя, выпил чай, после чего мы простились с хозяевами юрты.

Отношения между нами и юным бурятом стали более доверительными. Видимо, поэтому он решил рассказать, как именно православные миссии работают среди этого бедного народа. Сердце моё разрывалось, когда я слышал, какими хитростями и неправдами они привлекают народ.

– Нам обещали дать землю, – пожаловался молодой человек, – так я вот уже шесть лет христианин, но все усилия получить её бесплодны. И не я один такой. Мы ездили в Читу к епископу. Он обнадёживал нас, произнося сладкие речи, но это были лишь слова, ничего более.

Юноша просил нас как-нибудь повлиять на положение дел, дабы решение было принято в их пользу.

– Мы, православные буряты, активно трудимся и помогаем миссии, – заметил он.

– Это очень хорошо, – ответили мы. – И в чём заключается ваша помощь?

– Мы внимательно следим за язычниками, их проступками и словами в адрес священников. Всё, что услышим, передаём миссионерам, а те – в суд. Ничто так не страшит язычников, как суд. Когда дело доходит до разбирательства, мы выступаем в качестве свидетелей, после чего язычникам предъявляют обвинение. На суде им предлагают: «Обратитесь в православие, и вам всё простится». Таким способом мы завоевали уже немало душ.

Мы, разумеется, объяснили бедолаге, что ни он, ни его коварные братья-христиане не являются истинными последователями Христа, потому что не Господь стал им всего желаннее, а мирские блага – земля. Мы также постарались объяснить ему, что пособничество в таком деле ужасно.

В этот день мы немало потрудились среди бурятского народа, и наше служение произвело неизгладимое впечатление на молодого человека. После этого мы отправились дальше своей дорогой. В среду, тридцатого июля, мы уже были в губернском и административном центре Забайкальского края – Чите. Ежедневно нам удавалось проехать в среднем двести километров, поэтому мы прибыли в город без задержек, в запланированное время, не переставая благодарить Господа за Его милость и благословения в течение пяти дней пути от Иркутска до Читы.

В чём была необходимость, спрашивается, строить город на высоте более четырёх тысяч футов над уровнем моря? Все продукты питания необходимо завозить сюда

издалека, да и жизнь здесь достаточно дорогая. Численность населения составляла всего четыре тысячи жителей.

Тюрьма, как мы и ожидали, оказалась очень маленькой. Количество арестантов в ней не достигало и сотни человек. Лишь немногие русские заключённые умели читать, а буряты вообще едва понимали русский язык. Однако наше посещение, во время которого они услышали Благою весть в устной форме и получили Новый Завет, произвело на них благотворное впечатление. Это стало свидетельством того, что Бог их не забыл. Все, кто получил Писание, были счастливы и благодарны, как дети. Даже вице-губернатор был доволен, что воспользовался возможностью и услышал Слово Божье. Он подвёз нас в своём экипаже к гостинице, где мы с ним и простились. Через несколько часов мы покинули Читу.

НЕРЧИНСК И МЕСТНЫЕ РУДНИКИ

Город Нерчинск лежит на расстоянии 267 километров от Читы. Мы ехали на почтовых лошадях и в город прибыли в субботу, второго августа. Здесь находилась одна из крупнейших систем каторжных тюрем – Нерчинская каторга, место отбывания наказания приговорённых к каторжным работам на местных рудниках.

Однако по прибытии нас ожидало разочарование: маленькая и старая тюрьма оказалась не более, чем руинами. Она ничем не отличалась от остальных сибирских тюрем, а на момент нашего приезда в ней находилось 105 заключённых.

В округе, в радиусе пятисот-шестисот километров, находятся девять каторжных тюрем. К системе Нерчинской относятся и три тюрьмы Карийской каторги для политических заключённых. Арестанты работали в шахтах серебряных рудников или на объектах добычи золота, принадлежавших

Кабинету Его Императорского Величества. Как нам объяснили, количество заключённых, работающих на рудниках, никогда не превышало двух с половиной тысяч, однако из других источников мы узнали, что их может быть намного больше – до десяти тысяч человек. Расстояние нас не испугало, поэтому мы объездили все места заключения, увидели всех арестантов, лично пересчитали их, после чего убедились, что количество узников, названное нам изначально, соответствовало действительности.

В планах наших было посещение следующих тюрем: Александровской, Алгачинской, Покровской, Кутомарской, Акатуйской, Кадаинской, Мальцевской, Нерчинско-Заводской. Непременно хотелось посетить также Зерентуйскую тюрьму и тюрьмы Карийского района: Усть-Карийскую, Среднекарийскую и Верхнекарийскую. Нам посоветовали начать со Сретенска, откуда по Амуру мы собирались продолжать наше путешествие.

Из Нерчинска мы выехали четвёртого августа. Путь до Сретенска проходил через Яблоновый хребет – крупный водораздел, откуда реки текут на восток к Тихому океану. Местность была восхитительно живописной, особенно выделялись дикие горы, будто бы отчеканенные на воздушном полотне. Всё здесь было пустынным и одиноким – ни единой человеческой души. Безлесные территории слева и справа от нас были усеяны цветами всевозможных видов, которые радовали взор богатством красок. В лесах царил тишина, изредка прерываемая пролетающей мимо птицей, и ни разу за время путешествия мы не встретили ни одного хищного животного.

В Сретенск мы прибыли пятого августа. Нашей главной задачей было распределение присланных почтой книг Пи-

сания. Опустевший к тому моменту тарантас необходимо было загрузить, выложив на дно экипажа, как минимум, тысячу книг. Исходя из того, что на станциях мы не получим более одной почтовой тройки, мы вынуждены были использовать только один тарантас и вместить в него весь багаж. Несколько ящиков с книгами мы отправили в Благовещенск и Хабаровск.

Утром седьмого августа мы выехали из Сретенска. Ближайшая тюрьма находилась от нас в 36 часах езды. Приехали мы туда лишь к вечеру следующего дня и немедленно отправились в тюрьму, где нашли всего небольшое число заключённых. Они были без надзора, свободно входили и выходили из тюрьмы. Само здание было старым и разрушенным.

– Где можно найти начальника? – спросили мы.

Арестанты объяснили, как пройти к его дому.

– Разве при вас нет надзирателей?

– Надзирателей? – удивлённо переспросили заключённые. – Есть один, и ещё кавалерист.

Мы направились к дому начальника тюрьмы. Он был искренне удивлён посетителям в такой глуши, но был очень дружелюбен. Когда мы спросили, почему ни двери, ни ворота тюрьмы не заперты, а арестанты свободно входят и выходят, он, улыбаясь, ответил:

– Забайкалье – это сплошная огромная темница. Никуда они не убегут. На запад, куда их так тянет, попасть заключённым не удастся. Придётся на пароходе переплыть через Байкал, а их там быстро поймают. С западной стороны озера, там, где возвышаются горы, на сотни вёрст протянулись болота, пройти которые не под силу ни одному человеку. Если и удастся кому преодолеть эти препятствия,

потребуется годы, прежде чем он доберётся до России. На восток никому из них не вздумается идти, а на юге – дикая местность, человеку в ней не выжить. Некоторые тюрьмы находятся у самой маньчжурской границы, на расстоянии всего четырёх или восьми километров, но и туда арестанты не бегут: их там убьют, в лучшем случае – вернут обратно.

Затем начальник тюрьмы объяснил, отчего у заключённых столько свободы:

– Каждый новый арестант, поступающий к нам, немедленно оказывается за решёткой под строгим надзором. Если он в течение определённого времени отличается хорошим поведением и дисциплиной, надзор с него снимается, и заключённого переводят в «вольную команду». Положение его, таким образом, намного улучшается. Оставаясь арестантом, он тем не менее может жить в бараке или иметь собственную избу за пределами тюрьмы. Если семья заключённого последовала за ним, он может обзавестись хозяйством, получая, как и раньше, свой тюремный паёк. По окончании срока заключения его переселяют на другое место жительства. Каждое утро арестант обязан появляться на переключке и в течение дня выполнять определённую работу. Если заключённый хочет уехать на один-два дня, ему необходимо получить разрешение и удостоверение от начальника тюрьмы.

Мы в скором времени поняли, что больше одной тюрьмы за день посетить невозможно. Они находились на расстоянии 25–40 километров друг от друга. Приезжая на место, мы находили лишь тех, кто был заключён под стражу. С ними мы говорили о Боге и раздавали Новые Заветы. Из тех, кто находился в вольной команде, нам удавалось застать лишь немногих в их домах, так как после выпол-

нения принудительной работы большинство заключённых старались найти способ подзаработать в других местах. Поэтому единственно подходящим временем рассказать им Благую весть и подарить Новый Завет было утро, во время общего построения. Так, собственно, мы и поступали. Заключённых собирали рано утром, в пять часов. После построения мы завтракали, пока запрягали наших лошадей, и затем отправлялись дальше. В следующую тюрьму мы приезжали часа в два или три, а порой лишь в четыре часа. И здесь мы сразу общались с арестантами под стражей, а утром – с находившимися в свободном режиме. Так нам удалось объехать все девять мест заключения в том районе.

После посещения тюрьмы мы шли в дома каторжников, находившихся в вольной команде, и к их родственникам. Грех здесь процветал во всей своей извращённости. Безнравственность и распущенность, особенно среди женщин, были язвой, отравлявшей всё вокруг. В их хижинах, которые были больше похожи на пещеры, царили невежество и тоска. Люди влачили жалкое существование, разрушив отношения с Богом и ближними.

В одной из тюрем старый, седой арестант вышел вперёд и попросил разрешения что-то сказать. Мы взглянули на начальника тюрьмы: он дал старику знак, что тот может продолжать. Мужчина достал потрёпанный Новый Завет, высоко его поднял и сказал:

– Благодаря этой драгоценной книге, которую мне подарил этот пожилой господин, – при этом старик указал на доктора Бедекера, – я всё ещё жив. Он дал мне её ещё в России, когда меня отправляли сюда. Если бы я не нашёл спасение, я бы впал в отчаяние. Но я стал другим человеком. Эта книга освободила меня, устранила всю мою

жестокость. С тех пор на душе у меня легко, я счастлив, даже находясь в таких условиях. Наказание я несу по за-слугам, но за грехи мне не придётся платить – Христос взял всю мою вину на Себя.

Когда старик замолчал, остальные арестанты в подтверждение его слов начали свидетельствовать.

– Мы знаем, каким он был и каким теперь стал, – сказал один из них.

– Мы выбрали его старостой. Других таких, как он, просто нет, – подтвердил другой.

– Он нам как отец, наш советник и утешитель, – подхватил третий. – И если он считает что-либо правильным, все с ним соглашаются и слушаются его.

Это была отличная рекомендация книги и Того, о Ком в ней написано.

116 Мы с доктором Бедекером хотели взглянуть на арестантов за работой на рудниках, о чём сообщили начальникам тюрем. Желавших показать нам шахты было много, однако сделать это было необходимо до обеда. Жертвовать же целым днём ради этого нам всё-таки не хотелось, поэтому мы пытались выезжать так рано, насколько это было возможно, чтобы успеть застать заключённых за работой в другой тюрьме. Но мы всё равно опаздывали: принудительную работу арестанты заканчивали в час или, в крайнем случае, в два часа дня, после чего принимались за другую, оплачиваемую работу.

Раньше всего нам удалось приехать в Кадаю. Шёл третий час дня. Однако и это было недостаточно рано – арестанты уже разошлись. Тогда мы решили попросить хотя бы просто показать нам, где работают каторжники. Начальник тюрьмы послал за горным мастером, который тут же прибыл

и готов был нам служить. Мастер сразу предупредил, что их оборудование и техника очень примитивны. Подъёмника и вовсе нет, поэтому придётся спускаться вниз на семьдесят ступенек по отвесной лестнице, а затем подниматься.

Подойдя к шахте, мастер зажёл фонарь и спустился на несколько ступеней, за ним – доктор Бедекер, а я заключал процессию. Я был рад, что не мог видеть дальше слабого света, отбрасываемого лампой, потому что, имея слабые нервы, не мог бы смотреть без головокружения в бездну, простиравшуюся под нами.

Пока мы спускались вниз, пот тёл с нас ручьями. Внизу каждый из нас получил по такой же лампе, как у горного мастера шахты. Он повёл нас дальше вдоль коридора с высокими сводами, время от времени направляя свет фонаря в разные стороны. Всё вокруг и над нами сверкало, блестело и светилося, будто покрытое серебром. Однако это была лишь галенитовая руда, которую заключённые ежедневно добывали в огромных количествах. Из коридора направо и налево выходили девять других коридоров, высеченных в горной породе руками человека. И вот мы достигли его конца, где ещё совсем недавно трудились арестанты. Для работы они использовали примитивные кирки, лом, зубило и молот. На земле тут же лежали горы руды, которую необходимо было поднять наверх. Осмотревшись, мы тем же путём вернулись к лестнице. Тогда мастер пригласил нас спуститься ещё на семьдесят ступеней вниз, чтобы посмотреть и другие коридоры, простиравшиеся во всех направлениях и ничем, собственно, не отличавшиеся друг от друга.

Подъём наверх оказался легче, чем спуск, и это несмотря на то, что за один раз нам пришлось преодолеть сто сорок ступеней. Мы были рады, что взглянули на рудниковые

шахты. Из того, что нам удалось увидеть, мы заключили, что арестантам здесь повезло намного больше, чем каторжникам в Томске. На них не было цепей, работа была рассчитана на восемь часов в день, а многим удавалось закончить её и за семь. Они были здоровы, имели достаточно еды. Многие из них говорили, что, если они соблюдают режим и выполняют работу, с ними обходятся очень даже хорошо.

В субботу, шестнадцатого августа, мы завершили поездку по серебряным рудникам и благополучно вернулись в Сретенск. Нам оставалось посетить лишь тюрьмы на реке Кара – притоке Шилки, которая, сливаясь с рекой Аргунь, образует Амур.

До посёлка Усть-Кара мы плыли на пароходе и прибыли туда восемнадцатого августа. Каторжники работали здесь на золотых приисках, протянувшихся вдоль русла бурной речушки. В округе находилось четыре тюрьмы, в которых содержалось около двух тысяч арестантов. Эти тюрьмы – апогей преступности, как говорили о Карийском каторжном районе.

Мы начали с Усть-Кары, где жил тюремный начальник этого района и находилась крупнейшая тюрьма для самых отъявленных преступников. Господь также устроил нашу встречу с несчастными, которые не имели права работать на свежем воздухе с остальными арестантами.

Помимо темницы для особо опасных преступников, здесь находилась политическая тюрьма. Доверительный документ, выданный Бедкеру, исключал посещение политических заключённых. Однако везде, где они были, мы прилагали все усилия, чтобы организовать встречу и с ними и рассказать им о Христе.

Местная политическая тюрьма находилась в ведении коменданта жандармского управления. К нему мы и обратились, хотя нас заверили, что получить его разрешение будет крайне сложно. Мы не отчаивались и посетили его квартиру. После недолгих возражений глава жандармерии позвал унтер-офицера и сказал ему:

– Сходите, пожалуйста, к господам по ту сторону, сообщите, что пришли два господина, раздающие Священное Писание. Спросите, хотят ли они с ними встретиться.

Жандарм ушёл. Комендант снова обратился к нам:

– Мы не пускаем к ним никого, заранее не спросив, иначе они становятся ужасно грубыми.

Вернувшийся офицер сообщил:

– Арестанты просят пригласить пришедших.

– В таком случае проведите господ, – сказал начальник и пожелал нам удачи.

Мы последовали за жандармом до калитки в высоком заборе, которую он открыл, пропустив нас, сам, однако, идти дальше не собирался. Такого мы не ожидали. Везде, где нам удавалось пообщаться с политическими заключёнными, нас непременно сопровождал один из служащих. А вот в этот раз мы были совершенно свободны.

Здание находилось в десяти-двенадцати шагах от забора, его окружавшего. Лишь только мы подошли к помещению, как нам навстречу вышли, радостно приветствуя, все 33 арестанта. В руках у меня было около двенадцати книг Нового Завета.

– Так вы пришли обратить нас в христианство? – спросил один из заключённых.

– Нам это точно не под силу, – ответил я, – но вот Богу возможно. А эта маленькая книга – не что иное, как самый

верный путеводитель к Нему. Имея разрешение посещать тюрьмы, мы раздаём заключённым эти книги. Принесли и вам.

– У нас здесь не только Новый Завет, но и вся Библия есть, – ответили мне.

– Отчего это мы стоим у дверей? – спохватился вдруг один из них. – Пригласим господ пройти внутрь!

Мы последовали приглашению и зашли в здание. Арестанты разделились на две группы: владеющие английским и французским языками последовали за доктором Бедкером, а те, кто понимал лишь русский язык, остались со мной. Мы пробыли у них около часа, общаясь на важнейшие темы, а также, что вовсе не удивительно, говорили о положении, в котором они оказались. Все мужчины были очень умны и образованны, задавали нам множество вопросов.

120 | Перед нашим уходом арестанты показали помещения, в которых их содержали: четыре или пять больших комнат с длинными столами посередине, по обе стороны которых стояли такие же длинные скамьи. На одном из столов были расстелены большие листы бумаги с архитектурными чертежами и математическими вычислениями. В другой комнате мы заметили лондонскую газету «Таймс» и различные научные труды.

– У нас здесь хорошая библиотека, около трёх тысяч книг, – объяснили нам, – и некоторые из нас закончили здесь своё образование.

Мы были искренне поражены и впечатлены образу жизни, бодрости и жизнерадостности, которую наблюдали в этих стенах в течение часа. Когда мы поделились своими впечатлениями с самими арестантами, те пришли в искреннее замешательство.

– Вы опубликуете результаты вашей поездки? – был их последний вопрос.

Мы ответили, что ещё не думали об этом, но, в любом случае, это не было нашей целью. Ответ их удовлетворил.

Выйдя, мы направились к коменданту. Хотелось поблагодарить его за возможность пообщаться с арестантами, а также попросить разрешения посетить женщин – политических заключённых. Но прежде чем нам удалось сказать хоть слово, он произнёс:

– Я уверен, господа были очень рады вашему посещению! Я, в свою очередь, рад не меньше их. Мы послали узнать, не желают ли и дамы пообщаться с вами. Они передали, что будут рады вашему приходу.

Пока мы ждали сопровождавшего офицера, комендант не задал ни единого вопроса: ни о чём мы говорили, ни что вообще думаем обо всё этом.

Пришедший в скором времени офицер провёл нас к зданию женской тюрьмы. Маленький домик, в котором содержали арестанток, находился среди других домов и изб поселения вольной команды. Когда мы зашли внутрь, две женщины суетились на кухне: каторжанки готовили для себя сами. Другие дамы штопали или гладили одежду, однако стоило нам войти, как они тут же всё отложили, приветствуя нас с такой сердечностью и дружелюбием, на которые способны лишь женщины.

На вопрос доктора Бедекера, как они поживают, самая старшая из них воскликнула:

– Переворот мы совершили собственными силами!

Мы поняли, что её слова адресовались сопровождавшему нас офицеру, лицо которого стало пунцово-красным. Доктор Бедекер совершенно серьёзно и спокойно ответил:

– Вы, собственно, не ответили на мой вопрос. Мы не спрашиваем людей, что они делали, нам интереснее, чем они занимаются сейчас.

Женщина явно не хотела продолжать разговор в присутствии офицера. Она спросила доктора, владеет ли он французским или английским языком, и, когда тот ответил утвердительно, пригласила его пройти в другую комнату, так что мы опять разделились на две группы, в каждой из которой было по четыре арестантки.

Молодые женщины, которые не владели французским и английским языками, остались со мной. Самая юная из них находилась здесь уже два года. Когда её отправили в ссылку, ей было семнадцать лет. Остальные дамы были старше. Все они были крайне возбуждены. А как могло быть иначе, если напряжённая атмосфера, свидетелями которой мы стали, царил здесь и днём и ночью? Не было бы лучше поместить эту семнадцатилетнюю девушку в исправительное учреждение или женскую школу, где бы её наставили на путь истинный?

С Божьей помощью мне удалось направить нашу беседу на тему цели и причины нашего существования. Не достигая последних, жизнь наша становится бессмысленной. Об этом женщины ещё никогда не задумывались.

– Мы живём и умираем ради народа! Это и есть цель жизни, – торжественно заключили они.

– Что ж, замечательно! – ответил я. – Вы хотите сделать жизнь лучше, провести реформы. Разве можно осудить такое желание? Но не было бы разумнее провести прежде революцию в себе, начать с себя? Какие у вас отношения с Богом и людьми? Действительно ли вы понимаете, что лучше для других?

Дамы тут же присмирели и замолчали. Затем, будто опомнившись, со слезами на глазах признались, что ещё никогда в жизни не думали о Боге. Самая младшая была первой, потянувшейся к Новому Завету. Остальные последовали её примеру.

Оттуда мы отправились в Среднюю Кару и Верхнюю. Бог послал нам множество благословений и там. Арестанты и сотрудники тюрьмы в Верхней Каре были особенно тронуты нашим приездом и в завершение общения спели красивый псалом. Начальник рассказал нам, как они собрали из арестантов хор для пения церковных гимнов.

Наше внимание привлёк седоволосый заключённый, который был самым старшим из них. Он выглядел порядочным человеком, а не бессовестным преступником, голос его был бархатным и низким. Мы спросили его, почему он оказался здесь. Его ответ был столь убедительным, что мы ни на минуту не усомнились в его невинности – с ним поступили крайне несправедливо.

После посещения тюрьмы нас пригласили к начальнику на чай. Мы высказали свои сожаления по поводу незаслуженной участи старика и спросили, можно ли как-то ему помочь. Начальник ничего не ответил, но встал и достал из архива какие-то бумаги. Он показал нам документ и сказал, что, если бы приговор за все совершённые тем заключённым преступления мог исполниться, ему бы пришлось просидеть в тюрьме ещё около двухсот лет. Надежды на то, что его отпустят, вовсе нет. Мы были поражены. Как ужасно после совершения стольких преступлений притворяться невинным ребёнком!

Покончив с чаем, мы поспешили в Сретенск, куда прибыли двадцать первого августа.

НА ПАРОХОДЕ ИЗ СРЕТЕНСКА В НИКОЛАЕВСК

124 | **В** течение нескольких недель мы планировали обратный путь домой, ища возможности вернуться наземным транспортом. Однако в таком случае путешествие наше закончилось бы здесь, в Сретенске, и тюрьмы Благовещенска, Хабаровска, Николаевска и Сахалина посетить бы не удалось. Это стало бы огромным упущением для всего нашего служения, к тому же было неизвестно, сможем ли мы, возвращаясь, доплыть пароходом до Тюмени. В конце концов мы решили ехать дальше на восток, несмотря на то что отсюда до Николаевска было ещё более трёх тысяч километров.

Пришлось продать уже полюбившийся нам тарантас. В пароходной компании, куда мы пришли, чтобы приобрести билеты на корабль, нас ожидал приятный сюрприз.

– Для вас подготовлен бесплатный проезд в каюте первого класса до Николаевска, – сообщили нам.

Это распоряжение было отдано из Петербурга капитаном Этоленом, одним из руководителей компании, с которым Бедекер познакомился ещё в Гельсингфорсе¹¹. Для нас это был знак: Бог благословляет наше решение ехать дальше.

В субботу, двадцать третьего августа, мы покинули Сретенск. Наступил долгожданный покой. Наш путь был долгим – четырнадцать дней плавания. По Шилке пароход шёл очень медленно, причиной тому было мелководье. Киль судна порой касался песчаного дна, приходилось помогать движению длинными брусьями. Паровые машины в таком случае отключали до тех пор, пока корабль снова не был на плаву. Несколько раз возникала опасность того, что баржа с грузом, которую тянул пароход, застрянет на песчаной отмели. И лишь когда мы достигли места слияния Шилки и Аргуни, нашим мучениям пришёл конец. Оттуда плавание продолжалось по Амуру, границе между Россией и Маньчжурией¹².

В пути я познакомился с молодым бурятом, который был миссионером на Сахалине среди местных жителей. Я имел возможность каждый день говорить ему об истинном спасении во Христе, а он, в свою очередь, рассказывал всё, что знает о Сахалине. Я узнал столько нового об острове, будто жил там много лет. Чем больше я узнавал об условиях жизни местных жителей: северного народа гиляков¹³, айнов на юге острова и каторжников, – тем больше сердце моё разрывалось от осознания их духовной нищеты и власти греха, губившей

¹¹ Старое название столицы Финляндии Хельсинки. Прим. переводчика.

¹² Историческая область на северо-востоке Китая. Прим. переводчика.

¹³ Современные нивхи. Прим. переводчика.

их. И как ничтожно мало мы могли для них сделать! Надежда была лишь на Господа, Который из малого мог сотворить великое.

В среду, двадцать седьмого августа, мы прибыли в Благовещенск – административный центр Амурской области. Здесь нам нужно было пересесть на судно с более глубокой осадкой, которое, к сожалению, ещё не прибыло.

Местная тюрьма, как мы и ожидали, была очень маленькой. Амурская область насчитывала всего пятьдесят тысяч жителей, из которых двадцать тысяч жили в Благовещенске. Добровольные переселенцы из России, которые колонизировали эту землю, были в большинстве своём миролюбивы и высокоморальны. Однако на огромных золотых приисках, расположенных по соседству с городом, на реке Зее, среди тысяч работников укрывались немало беглецов из тюрем, многие из которых были действительно опасными людьми.

В пятницу, двадцать девятого августа, мы оставили Благовещенск и двинулись дальше. В нескольких часах плавания ниже по реке Амур, на противоположном берегу, лежал маньчжурский город Айгунь, к пристани которого на несколько часов причалил наш пароход. Капитан убеждал нас сойти на берег и взглянуть на местные достопримечательности. Мы с доктором Бедкером и ещё несколько пассажиров последовали совету.

А что вообще в этом городе нельзя было назвать достопримечательностью? Местные люди необычной внешности, в необычной одежде и с необычным поведением; дома с выгнутыми крышами, бумагой вместо оконных стёкол, печами и китайским убранством; маленькие храмы местных богов, украшенные жуткими драконами... Перед

нами открылся новый, никогда прежде не виданный мир, стоило лишь войти в город.

Для жителей Айгуни мы тоже стали диковинной достопримечательностью. Толпа тут же окружила нас – их любопытство было простодушно навязчивым. Среди нас был морской офицер с молодой женой, внимание к которым было особенно пристальным. Рослый монгол никак не мог отвести взгляд от кокарды на шапке офицера, другой – всё время пытался приподнять погоны на плечах, чтобы узнать, что находится под ними. Наибольший же восторг вызвали часы на цепочке. Жена офицера пользовалась не меньшим вниманием. Каждому непременно хотелось потрогать зонтик, серьги и браслет дамы. Однако ничто так не поразило их, как длинная борода доктора Бедекера. Растительность на лице монгольских мужчин была очень редкой, и даже в глубокой старости на подбородке только и росло что три волосинки. Поэтому изумлению местных жителей не было предела, так как они решили, что доктору, должно быть, уже много сотен лет, если он смог отрастить такую длинную бороду. Вскоре мы услышали сигнал парохода, сообщавший, что нам пора возвращаться.

В понедельник, первого сентября, мы прибыли в Хабаровск. Прежде всего поспешили разыскать губернатора – генерала Унтербергера, который был искренне удивлён предпринятому нами путешествию.

– Когда вы в следующий раз соберётесь в наши края, сможете уже приехать на поезде, – сказал он нам, – на днях я получил подтверждённую карту железной дороги.

Тюрьму мы посетили на следующий день. Господь был с нами и благословил проповедь Слова. Служащий, который очень заинтересовался нашей работой и добровольно

согласился нас сопровождать, покаялся, а многие арестанты были глубоко впечатлены, что проявилось во время раздачи Новых Заветов. Эта тюрьма стала последней, которую мы посетили на Азиатском континенте.

Пересев на другое судно, мы в тот же день двинулись дальше. Большинство попутчиков оставили нас и отправились во Владивосток, мы же – строго на север.

В четверг, четырнадцатого сентября, мы прибыли в Николаевск. Прежде чем пароход успел причалить, мы заметили на берегу городничего, который должен был нас встретить по распоряжению губернатора Хабаровской области. Он принёс, однако, мрачные новости: во Владивостоке разразилась холера, из-за чего приостановлено транспортное сообщение с городом и суда в Николаевск и Сахалинский порт временно не ходят. Таким образом, поездка на Сахалин была отложена на неопределённое время.

– Ну что ж, – сказал доктор Бедекер городничему, – могли бы вы нам посоветовать какую-нибудь гостиницу?

– В Николаевске нет гостиниц и вообще ничего им подобного, – ответил тот.

– Может быть, тогда какой-нибудь пансион или просто дом, где можно найти пристанище? – продолжал расспрашивать доктор.

– Как я уже сказал, я не слышал ни о чём подобном в нашем городе, – был ответ городничего, после чего мы с ним распрощались.

Доктор вспомнил, что ему рекомендовали местного агента пароходной компании. Найдя его, мы попросили у него совета, однако и здесь нас ожидало разочарование.

Мы не раз уже попадали в такие ситуации, когда, казалось, выхода не было, но Господь чудесным способом указывал

его нам. Так произошло и в этот раз. Американский торговец по фамилии Эмери, узнав о нашем затруднительном положении, пригласил нас к себе домой. Мы с радостью приняли его приглашение и поблагодарили Господа, что Он так быстро послал нам решение. Ночь мы ещё провели на пароходе, а утром отправились к господину Эмери.

Нам удалось отдохнуть, пока мы плыли на пароходе по Амуру, поэтому очень хотелось приступить к работе. И всё же, что могло означать это затишье? Что Господь хотел нам этим сказать? Порой, с головой погружаясь в работу так, что ни днём ни ночью не видишь покоя, забываешь, что необходимо иногда остановиться, набраться терпения и ждать помощи от Господа.

День за днём проходили в ожидании, без малейшего решения вопроса, как и когда мы поедем дальше. Господин Эмери и его семья сделали наше пребывание в их доме настолько приятным, насколько это было возможно. Мы ежедневно гуляли на свежем воздухе. В городе не было особых достопримечательностей, бывшее величие город передал Владивостоку. Поэтому мы гуляли вдоль берега Амура.

В это время мы стали очевидцами интересного события. Кета, один из видов лососевых рыб, ежегодно переправляется из Тихого океана на нерест в Амур, где её отлавливают. На берегу рыбу перерабатывали – мы увидели около десяти тысяч бочек и невероятное количество соли. Однажды мы заметили мужчину, который на плече нёс рыбу весом примерно четыре килограмма, и спросили его, сколько стоит такая добыча.

– Мне её подарили, – ответил тот, – но купить можно за пять копеек, а сотню рыб – за три рубля.

Днём, когда мы в очередной раз прогуливались вдоль реки, я заметил пришвартованный к берегу корабль.

– Это судно доставит нас на Сахалин! – радостно воскликнул я.

Доктор Бедекер взглянул на корабль, но не сказал ни слова. Во время обеда он спросил господина Эмери:

– Вы случайно не знаете, что за пароход пришвартован в городе?

– Этот корабль пришёл ночью из Японии, – ответил Эмери, – его прислали для меня.

Луч надежды пронёсся в наших мыслях, когда мы услышали эти слова.

– Сможет ли он доставить нас на Сахалин? – тут же спросил доктор.

– Нет, это невозможно, – был такой же скорый ответ, – мне сложно даже подсчитать в уме, во сколько обойдётся отступление от курса.

Мы замолчали и больше не возвращались к этому вопросу. Пароход был разгружен и снова загружен, а так как фрахтовал судно Эмери, то и приказ к отплытию тоже отдать должен был он. Когда всё было готово, он спросил капитана:

– На сколько дней рассчитаны запасы угля на борту?

– На четыре дня, – честно ответил капитан.

– Капитан, вам понадобится четыре дня только для того, чтобы без каких-либо задержек добраться до Хакодате. Однако если вы попадёте в шторм, вы задержитесь на пять дней, а то и больше. В таком случае вы пропадёте. Я не могу дать разрешение к отплытию, пока вы не пополните запасы угля.

Капитан тут же готов был приступить к выполнению распоряжения, но найти уголь в Николаевске не смог. На Сахалине же его было достаточно. Таким образом, при условии, что капитан запасётся углём на Сахалине, господин Эмери отдал приказ отправляться. Вот таким чудесным образом Бог всё устроил для нас и нашего служения! Однако у нас появилось ещё одно желание: мы хотели доплыть на пароходе до Японии, так как приближалась зима и реки в скором времени затянутся льдом. Мы попросили капитана задержаться на острове один день, чтобы успеть сделать столько, сколько будет возможно. Однако он объяснил, что не сможет задержаться ни минуты дольше, чем того потребует погрузка двух тонн угля. Нам пришлось согласиться, хотели мы того или нет.

ПУТЬ НА САХАЛИН

132 **В** четверг вечером, одиннадцатого сентября, мы поднялись на борт корабля с хвалой и благодарностью Господу, прося Его о дальнейшем водительстве в нашем служении. Устье реки Амур было занесено песком, поэтому плыли мы очень медленно. Весь день двенадцатого сентября корабль шёл на юг, проходя мимо множества великолепных песчаных островков в Татарском проливе, которые будто тянутся к континенту. В субботу, в пять часов утра, наш пароход подал сигнал перед Александровским постом, и к нам тут же был выслан баркас, чтобы узнать, чего мы хотим.

Капитан корабля получил разрешение пополнить запасы угля и доложил о нашем приезде. Вместе с помощником капитана, который должен был закупить уголь, мы пересели на доставивший нас на берег баркас. Это же судно провело наш пароход на стоянку, находившуюся в двенадцати километрах южнее, для погрузки угля.

Сердца наши сжимались от осознания того, сколь мало времени у нас в распоряжении. То, что мы сделаем за пару часов, возможно, будет единственным, что для этих людей будет сделано за целое десятилетие, а то и всю жизнь. Ещё никогда мы так не надеялись на содействие Господа в нашем служении, как на Сахалине.

Прежде всего нужно было найти книги Нового Завета, транспортировку которых на остров взял на себя «Добровольный флот». Помочь в этом нам мог губернатор. Георг Кеннан писал о нём: «Полковник Кононович – человек высокообразованный, гуманный и вообще очень приятный. Политзаключённые Сибири вспоминают о нём с благодарностью и уважением».

Несмотря на раннее время, мы поспешили к губернатору, который был с нами очень обходителен и помог найти полторы тысячи Новых Заветов. Мы объяснили ему, как мало времени нам оставили, и попросили оказать помощь. Все служащие тюрьмы были в нашем распоряжении. Они собрали заключённых к нашему приходу: тех, кто был на каких-либо работах, отпустили, а кто только отправился – вернули. Всем сегодня дали выходной день.

По старорусскому летоисчислению, которое тогда ещё было в России, день тот был первое сентября. В этот день отпущенные на свободное поселение арестанты приходили в тюрьмы получить какую-либо поддержку. Их пришло около шестисот человек. Перед зданием администрации, прямо на открытом воздухе, мы говорили им о спасении через голгофский крест Иисуса Христа.

А баркас тем временем ждал нас у берега, чтобы отвезти обратно в порт Дуэ, где был пришвартован наш

корабль. Мы боялись, что опоздаем к отплытию судна. Один из служащих успокоил нас, заверив:

– Мы решили не давать капитану разрешения на отплытие до тех пор, пока вы не обойдёте всех наших арестантов. В порту Дуэ вас ждёт ещё больше заключённых, чем здесь.

Приехав туда, мы увидели, что уголь всё ещё погружают. К нашему приезду собрали группу горнорабочих, многие из которых были опасными преступниками. Они стояли перед нами чёрные, как уголь, с нетерпением ожидая того, что произойдёт дальше. Бог всякой благодати и утешения взял нас в Свои руки и использовал как инструмент для Своей славы. Воспоминания о собрании в порту живы во мне, будто произошло это только вчера: горькие слёзы текут по чёрным щекам заключённых, оставляя на лице белые полосы, а мужчины пытаются скрыть их, вытирая рукавами своих не менее чёрных бушлатов. Дух Божий действовал в сердце каждого, проникая до глубины души.

Каторжники с трудом позволили себя увести, чтобы освободить место для следующей партии, так как хотели ещё остаться с нами. Им разрешили послушать нас из окон казарм. Поэтому, когда они снова оказались в камерах, все окна были тут же открыты и заполнены слушателями.

Когда привели последнюю партию, мы заметили восемь мужчин, прикованных к тачкам. Начальник тюрьмы объяснил, что это – знак того, что арестант совершил убийство или какое-либо другое уголовное преступление, уже находясь в тюрьме. Таких заключённых даже на ночь не освобождали от кандалов.

В конце концов и эту партию отпустили, но через несколько минут к нам привели отдельно выбранных арестантов,

которые хотели от имени всех поблагодарить нас. Кто-то выкрикнул из окон тюрьмы:

– Не уходите! У нас есть больные, которые тоже хотели бы с вами увидеться и получить Новый Завет!

Я тут же взял несколько книг и быстро взбежал по лестнице наверх. Меня водили от одного больного к другому, каждому из которых я сказал несколько слов утешения. Меня окружала толпа, готовая обнимать и носить на руках.

Но за нами пришёл начальник и почти силой потащил в свою квартиру, где собрались все сотрудники тюрьмы и угольной шахты. Мы провели с ними ещё один прекрасный час, наслаждаясь вкусной едой и напитками. Этот час был последним на русской земле. В конце они все провели нас к пароходу, где мы и простились.

Капитан нашего судна был почти безутешен из-за того, сколько времени было потрачено на погрузку угля. А какой путь мог бы он уже пройти за сегодняшний день! И если бы он только знал, что уголь ему на корабль будут погружать на тележках! Лишь приблизительно в полночь был поднят якорь, и корабль тронулся в путь. Мы с доктором очень устали, поэтому сразу же отправились отдыхать.

Проснувшись следующим утром, мы осознали, что наше большое четырёхмесячное путешествие со всеми его трудностями было позади. В прошлом остались места лишений и наказаний, на поиски которых мы и выехали, тысячи людей, от которых мир отказался, отослав от себя так далеко, насколько это было возможно. Мучительно больно было смотреть на бесконечную нужду и невыразимые страдания. Однако в том мы видели Божью к нам благодать, что Он дал привилегию посетить этих несчастных людей, взглянуть в их лица и сердца, рассказать им о Божьей

любви, подарив тем самым толику утешения. Теперь всё это осталось позади, как вчерашний сон. Сердца наши были полны благодарности Всевышнему за Его простёртую над нами благодетельную руку. Мы возносили к Богу горячую молитву: «Благослови же, Господи, посеянное нами семя, пробуди тех, кого Ты избрал в качестве почвы для посева! Вознагради тех, кто способствовал нашей работе и протягивал руку помощи, когда мы в ней нуждались. Сойди, Господи, на эту землю, через которую проходил наш путь».

По нашим приблизительным подсчётам, Слово Божье было проповедано более сорока тысячам заключённых, со многими нам удалось поговорить лично, увещая их обратиться и довериться Христу. Кроме того, нам выпала неоценимая возможность раздать двенадцать тысяч книг Нового Завета и других частей Священного Писания. Все эти цифры касаются лишь континента. На острове Сахалин из-за ограниченности во времени мы смогли посетить не всех заключённых и переселенцев. Там мы проповедовали Евангелие полутора тысячам узников и раздали более тысячи книг Нового Завета. Небольшой запас книг, около пятисот штук, доктор Бедекер оставил у начальника Сахалинской тюрьмы для арестантов, которые будут прибывать. Оглядываясь назад на всё, через что нам пришлось пройти, можно лишь сказать: «Аллилуйя!»

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Ранним утром в воскресенье, четырнадцатого сентября, началось наше возвращение домой. Просёлочная дорога, правда, была заменена морской гладью, и путь домой, не считая коротких остановок, должен был продлиться чуть больше двух месяцев.

Погода была великолепная. Остров Сахалин оставался в поле нашего зрения, и чем дальше мы продвигались на юг, тем красивее становился вид. В районе Александровского поста остров нёс на себе печать севера, однако с продвижением на юг всё больше менялся ландшафт, облачаясь в зелень не только елей и пихт, но и лиственных деревьев. Это понятно, ведь остров протянулся с севера на юг на восемьсот километров.

Когда мы приблизились к южной оконечности острова и проливу Лаперуза, корабль был подхвачен лёгким бризом. Доктор Бедкер, ранее плохо переносивший качку, спокойно гулял по палубе, однако мне стало совсем плохо.

Я никогда не страдал морской болезнью, поэтому моё состояние едва ли было хорошим предзнаменованием – болезнь нервов и печени прогрессировала. Но, слава Богу, бриз был действительно лёгким и терпимым.

Я уже несколько часов отдыхал в своей каюте, когда неожиданно открылась дверь и доктор Бедекер восторженно спросил:

– Не желаете ли увидеть китов?

Я не поверил своим ушам и подумал: «Неужели нам действительно выпадет такая удача?» Я тут же поспешил на палубу. Бедекер указывал на воду справа от борта, где на расстоянии восемнадцати-двадцати метров заметил три пары китов. Они плыли в том же направлении, что и наш пароход, однако так спокойно и непринуждённо, что слегка заметно отставали от нас. Мы примерно установили их длину – пять или пять с половиной метров. Когда киты уже были вне поля зрения, нам посчастливилось увидеть, как они выпускают струю воды, ударившую ввысь, словно фонтан.

Весь следующий день мы проплывали мимо северного японского острова Иессо¹⁴. Даже с корабля было заметно, что остров – вулканический. Его коренные жители – племена айнов, обитавшие также на Курильских островах. Мы периодически видели их на берегу, занятых рыболовством. День был чудесный, и даже рыба выражала свою радость оживлённой игрой. Поздно вечером того же дня мы зашли в порт Хакодате.

---

¹⁴ Вышедшее из употребления название острова Хоккайдо. Прим. переводчика.

НЕДЕЛЯ В ХАКОДАТЕ

 Выйдя следующим утром на палубу, мы были поражены открывшемуся перед нами виду одного из самых величественных портов мира. Капитан заверил нас, что здесь могут разместиться военные корабли всех стран. Невдалеке от нас на якоре стояли двенадцать белых крейсеров под английским флагом. Сам город Хакодате лежал севернее порта – на склоне возвышавшейся перед нами горы.

У доктора Бедекера был адрес миссионера по имени Мэтью из английской церковной миссии. Мы нашли его быстро, а он встретил нас так, будто ждал очень давно. Мэтью пригласил нас в свой дом, заметив, что за последние девять лет никто из братьев и сестёр его не посещал. Мы имели хорошее общение, с интересом расспрашивали друг друга о проделанной нами работе во имя Господа.

Уже на следующий день в здании миссии был собран полный зал людей. В этот раз я был слушателем. Роль переводчика взяла на себя верующая японская учительница,

переводившая с английского на японский язык. Следующие несколько дней мы проводили такие же встречи. На одной из них произошло небольшое недоразумение. На евангелизационном собрании доктор Бедекер проповедовал, опираясь на текст Книги пророка Исаии: «Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу...» (53:6).

140 Проповедь Бедекера была очень искренней, учительница же со своей стороны делала всё возможное, чтобы перевести её наиболее точно. Доктор говорил о том, что овцы очень легко сбиваются с пути, и едва ли какое-либо другое животное способно с ними в этом сравниться. Человек же во многом похож на них: он так же легко заблуждается. Дальше Бедекер заметил, что блуждать и сбиваться с пути настолько в природе овец, что даже когда приходит пастух и указывает им правильный путь домой, они не следуют послушно по указанной дороге, но тут же идут своим путём.

До сих пор японская учительница переводила проповедь очень бегло, однако последние слова Бедекера сбили её с толку, и работать дальше она отказалась. Проповедь прервали, и Мэтью поспешил выяснить у неё, в чём проблема. Мы, разумеется, ничего не поняли. В конце концов нам объяснили причину недоразумения: в Японии овец нет, и местные жители в большинстве своём понятия не имеют о существовании этих животных. Как нам сказали, климат этой страны им не подходит, и они умирают от туберкулёза. Поэтому, не зная, что такое овцы, учительница вместо английского слова «sheep» поняла другое слово – «ship», которое произносится точно так же и означает «корабль». Эта неприятная путаница прервала

ход богослужения. Мы спели песню, после чего доктор начал говорить на другую тему.

Однажды Мэтью сказал мне:

– Знаете, у нас здесь есть русский миссионер – православный священник.

– Я был бы рад, если бы вы представили меня ему, – ответил я.

Он согласился, однако прежде рассказал мне, как начиналась православная миссия на острове. Для работы здесь этот священник был послан самим православным епископом из Токио. Священник собирался купить на острове дом или хотя бы клочок земли, однако не смог сделать ни того ни другого.

– Он рассказал мне о своей нужде, – продолжил Мэтью, – поэтому я решил продать ему часть своей земли. Таким образом, мы с ним теперь соседи.

«Какое же у него открытое и доброе сердце, – подумал я, – не каждый протестант будет так по-братски относиться к православным».

Читателя может удивить то, что мы так долго задержались на острове Хакодате. Ответ прост: во-первых, сначала мы не могли дождаться парохода, который бы довёз нас до Иокогамы. Во-вторых, было ещё одно, более серьёзное препятствие – у доктора Бедекера в распоряжении были лишь русские деньги, которые здесь не принимали. Все наши попытки обменять их были тщетны. Мы обратились даже к российскому консулу за советом, однако всё, что он нам мог сказать, было:

– Плывите до Иокогамы, где вы найдёте российских купцов. Они вам обменяют деньги.

Мы бы сделали это и без его совета, если бы только могли купить билеты. Незадолго до отплытия очередного судна Мэтью вспомнил об одном англичанине, который занимался всевозможными денежными операциями. Получив адрес, мы разыскали его.

– Нет, никто не принимает здесь российские деньги. И я тоже. Поезжайте в Иокогаму, там и поменяете, – ответил старик на нашу просьбу.

– В том-то и проблема, – ответил доктор, – мы не можем туда поехать без билетов, для покупки которых нужно поменять деньги.

– Так это не проблема, – возразил старик, – я дам вам сто японских долларов. Для вас двоих этого будет достаточно. В Иокогаме поменяете деньги и перечислите сто долларов на мой счёт в банке. Это вам подойдёт?

142 Не знаю, что чувствовал в тот момент доктор, но моё сердце выпрыгивало из груди от радости. Когда Бедекер спросил любезного англичанина, сколько мы должны будем ему за такую услугу, тот ответил:

– Ничего, совершенно ничего не должны! Я всего лишь помогаю вам выйти из затруднительного положения, ничего более.

Он дал Бедекеру деньги, визитную карточку, а также адрес банка в Иокогаме. Я спрашивал себя, где ещё на земле можно встретить таких людей, которые готовы одолжить 450 марок золотом незнакомцам в совершенно чужой стране, не имея при этом никаких гарантий.

На следующее утро мы выехали на почтовом пароходе в направлении Иокогамы, куда прибыли через полтора дня.

В ИОКОГАМЕ И ТОКИО

Плавание по водам Тихого океана в течение полутора суток проходило на удивление чудесно. Водная гладь была очень спокойной и тихой, и даже не верилось, что плывём мы по морю. Нам рассказали, что лишь неделю назад, именно тогда, когда мы были подхвачены лёгким бризом в водах Татарского пролива, один пароход и турецкий крейсер, на борту которого находились посланники султана к микадо¹⁵, были в шепки разбиты тайфуном где-то в Восточно-Китайском море. Мы ещё больше возблагодарили Господа за хорошую погоду во время нашего плавания. Вид с корабля на северо-восточную оконечность крупнейшего острова Японии – Ниппон¹⁶ с рядом горных вершин, упиравшихся в небо, был потрясающим.

В Иокогаме нас ожидал великолепный дом для миссионеров и их семей, которые несут служение в южных

¹⁵ Японский император. Прим. переводчика.

¹⁶ Известен под названием Хонсю. Прим. переводчика.

тропических областях и в самое жаркое время года нуждаются в отдыхе. Весьма кстати подходят для этого места слова из Евангелия от Луки: «Хорошо нам здесь быть; сделаем три куши...» (9:33). Все выглядели довольными и счастливыми, были дружелюбны и любезны, как родственники или давние знакомые. Мне же, напротив, было очень плохо, будто каждую секунду могла случиться катастрофа. Я не мог съесть ни кусочка, даже чашку бульона не мог выпить. Желудок совсем не принимал еду, хотя аппетит никуда не пропадал и я постоянно чувствовал голод.

В городе свирепствовала холера, ежедневно уносившая множество жертв. Доктор был немало обеспокоен тем, что и я мог заразиться болезнью. Я же был уверен, что ложечка красного вина вполне могла бы укрепить мой желудок. Напрасно я ходил от одной лавки к другой, безуспешно пытаюсь найти «лекарство». В одном из магазинов мне удалось приобрести бутылку белого вина, которое, когда я его попробовал, оказалось не более, чем слабоалкогольной подделкой. За отсутствием другого лекарства я время от времени пил то, что было. А так как я, кроме этого, ничего в рот не брал, боль и тошнота вскоре прекратились.

В Иокогаме мы собирались остаться до тех пор, пока не получим ответ от молодого профессора из Токио о том, когда наш приезд будет для него наиболее удобным. Через полтора дня он сам приехал и забрал нас. Поездка на поезде из Иокогамы в Токио, столицу Японии, прошла замечательно и заняла не больше пяти часов.

Наш радушный знакомый жил в доме, находившемся прямо в центре прекрасного бамбукового сада, который мы успели осмотреть ещё до наступления темноты. Я и не догадывался, каких размеров могут достигать эти велико-

лепные растения – бамбук – с совершенно прямыми и круглыми стеблями. Лишь на самой макушке росли лентообразные листья. Профессор показал нам тридцать видов бамбука и рассказал, что в парке по соседству растёт и того больше – 120 видов. Парк тот мы посетили в один из следующих дней.

Сразу же после ужина мы отправились спать. Я проспал довольно долго, и когда, одевшись, вышел из своей комнаты, было уже восемь часов утра. Представьте моё удивление, когда я, выйдя, обнаружил, что от восьми просторных комнат дома не осталось и следа. Видны были лишь шесть или восемь небольших колонн, на которых держались крыша дома и моя комната. Через несколько минут в комнату зашла домохозяйка, тут же убравшая стены одну за другой, после чего исчезла и моя комната. Каким же лёгким казался дом по сравнению с теми, которые строят у нас! Всё в нём было сделано из очень лёгкого дерева и картона, а вместо оконных рам была вставлена белая рисовая бумага. Массивными были лишь колонны, державшие на себе тяжёлую крышу.

Гуляя позднее по городу, мы заметили, что все дома построены по такому же принципу. Миссионер, с которым мы там познакомились, основательно описал строение их церкви. Конечно, строительство подобного здания выходило в целом дешевле, однако и служило оно намного меньше.

– Мы и не можем построить ничего другого, – заметил он, – так как живём на вулканической земле. Такие дома при обвале во время землетрясения менее опасны для жителей. К тому же у них есть шанс выстоять при сильных толчках. Едва ли можно вообще найти другие строения в Японии.

Мы вышли из часовни и направились к церковной башне, возвышавшейся высоко над землёй.

– Можете представить себе наш ужас, – сказал миссионер, – когда несколько лет назад, после ночного урагана подойдя утром к церкви, мы обнаружили, что её нет! Страшный ураган вырвал башню из земли и отбросил на сотню метров. А от стен церкви осталась груда шепок. Уцелеть смогли лишь крепкие крыши из тяжёлых каменных плит. Так что люди не так часто остаются без крыши над головой.

* * *

Один высокопоставленный японец-христианин пригласил нас на обед. Он владел английским и немецким языками, так как учился в Англии и Германии, и приобщился к европейской цивилизации, тогда как во всём его доме ещё царили японский дух и обычаи. Доктор Бедекер немного рассказал о нашем служении, а хозяин дома – о языческой сущности японцев и их религии.

– В Европе, – объяснил он, – считают, что мы все здесь приверженцы буддизма. Это совершенно превратное представление. Конечно, буддистские монахи прилагают массу усилий, чтобы привлечь народ к своей религии, однако особо в этом не преуспевают. В целом у нас около двух процентов буддистов. Да и цифра эта, по-моему, завышена. Как и любая другая пропаганда, эта – переоценена. Думаю, в Японии лишь один (максимум полтора) процент буддистов.

Несложно понять, почему успех такой большой пропаганды столь незначителен. Буддизм является философской религией, которая требует от своих последователей раз-

мышления и медитации. Почти невозможно привлечь к этому народ в больших массах. Лишь единицы, склонные к философствованию люди, которые ищут в жизни нечто подобное, могут найти удовлетворение в буддизме. Поэтому успех пропаганды может быть только среди таких людей.

Религией японского народа является в основном синтоизм, – продолжал свои объяснения японец-христианин. – По сути это даже не религия, центром поклонения которой обычно является некий бог. В синтоизме он отсутствует. Объекты поклонения этого верования – многочисленные божества. В ряды богов включаются столетиями и тысячелетиями почитаемые властители и герои, которые совершили великие подвиги. В ранг богов они возводятся не при жизни, а лишь после смерти (своими дальними потомками). Число их постоянно увеличивается. Если наш нынешний микадо совершит какой-либо геройский поступок, нечто особое для нашей страны и народа, то он вполне может надеяться через сотни лет быть причисленным к божествам. Точно так, как в католицизме папа римский причисляет к лику святых давно умерших, а в России к святым добавляют давно забытых людей. Это религия японского народа.

Некоторые миссионеры рассказывали нам, что дробление христианства на различные деноминации – огромное препятствие для распространения Евангелия. Газеты, воспользовавшись этой ситуацией, вводят людей в заблуждение, утверждая: «Ничего положительного в христианстве вы не найдёте. Оно состоит из яростных последователей, совершенно не понимающих друг друга и противоречащих друг другу, которые устраивают междоусобные раздоры. Христиане редко находят общий язык, проклинают друг друга совершенно так же, как и вас». Другие печатные

издания, не проявляющие открытой вражды против христианства и даже восхваляющие его, добавляют, однако, что японцам это учение совершенно не подходит. Лишь урезав его со всех сторон, можно надеяться на успех. И тем не менее Господь и здесь ежедневно прилагал людей к спасаемым.

В ШАНХАЕ

 Через пять дней мы выехали на поезде из Токио и в тот же день пересели на французский пароход «Сахалин», отплывавший из Иокогамы. Погода и в этот раз была чудесной, лучше и быть не могло. Пароход шёл спокойно и ровно, будто плыли мы по реке, небо было ясным и голубым. Можно было сидеть за столом и писать так же спокойно, как у себя дома в кабинете.

Пароход наш заходил лишь в гавань Осаки и Кобе. Поездка через японский архипелаг (Ликейские острова¹⁷) была замечательной. На берегу мы видели прекрасные особняки с парками и садами, в которых росли тропические деревья и экзотические растения. Острова так близко лежали друг ко другу, что порой казалось, будто корабль держит курс прямо на остров. А бывало, пролив между двумя островами был таким узким, что плыви нам

---

¹⁷ Современное название островов – Рюкю. Прим. переводчика.

навстречу какое-нибудь судно, разойтись мы бы не смогли. На мой вопрос, не сядем ли мы на мель в таких местах, капитан ответил, что это невозможно, так как глубина даже у самого берега была невероятной. Это означало, что острова были вулканического происхождения, и, поднявшись когда-то со дна океана, они таким же образом однажды могут исчезнуть.

Выйдя следующим утром на палубу, мы обнаружили, что находимся в водах Жёлтого моря. На западе видны были какие-то тёмные пятна, и по мере нашего приближения пятна эти приобретали всё более чёткие очертания земли. Мы были у берегов Китая. Река Янцзы, протянувшаяся на тысячи километров в длину, несла свои воды к морю, которые, по сравнению с голубизной океана, казались жёлтыми. Достигнув наконец устья реки, мы вскоре прибыли в порт Шанхая. У нас было 36 часов свободного времени до дальнейшего плавания.

Прежде всего мы разыскали здание Внутрикитайской миссии, работавшей в Шанхае по так называемому английскому договору. Нам указали на величественное многоэтажное здание, выложенное красным кирпичом. Там нас приняли очень тепло. Хадсон Тейлор, пожилой основатель миссии, к сожалению, отсутствовал. Он уехал в Австралию, откуда намеревался отправиться в Европу.

Время было полуденное, поэтому нас провели в большую залу, где обедали около пятидесяти китайцев, в том числе несколько женщин. Нас представили как путников из Сибири и сердечно приветствовали. Наше неожиданное появление прервало царившее в помещении оживлённое общение, которое, впрочем, вернулось в привычную колею, когда мы заняли свои места.

Пока доктор Бедекер беседовал, я внимательно наблюдал за происходящим. Я не верил своим ушам, слушая превосходную английскую речь окружавших нас мужчин и женщин. Я заметил, что их одежда была безукоризненно чистой, – редкое явление среди китайцев. «Какие же удивительные перемены внесло в их жизнь христианство, что даже внешний вид этих людей стал приятнее», – подумал я. Одно лишь не укладывалось у меня в голове – их манеры за столом, а именно то, как они держали ножи, вилки и ложки. Экипаж корабля, на котором мы плыли из Николаевска в Хакодате, а также почтового судна из Хакодате в Иокогаму полностью состоял из китайцев. Я часто наблюдал за ними во время трапезы, из чего сделал вывод, что едят они исключительно палочками. Невозможно, чтобы манеры и обычаи обращённых в христианство китайцев изменились в такой степени. До меня постепенно дошло осознание происходящего: все без исключения сидевшие в зале братья и сёстры были европейцами, готовыми «для всех сделаться всем», пожертвовать своими привычками, удобствами, манерами и даже одеждой, дабы привести язычников ко Христу.

Объяснение, которое мне дали на мой вопрос, почему миссионеры носят китайскую одежду, подтвердило мои предположения. Из всех известных мне миссионерских обществ лишь Внутрикитайская миссия, ради и во благо дела Божьего, старалась как можно больше в манерах и внешнем виде походить на местных жителей, дабы тем самым снизить степень предубеждения против европейцев. Миссионерам здесь доверяют намного больше, что является важной предпосылкой готовности людей слушать Благую весть.

То, что мы увидели там, произвело на нас неизгладимое впечатление и показало поразительную силу веры, надежды и любви, которыми обладала миссия со времени своего основания до того самого дня нашего посещения. Нам устроили экскурсию по различным отделениям миссии, что заняло оставшуюся часть дня. Следующий день было решено посвятить знакомству с Китаем. Агентство Британского библейского общества послало к нам своего сотрудника, который превосходно владел как китайским, так и английским языками, был хорошо знаком с местной культурой и собирался провести нас по городу.

152 | Едва мы прошли через ворота каменных стен, как оказались в лабиринте киосков, лавок, мастерских, трактиров и жилых домов, так плотно пристроенных друг ко другу, что невозможно было понять, где заканчивается один дом и начинается другой. Напрочь отсутствовали улицы или переулки, по которым можно было ориентироваться. Казалось, люди переходили из одного шкафа в другой. Некоторые проходы были настолько застроены, что приходилось сворачивать в сторону, чтобы пройти дальше. Мы так часто метались, поворачивая то налево, то направо, что в итоге пришлось отказаться даже от мысли ориентироваться по солнцу или сторонам света. Через десять минут нашей прогулки я понял, что дорогу назад к городским воротам сам ни за что не найду. Вся надежда была на нашего проводника. Примерно полтора или два часа нас таким образом водили по городу.

Мы вышли у самого подножия буддистского храма, где на некоем алтаре на подогнутых ногах сидел Будда. Наш проводник рассказал о приношениях, которые лежали тут же перед алтарём или были подвешены рядом, а также

о многих других дарах, приносимых людьми. На отдельном маленьком столе находились всевозможные святые предметы; взяв их в руки, проводник так подробно объяснял их значение, будто и сам был буддистом. Пока мы находились там, священник храма прохаживался неподалёку, спокойно покуривая и поглядывая на нас.

Выйдя из одного храма, мы направились в другой – китайский, в котором находились тысячи идолов. Когда сталкиваешься с язычеством напрямую, получая представление о бездне тьмы, в которой находятся эти несчастные люди, тогда понимаешь силу дьявольской власти, которая их окутала. Дракон не только присутствует в украшениях их храмов, он властвует над мыслями язычников, их религиозными представлениями, над их семьями и отношениями друг с другом, над всей их жизнью. Наш проводник мог рассказать о предназначении лишь нескольких выставленных в храме идолов, а их, по его словам, было около трёх миллионов, и за каждым из них в той или иной форме стоит дракон.

– И несмотря на это огромное количество, их недостаточно, – сказал проводник, – ежедневно добавляются всё новые и новые выдуманные боги.

Сказав это, он открыл дверь и ввёл нас в мастерскую, где люди усердно работали над созданием новых статуй идолов. С болью в сердце мы вышли оттуда.

Зная о нашей миссии среди заключённых в сибирских тюрьмах, проводник захотел показать нам китайскую тюрьму. Нам удалось получить разрешение на вход. Уже перед самым зданием, скорчившись за решёткой, находились три преступника. На каждом из них висела четырёхугольная широкая доска так, что в середине

её была просунута голова узника, а по краям – руки. Заметив нас, преступники начали жалобно стонать и просить милостыню, указывая на свой рот. Проводник объяснил, что эти заключённые голодают и могут рассчитывать лишь на милосердие и сострадание проходящих мимо людей.

Зайдя во двор тюрьмы, мы не знали, что делать. Нас окружила толпа арестантов, одетых в лохмотья, которая становилась всё более навязчивой. Каждый просил милостыню. У нас, к сожалению, не было китайских денег, чтобы им что-то дать. Нашему провожатому с трудом удалось вырвать нас из объятий толпы.

В конце концов мы попали в здание тюрьмы. Собственно, на здание это было мало похоже, скорее, на клетку около пятидесяти метров в квадрате. Стены её были из плетёных бамбуковых стеблей, крыша – из того же материала – частично обвалилась. Лишь пол был сделан из прочных досок, из которых на определённом расстоянии по всей темнице торчали железные крюки. Прикованные ручными кандалами к крюкам, скорчившись на подогнутых ногах, сидели заключённые. Они были так близко привязаны к полу, что не могли даже сесть на корточки, уже не говоря о том, чтобы встать. Не знаю, могли ли они лечь, чтобы поспать. В таком ужасном положении заключённые были вынуждены проводить день и ночь.

Из столбов в центре и по углам клетки торчали на высоте человеческого роста такие же крюки, к которым стоя были прикованы другие арестанты. Они не могли ни присесть, ни прилечь на пол. Какими бы ужасными ни были российские тюрьмы, до такого зверства нигде не доходило. Голод и жажда, сырость и холод, жестокость наказания и обращение без капли сострадания – вот удел

китайских заключённых. Лишь те, у кого были деньги, могли облегчить своё положение взятками.

– Гряди скорей, Иисус! – было единственное, что мы могли со стоном произнести, выйдя из этого места мучений.

Ближе к вечеру мы вернулись на пароход, а около полуночи с огромным опозданием покинули Шанхай.

ГОНКОНГ

156 **Н**очью наш корабль плыл очень медленно, поэтому, выйдя утром на палубу, мы увидели, что всё ещё находимся в Жёлтом море, недалеко от континента. Небо над нами было ясным и безоблачным, чему мы не переставали радоваться. Изумрудное море в час полного штиля напоминало сверкающее зеркало, которое не тревожила даже мелкая морская рябь. Время от времени из воды играючи выпрыгивали рыбки, привлекая тем самым наше внимание. Мы порой часами не встречали другие корабли, что казалось удивительным для этой местности с огромной численностью населения. Мы плыли строго на юг, и воздух под ясным небом становился заметно теплее, а днём даже поднималась жара. Ночи были тёплыми, однако приятнее всего было прогуливаться по палубе в утренние и вечерние часы. К сожалению, состояние моего здоровья в жару заметно ухудшалось, что не позволяло мне наслаждаться покоем в полной мере.

И вот двенадцатого октября мы благополучно добрались до Гонконга. На возвышавшемся над водной гладью острове лежал великолепный город, уже издали дружелюбно приветствуя чужеземных путников. С первого взгляда город совершенно отличался от Шанхая, который мы покинули несколько дней назад. Всё вокруг несло на себе отпечаток английского влияния, и лишь роскошь тропической флоры и обилие цветов, которыми были украшены торцевые стороны домов до самой крыши, доказывали, что находимся мы вовсе не в Европе. Узнав, что пароход наш остановился в городе на два дня, мы покинули порт.

Доктор Бедекер прежде всего хотел посетить Базельский миссионерский центр. Однако вскоре мы поняли, что без проводника нам это едва ли удастся. Носильщики паланкинов, крепкие мужчины, были готовы отнести нас туда, куда мы пожелаем. Доктор дал им адрес и назвал имя знакомого миссионера, но те едва ли поняли хоть слово из его речи, поэтому тут же понесли нас в адресное бюро, где слова Бедекера перевели им на китайский язык. Меньше чем через полчаса мы были возле дома миссионера, где нас приняли с любовью и сердечностью. Он уделил нам время в течение двух дней нашего пребывания в городе.

Быстро набросав план на день, мы первым делом решили посетить приют для девочек, от которых отказались родители. Их было около семидесяти – от новорождённых младенцев до молодых совершеннолетних девушек. Воспитание каждой из них было наполнено любовью и нежностью. Сёстры окружали поистине материнской любовью дважды спасённых девушек: спасённых от физической смерти и приобретённых уже здесь для Христа и вечной жизни. Чьё сердце не будет тронато, увидев их мирные и радостные

лица и услышав, как они читают на немецком языке стихи из Библии или куплеты псалма, а затем вместе поют?!

После посещения приюта доктор Бедекер занялся личными делами, в чём ему помогал наш проводник. А я попросил познакомить меня с верующим китайцем, с которым смог бы общаться на английском языке в отсутствие доктора. Один мальчишка отвёл меня к крепкому и высокому мужчине, который оказался китайским врачом. Он искренне обрадовался нашему знакомству, когда я представился ему как брат во Христе из России.

– Я врач, – сказал он, – и это, вероятно, лучший род занятий, способный достичь сердца моих земляков. Видите тот коричневый шкафчик? Это моя аптека.

Когда он его открыл, я увидел внутри множество всевозможных баночек и скляночек, трав и мазей, а также медицинские инструменты и бинты. Врач показал, каким образом он привязывает шкафчик к спине, путешествуя от деревни к деревне.

– Приходя в деревню, где я собираюсь на некоторое время остановиться, я делаю из шкафчика для себя стол и стул.

В тот же момент он расставил их передо мной.

– И так, сидя за столом, принимаю в течение всего дня больных, – продолжал он. – Вокруг меня стоит обычно и множество здоровых людей, которым я могу рассказывать о Христе Иисусе, самом лучшем Враче. Вечером же мне не приходится искать себе пристанище, потому что из шкафа своего я могу сделать и кровать.

Он тут же разложил передо мной хорошую кровать.

– А когда ко мне приходят мои земляки, я провожу их в приёмную.

После этих слов он открыл двери и пригласил меня в дом. Первое, что мне бросилось в глаза, были нарисованные пером картины.

– Ваше европейское искусство, картины, – объяснил врач, – китайцам непонятны. Поэтому необходимо ориентироваться на нашу культуру и художественный вкус.

На картине был изображён высокий мужчина, через голову которого проходил крупный ствол дерева. Он стоял перед маленьким человеком, воткнув указательный палец в его глаз, явно делая это с большим рвением.

– Что значит эта картина? – спросил я с любопытством.

– О, вы прекрасно знаете что, – ответил он, – на ней изображён текст из Евангелия от Матфея, 7:3–5.

И только в тот момент я понял, что это были библейские картины. На второй из них был изображён пожилой китаец, паривший высоко над облаками и с любовью державший на руках мужчину. Внизу под ними, на земле, а точнее – в недрах земли, находилась толпа людей, простёршая к ним руки. Казалось, они боролись с огромной волной, обрушившейся на них. Что изображено на картине, вы наверняка уже догадались – Лазарь на лоне Авраама и богатый человек в мучениях в аду. В таком же стиле были нарисованы и остальные картины.

– Эта комната – своеобразное введение в Новый Завет, а для многих – в вечную жизнь, – на этом врач закончил экскурсию, так как за мной пришли.

Наш любезный провожатый познакомил доктора Бедекера с профессором, доктором Айтемом, который пожелал показать нам китайскую больницу, построенную специально для местных жителей, с недоверием относившихся к европейским врачам. Услуги доктора и медикаменты были

в ней бесплатны. Доктору Бедекеру и мне предложили обследоваться здесь. Здание, в которое нас ввели, было удивительно: в красивой приёмной стоял длинный стол, на котором лежали деревянные колышки высотой примерно в три дюйма, покрытые зелёным полотенцем. В каждом колышке находилась полукруглая выемка, в которую можно было удобно положить руку. Когда вошли врачи, нас посадили за стол, подвинули каждому такой колышек, в который мы положили руку, и начали обследование.

Состояние здоровья доктора Бедекера внушало его врачу серьёзные опасения. Тот обнаружил у Бедекера начатки всевозможных болезней, что ничего хорошего не предвещало. Однако Бедекер чувствовал себя замечательно. В то же время мой врач заключил, что со мной всё в порядке и я совершенно здоров. Мне же казалось, что я скоро не в состоянии буду держаться на ногах.

Оттуда мы совершили обход всех отделений больницы. Самой интересной оказалась комната, в которой готовили лекарства. В ней находились сотни глиняных треножных горшков, каждый из которых был пронумерован. Свой номер имел и каждый пациент. Для него подбирали лечебные травы, и затем он сам или его родные варили из них лекарство в горшочке пациента. Вываренные корешки и стебельки пациенты выносили во двор, где находился огромный контейнер с множеством пронумерованных ящичков, и высыпали отходы от лекарств в ящички под собственным номером. В случае, если больной умер, а родственники его подозревали, что виной тому было неправильное лечение, они могли начать судебный процесс. По остаткам от лекарств в ячейке контейнера суд мог принять решение.

Следующим утром мы поехали в район, где жил верующий английский врач. Мы посетили его хирургическую клинику. После небольшой экскурсии по городу мы на том же пароходе вернулись назад и в тот же день успели побывать в английской тюрьме Гонконга.

Мы представились начальнику учреждения как миссионеры в российских тюрьмах, и тот сразу же согласился провести нас по тюрьме. Он предоставил нам своего помощника, который выполнил поручение с удивительным рвением и тщательностью, показав нам путь, который проходит арестант от начала до самого конца, когда его сюда привозят. Введя нас в закрытое помещение, ассистент сказал:

– Это приёмная для заключённых. Здесь они сдают одежду, которую немедленно отправляют на дезинфекцию, потом им гладко обривают головы. После этого они в ванной должны мыться так тщательно, как никогда раньше. Затем их ведут в гардеробную, где выдают безупречное бельё и одежду. Мы измеряем до миллиметра рост и ширину грудной клетки заключённого. И даже с головы его снимаем мерки. В конце концов узников фотографируют, после чего они полностью переходят в наше распоряжение.

Первое отделение тюрьмы предназначалось для арестантов в предварительном заключении. Сначала их не принуждали к работам. Однако если заключение задерживалось, им приходилось браться за какой-либо труд.

Второе отделение было для осуждённых. Большинство из них занимались тем, что раскручивали старые судовые канаты. Получаемый таким способом лён использовали для связывания корабельных брусев. Спрос на этот материал в портах был большой, и труд оплачивался хорошо.

В третьем отделении находились каторжники. Когда нас к ним ввели, заключённые гуляли во дворе. В тенистом коридоре сидели около восемнадцати рослых, крепких матросов. Заметив их, доктор Бедекер дружелюбно поздоровался. Они же ответили молчанием.

– Вы же не язычники, – обратился к ним Бедекер, – что же вы такого совершили, отчего попали сюда?

Матросы продолжали молчать.

– Как же так? – удивлённо спросил доктор. – Все русские заключённые охотно рассказывали нам о своих прегрешениях. Вы же по сути должны их в этом опережать, однако продолжаете хранить молчание?

Когда мы, удивлённые молчанием, посмотрели на ассистента, он самодовольно улыбнулся:

– Каторжникам запрещено даже слово сказать друг другу или кому-либо другому без разрешения начальника тюрьмы.

После этого он позволил им ответить на наши вопросы. Пока доктор говорил с ними, пробили часы. Заключённые тут же вскочили и под бой часов направились к крытому павильону, где по кругу были выстроены деревянные колья. На каждом из них лежал шар весом в десять килограммов. По команде «раз» заключённые схватили шары и подняли их вверх, по команде «два» – шагнули к следующему колу, а по команде «три» – положили груз на него. Со следующим «раз» процесс возобновился. После семи минут такой работы с арестантов ручьём катился пот.

– У нас нет другой продуктивной работы для них, – сказал ассистент, – к несчастью для них, но каждая буква закона о каторжных работах должна исполняться.

Оттуда мы направились к каторжникам-одиночкам. Когда ключ в замке камеры повернули и открыли дверь, арестант стоял перед нами с высоко поднятыми руками. Они должны быть у него совершенно пустыми, и опустить их разрешено лишь после приказа начальника. Их работа заключалась в поворачивании бесполезного рычага. Я попробовал повернуть один из них. Работа была очень тяжёлой, а заключённый обязан был совершить двенадцать тысяч поворотов. Каждый из этих аппаратов имел свой счётчик, который надзиратель контролировал снаружи, преступник же в камере сам должен был считать. И туго приходилось арестанту, если он не выполнял каждый час необходимое число поворотов. Каждая камера была безукоризненно чистой, снабжена кроватью и матрасом, которую также можно было превратить в удобное кресло.

Напоследок нас отвели в лазарет. Болезни здесь царили те же, что и в китайской тюрьме. Лишь в последнем отделении мы остановились, с удивлением взирая на находившихся там больных. Все, без исключения, лежали на животе. Ассистент намеренно ничего нам не говорил. Когда мы осмотрелись, он приказал санитару снять с одного из заключённых лёгкую простыню, которыми они все были покрыты. С ужасом мы увидели на его спине толстые, вздутые рубцы, опухшие до такой степени, что чуть не лопались. Подобное могло быть лишь следствием сильных ударов. Неужели англичане, которые с презрением говорят об избиении плетью в России, обходятся так со своими заключёнными? С вопросами мы обратились к нашему ассистенту.

– Господа, у этих ран от ударов плетью своя история, – ответил он. – Несколько лет назад у нас был весьма

либеральный губернатор. Здесь запрещалось говорить грубые слова и наказывать заключённых, даже если они нарушали дисциплину и порядок. Местные жители узнали об этом и поняли, что лучше им уж точно нигде не будет. Рассчитанная на пятьсот арестантов тюрьма в скором времени была переполнена. Число заключённых достигло семисот, затем восьмисот и продолжало расти. В особенности увеличилось количество преступников, которые срывали с женщин серьги. Губернатор подал запрос на строительство новой тюрьмы, однако запрос был отклонён. В конце концов был избран новый губернатор. Вступив в должность, тот отдал приказ, что заключённых, впервые попавших в тюрьму, будут «приветствовать» двадцатью пятью ударами бамбуковых палок. Если осуждённый во второй раз совершал преступление, количество ударов удваивалось. Все поняли, что это не шутки. Результат не заставил себя долго ждать: тюрьма постепенно вошла в свой обычный режим. И это понятно: если тюрьма не заставляет заключённых задуматься, но лишь поддерживает их в злых поступках, последствия будут катастрофическими.

Мы многое увидели, многому научились, сравнили местные тюрьмы с российскими, в которых из-за страшных условий, антисанитарии, плохого воздуха и паразитов умирали заключённые.

Во вторник, четырнадцатого октября, мы покинули Гонконг и направились в Индокитай, в город Сайгон¹⁸.

Плавание в этот раз было очень однообразным. Нигде не было видно ни острова, ни клочка земли, способного привлечь наше внимание. Однако хорошая погода остава-

¹⁸ Сайгон (теперь город Хошимин) в 1887–1901 гг. был столицей Французского Индокитая. Прим. переводчика.

лась неизменной. Над нами ярко светило солнце, и жара становилась всё несноснее. Я задавался вопросом: каково же будет вблизи экватора?

В пути я познакомился с очень дружелюбным немецким врачом – доктором Кирхтером. Он ездил в отпуск и сейчас возвращался на остров Суматра, где занимался врачебной практикой. Во время нашего первого разговора он заметил:

– Как же вы решились отправиться так далеко на юг? Человек с вашим состоянием здоровья сляжет в таких условиях в один миг.

С поистине врачебным сочувствием он говорил об опасностях, навстречу которым я отправился, однако помочь мне ничем не мог.

Мне также удалось познакомиться с одним, как я предполагаю, состоятельным парсом – поклонником зороастризма, который возвращался на родину в Южную Азию. Он был огнепоклонником. Милостью Господа я смог показать ему путь ко спасению через Иисуса Христа и объяснить, что путь, на котором он стоит, ведёт к вечной гибели. Слово Господа не давало ему покоя, поэтому он часто искал общения со мной.

Так прошло три с половиной дня, и скучать нам не приходилось. Уже семнадцатого октября мы находились в камбоджийской дельте реки Меконг. На протяжении нескольких часов мы плыли против течения. Оба берега реки были болотистые, покрытые тропическими джунглями, где власть бесспорно принадлежала львам и тиграм. Местами виднелись хижины аборигенов, построенные на высоких сваях. Уму непостижимо, как им удавалось жить и сохранять здоровье в таком климате.

166

В двенадцать часов наш корабль причалил к пристани Сайгона. Во время стоянки, которая должна была продлиться три-четыре часа, мы хотели прогуляться по городу. Однако по дороге в город наше внимание привлёк ботанический сад, где мы и провели всё отпущенное нам время, созерцая великолепные тропические растения. Больше всего мне запомнилось величественное банановое дерево. Я подумал, что оно, может быть, похоже на дерево жизни, описанное во втором стихе 22-й главы книги Откровение Иоанна, приносящее каждый месяц новые плоды. На дереве, прямо на высоте человеческого роста, висели от четырёх до пяти связок созревших жёлтых бананов. Каждая такая связка весила около восемнадцати-двадцати килограммов. Над ними висели такие же связки, плоды на них полностью выросли, однако были ещё зелёными. Через месяц и они созреют и будут съедобными. Ещё выше висели плоды, выросшие лишь наполовину. И на самом верху, почти у макушки дерева, находились лишь начатки плодов. Каждый месяц дерево приносило спелые плоды.

Через через четыре часа мы тронулись в путь в направлении Сингапура. Этот город был целью путешествия многих путников. Поэтому все с нетерпением ожидали прибытия. Чем южнее мы плыли, тем всё более оживлённым становился водный путь. Все корабли, направляющиеся к Зондским островам, в Филиппины, Китай или с запада в Японию, а также те, кто плыл в Австралию или оттуда, неминуемо проплывают Малаккский пролив. Настроение пассажиров сразу улучшилось, когда на востоке мы заметили остров Борнео, а на юге – остров Суматра¹⁹. Это означало,

¹⁹ Остров Борнео, известный также как Калимантан, разделён между тремя государствами – Индонезией, Малайзией и Брунеем. Суматра – самый крупный остров Индонезии. Прим. переводчика.

что мы были близки к цели путешествия. В четыре часа дня двадцатого октября наш корабль вошёл в порт Сингапура, в котором предусматривалась всего лишь двух- или трёх- часовая остановка.

Доктор Бедекер уже несколько дней размышлял, как ему лучше поступить: продолжить путешествие, затем заехать ненадолго в Россию, после чего вернуться домой, либо остаться здесь и помочь, а потом сразу же вернуться в Англию. Ему предстояло принять решение. Его билет давал ему право после двухнедельной остановки в Сингапуре продолжить поездку на пароходе этой же компании.

Едва мы успели сойти на берег, как тут же встретили братьев во Христе. Они ожидали встретить на нашем судне кого-то, кто, однако, не приехал. Брошенные волей случая несколько слов о сомнениях Бедекера решили вопрос: доктора пригласили остаться и не хотели отпускать, а он и не стал возражать. Таким образом, моё дальнейшее путешествие я неожиданно для себя должен был продолжать один. Слава Господу, одиноким я не бываю никогда.

Нашему взгляду предстал величественный порт с многочисленными складами и доками, при этом украшенный роскошной зеленью тропических растений. Наслаждаться всем этим мешала лишь невыносимая жара: в тени температура достигала сорока градусов по Цельсию.

Два часа стоянки нашего парохода «Сахалин» пролетели незаметно. Мы с доктором Бедекером попрощались, после чего он поехал с миссионерами в город, а я вернулся на пароход. На судне всё ещё продолжалась погрузка. Сотни мешков с перцем, пряностями и лавровыми листьями уже заполнили трюм корабля, однако на берегу лежала ещё

огромная гора, которую каким-то образом нужно было уместить на судне. Все двери и люки были загерметизированы, дабы защитить каюты от легковоспламеняющейся перечной пыли. Усилия эти, однако, казались напрасными: воздух на судне был пропитан перцем, отчего пассажиры не переставали чихать и кашлять. Через час все двери были заперты, и корабль снова вышел в море.

КОЛОМБО НА ОСТРОВЕ ЦЕЙЛОН

 Сколько всего я хотел увидеть вблизи экватора! И созвездие Южный Крест, и восход солнца, и вообще многое другое. Однако всё сложилось иначе. Несколько последних дней я почти ничего не мог есть, сейчас же мне стало совсем плохо, и я не мог даже смотреть на пищу. Через час после отплытия моё здоровье окончательно расстроилось. Это путешествие, казалось, высосало из меня все соки и кровь. Единственно, что мне ещё удавалось, это передвигаться по каюте, опираясь на стены. Жизнь во мне стремительно угасала, и это, казалось, было планом Господа.

Благо, что в своей большой каюте я был один и мог беспрепятственно обращаться к Господу и общаться с Ним. С одной стороны, мне уже не терпелось избавиться от этого брэнного тела, с другой стороны – здесь, на земле, на меня было возложено столько работы, плоды которой ещё не созрели. Отчего же мне тогда не просить Его об

исцелении? Я так и сделал, и Господь вылечил меня уже на четвёртый день. Моя душа была полна благодарности и торжествовала в Нём.

На следующее утро, ещё затемно, я выскочил на палубу, чтобы наблюдать восход солнца вблизи экватора. Слабая заря на горизонте с восточной стороны сообщила о приближении «царицы дня». Золотой краешек солнечного диска медленно появился из-за горизонта, осветив лишь крошечную часть восточного неба. Солнечный свет был настолько слаб, что его не хватало на весь небосвод. Светило медленно поднималось, становясь всё ярче и ярче. Взойдя наполовину, солнце осветило небосвод до точки зенита. За мной, на западе, ещё царилась ночь, сияли звёзды. Но по мере восхода солнца звёзды начали тускнеть. Минут через десять светило одержало верх, озарив весь небосвод. Мне так хотелось, чтобы солнце правды наконец с такой же победной силой вошло над земным шаром.

Не меньше радости и наслаждения я получил вечером того же дня и дней последующих, созерцая отпечатанное на небосводе созвездие Южного Креста.

– Как многочисленны дела Твои, Господи! Всё соделал Ты премудро! – восклицало сердце моё словами псалмопевца.

* * *

С тех пор, как мы покинули Сингапур, я ни разу не появился в общей столовой. Здесь между тем многое изменилось. Во время стоянки у Зондских островов на борт нашего судна вошли новые пассажиры, среди которых было много французов. Поэтому среди ранее опустевших столов теперь невозможно было найти свободное место. Меня провели туда, где я сидел раньше. Напротив меня

сидел англичанин, мистер Пулс, который успел стать душой компании, развлекая окружающих своими шутками, так что смех за столом не прекращался. К всеобщему веселью я, разумеется, не присоединился. Это не ускользнуло от него, и мистер Пулс приложил всё своё умение, пытаясь развеселить и меня. Однако и это не сработало. Догадавшись, что я верующий, он обратил свои насмешки в адрес набожных святош, ханжей и лицемеров, как он выразился. Тем не менее и этим не достиг он желаемой цели. В конце концов он начал высмеивать Христа и Его жертвенную смерть на кресте. Его слова были словно удары ножом по моему сердцу. Я не мог более сидеть среди этих насмешников. Встав, я демонстративно вышел из зала.

С раненым сердцем я вернулся в свою каюту, закрыл дверь и пал пред Господом на колени.

– Боже, – взмолился я, – так не может продолжаться! Я должен что-то сказать этому несчастному мужчине. Дай мне возможность поговорить с ним наедине. Пошли мудрости и нужные слова, и Сам говори через меня с ним.

Когда я снова вернулся в зал, мне стало ясно, что поговорить с ним в окружении всех этих людей будет невозможно. Стоило мне сказать слово, как он вылил бы на меня поток своих насмешек, и ситуация только бы ухудшилась.

На следующее утро я проснулся рано и уже в шесть часов поднялся на палубу. Я читал английскую газету «Христианин», когда услышал, что кто-то поднимается по трапу. Подняв глаза, я увидел мистера Пулса.

«Господь, – мысленно произнёс я, – неужели ответ Твой так скор? И если это та возможность, о которой я просил, пусть буду говорить не я, а Ты!»

Поднявшись, англичанин поздоровался со мной совершенно непринуждённо. Я пригласил его сесть рядом. Садясь, он заметил:

– Вы читаете сектантскую газету.

– Мистер Пулс, – ответил я, – эта газета, насколько мне известно, истинно христианская, полностью соответствует тому названию, которое несёт. Возможно, конечно, что с вашей точки зрения, она сектантская.

– Я когда-то и сам верил в Бога, однако, погрузившись в веру более серьёзно, не нашёл того, что искал. Поэтому и оставил всё, – сказал мистер Пулс.

– Почему же вы, исследовав основательно суть вопроса, поспешно удалились, закрыв себе путь в вечность? – спросил я дружелюбно. – Я точно так же верил, как и вы. И эта моя вера довела меня до атеизма. Если бы Бог Сам тогда не вмешался, моё состояние сегодня было бы печальным. Могу я рассказать вам, как, опустившись до крайнего неверия, я был вознесён к вере непоколебимой? – предложил я англичанину.

К моей радости, он с удовольствием согласился послушать. Должен сказать, что говорить тогда начал вовсе не я, но Господь. Никогда в жизни ещё мне не удавалось говорить так бегло по-английски, как в те полтора часа. Я рассказал ему о духовных падениях молодости, мистер Пулс же постоянно прерывал меня, задавая вопросы. Он был поражён, узнав, что это было в том же году, когда он решил встать на путь тьмы и греха. Описание моего духовного состояния в те годы казалось ему точным отражением его собственного опыта.

– Как это возможно, – недоумевал он, – что другой человек переживал абсолютно те же чувства и имел те же

мысли, что и я, при обстоятельствах, когда человеческое вмешательство совершенно исключено?

Закончив с этим периодом моей жизни, я продолжил:

– Видите ли, до этого момента мы шли одним и тем же путём. О, если бы то, что произошло впоследствии со мной, случилось и с вами!

Я рассказал ему, как Бог коснулся моего сердца, как я покаялся и обратился к искренней вере. Мой рассказ мистер Пулс заключил словами:

– Да, вы поняли и приняли суть. Мне же это не удалось.

Он будто весь обмяк, и я почувствовал шемящую тоску его сердца.

– Что же мешает вам принять эту «суть»? – спросил я. – Поверьте, дверь сегодня всё ещё открыта для вас.

В его душе явственно шла борьба, о чём свидетельствовали постоянно менявшиеся черты лица. Я чувствовал, что должен воспользоваться моментом, и продолжил:

– Мистер Пулс, я не знаю, какое решение вы примете, однако так или иначе могли бы вы исполнить мою просьбу?

– Если то, о чём вы просите, будет в моих силах, я с удовольствием это сделаю.

– Я думаю, – продолжил я, – вы путешествуете с вашей женой и детьми. Что бы вы почувствовали, если бы кто-то причинил им боль?

– Я бы не позволил этому случиться! – возмущённо воскликнул он.

– Мистер Пулс, – быстро ответил я, – я путешествую с моим близким Другом, Который для меня важнее, чем жена и дети. Могу я вас попросить не причинять Ему боль?

Он удивлённо взглянул на меня и сказал:

– Я и не осознавал, что причиняю кому-то боль... Кто же ваш друг?

– Иисус Христос. Прошу вас именно о Нём.

Напоминание о его вчерашнем поведении за столом заставило мистера Пулса почувствовать себя неловко. Его спас капитан корабля, который дружелюбно поздоровался с нами, поднимаясь по трапу. Он напомнил мистеру Пулсу, что уже почти восемь часов утра, и при этом укоризненно взглянул на комнатные тапочки англичанина. Согласно расписанию корабля, с восьми часов на палубу разрешалось выходить женщинам, а значит, к этому времени мужчины должны были быть одеты согласно этикету.

– Знаю, знаю, – смутился мистер Пулс, вскочил с места и побежал вверх по трапу.

Он не мог больше мне ничего сказать, однако я точно знал, что Господь одержал победу.

В результате на обед мистер Пулс явился лишь ко второму блюду. Он поздоровался, не сказав более ни слова, и принялся за пропущенное первое блюдо. То же повторилось и в следующие дни. Зачастую он появлялся во время третьего блюда, оставаясь всегда при этом совершенно серьёзным. Люди за столом перешёптывались:

– Мистер Пулс не в настроении, – говорили одни.

– Вероятно, повздорил с женой, – замечали другие.

Когда же выяснилось, что все догадки неверны, попутчики начали перебирать множество других всевозможных причин. Однако никто из них не догадывался о том, что случилось на самом деле. Самое удивительное и приятное во всём этом было то, что мистер Пулс снова и снова искал возможности поговорить со мной наедине. И это уже не

были поверхностные разговоры. Совместный путь наш продолжался ещё около двух с половиной недель. Я не могу с уверенностью сказать, что он покался. Однако Слово Божье всей мощью своей силы коснулось его души.

Прошло пять дней после нашего отплытия из Сингапура. На шестое утро мы были уже у берегов острова Цейлон, сплошь покрытого пальмами. Чем ближе мы подходили, тем более величественными казались отдельные деревья, простиравшие вдаль огромные ветви, покрытые листьями. Пальмы росли по всему острову, насколько хватало глаз. В течение нескольких часов мы огибали южный и частично западный берега и лишь после обеда бросили якорь перед Коломбо. Стоянка должна была продлиться четыре часа, поэтому многие пассажиры отправились на лодках к берегу. Я же остался на борту, пытаюсь спастись от жары.

НА ПУТИ В АДЕН

176 | Пока мы стояли в Коломбо, мальчишки с Цейлона воспользовались возможностью немного подзаработать. Они подплывали на плотках к нашему судну и просили пассажиров кинуть в воду серебряные монеты. Это развлекало путешественников. Как только монета падала в зеркальную гладь моря, один из мальчишек срывался с места, нырял, а затем с триумфом выплывал на поверхность, держа монету в руке. Другие ребята привозили на продажу игрушки и сувениры.

Наш «Сахалин» отчалил ровно в назначенное время. В этот раз расстояние до следующего места стоянки было самым длинным.

В общем, можно сказать, что это был и самый скучный отрезок нашего долгого путешествия. Как только мы покинули Коломбо, земля стала отдаляться, пока и вовсе не исчезла из виду. В течение многих последующих дней и ночей вокруг не было видно ничего, кроме бескрайней

водной пустыни. Слава Господу, что океан во время всей поездки был тихим и мы могли плыть спокойно и радостно, так, будто находились у себя дома.

Моё затянувшееся морское путешествие очередной раз показало мне, какое благословение приносит работа, как благотворно она влияет на человека. Во время беспокойных и бессонных дней и ночей в Сибири я часто с надеждой думал об отдыхе и покое, которые будут во время плавания. Теперь же, получив это с избытком, был бы даже не против вернуть хоть часть былой сибирской работы. Чрезмерно долгий покой может быть даже губительным, особенно если выбран сознательно.

Мы же были вынуждены отдыхать. Обстоятельства не позволяли нам что-либо предпринять. Поэтому все пассажиры были несказанно рады, когда на пятый день плавания на юго-западе показалась земля – африканский остров Сокотра.

– Ещё полтора-два дня, – говорили пассажиры, – и Индийский океан останется позади.

Желание наконец оказаться во внутриматериковых водах и плыть на север было общим, и второго ноября мы достигли долгожданного Адена. К сожалению, когда мы приплыли, было уже совершенно темно, и город увидеть нам не удалось. Лишь горящие вдалеке огни выдавали нам его присутствие. По прибытии нас окружило бесчисленное множество белых и чёрных торговцев, предлагавших местные диковинные товары, например, страусиные перья и яйца, изделия из слоновой кости. Около десяти часов вечера мы двинулись дальше в путь.

ЧЕРЕЗ КРАСНОЕ МОРЕ В СУЭЦ

178

Следующее утро, такое же ясное и светлое, как и многие другие за последние недели, мы встретили в водах Красного моря. Внушавший страх пролив Баб-эль-Мандеб, или, как его ещё называют, «Ворота скорби», был позади. В течение первых дней оба берега, африканский и азиатский, оставались в поле нашего зрения. Однако в скором времени африканская земля утонула за горизонтом, Азиатский же континент сопровождал нас в течение всего плавания.

Побережье было чужим, и всё же осознание того, что мы находились на библейской земле или, по крайней мере, вблизи её, рождало в душе верующего христианина чувство чего-то близкого и знакомого. С самого юга Красного моря на целых десять градусов широты на север растянулась мавританская земля, или Абиссиния²⁰. Не мог не прийти

---

²⁰ Неофициальное название Эфиопии. Прим. переводчика.

на память эфиопский евнух, преодолевший невиданное на то время расстояние в поисках Бога.

Какие же противоположные болезненные чувства вызывала земля восточного берега, где находилось арабское государство! И хоть оно располагалось не дальше от центра Божьего откровения, чем Эфиопия, мы не можем сказать, достигли ли Благая весть этих земель. Однако что мы знаем точно, так это то, что именно здесь Мухаммед огнём и мечом навязал своё ложное учение миллионам людей. И в то время, когда прилагаются огромные усилия, чтобы достичь Евангелием такие языческие страны, как Китай, Япония и Корея, эта земля остаётся в стороне. И лишь Писание даёт нам надежду на то, что у этой земли есть будущее (Псалом 71:10, 15). Вот о чём я рассуждал в то время.

Через пять дней мы достигли западного рукава Красного моря. Я надеялся, что в Суэц корабль придёт днём, однако этому не дано было случиться. Моё желание увидеть оба берега моря и представить переход через его воды израильского народа, не осуществилось. Море сузилось так, что от одного берега до другого было около десяти километров. В Суэц мы приплыли вечером седьмого ноября.

ПО СУЭЦКОМУ КАНАЛУ ДО ПОРТ-САИДА

180

 Стоянка в Суэце была очень короткой. Пассажиров нашего судна волновал лишь один вопрос: пойдёт ли корабль по каналу ночью?

Только теплоходы, имеющие радиолокационный отражатель, имели право плыть ночью по каналу. Мы вздохнули с облегчением, узнав, что ничто не препятствует нашему судну продолжить плавание. Стоянка немного затянулась, и я решил отправиться на отдых ещё до отплытия.

Утром я поспешил на палубу, чтобы увидеть, где мы находимся и почему вокруг царит такая гробовая тишина. Мы явно находились не в Индийском океане с его необъятной водной гладью и не в западном заливе Красного моря, но плыли по очень узкой полосе воды, где даже два таких судна, как наше, не могли бы рядом плыть. Канал проходил по бескрайней равнине. Вокруг, насколько хватало глаз, заполняя собой всё пространство от горизонта до гори-

зонта, простиралась пустыня, и не было видно ни одной травинки, куста или дерева. К моему удивлению, невдалеке я заметил стаю хромоногих птиц, которые, вероятно, лишь случайно остановились в этих краях. В противном случае, чем они вообще могли здесь питаться?

Вскоре я понял причину медленного хода нашего корабля. Судам запрещено плыть по каналу на полном ходу из-за того, что берега здесь были из рыхлого песка, который мог быть легко размыв водой. Таким образом, нам потребовалось 28 часов, чтобы преодолеть расстояние в 183 километра до Порт-Саида. По всей длине канала расположены станции, телеграфирующие друг другу о движении кораблей, чтобы те могли вовремя разойтись на расширенных участках канала около станций.

Не могу не поделиться с читателями тем, что я пережил за последние дни. Помимо радости, которую дают сердцу услышанные молитвы, меня не покидало на протяжении всего путешествия удивительное осознание присутствия Божьего. Я не переставал радоваться, чувствуя это. И когда я впервые подумал о том, что придётся покинуть мой пароход в Порт-Саиде, а оттуда отправиться на русском судне в Одессу, что-то внутри меня будто бы подтолкнуло к мысли не сходить с «Сахалина», но плыть на нём дальше до Александрии. Мысли эти пришли, когда мы находились ещё в Красном море, и желание было таким живым и сильным, что мне надо было бы заставлять себя об этом не думать. Однако позже, когда мы плыли по каналу, стремление это стало более решительным, будто бы кто-то стоял за этим, указывая простёртой рукой в направлении Александрии.

Мой билет был действителен лишь до Порт-Саида, и я понимал, что даже если я поеду до Александрии,

мне нужно будет вернуться в Порт-Саид. Причину этого побуждения ехать в Александрию я не понимал, однако прислушался к внутреннему голосу и пошёл к комиссару корабля. Я спросил, возможно ли без доплаты доехать по моему билету туда, куда я хотел. В Иокогаме нам сообщили, что цена до Порт-Саида и Александрии одинакова.

– Так оно и есть, – подтвердил он, – но так как вы взяли билет до Порт-Саида, поэтому продлить поездку вам могут лишь в офисе судоходного агентства в Порт-Саиде.

В полночь, когда мы прибыли в Порт-Саид, представитель агентства тут же поднялся на борт. Я подошёл к нему в тот момент, когда ему доложили о моём желании. На это представитель агентства ответил:

– Учитывая то, что вы путешествуете из Иокогамы, можете спокойно продолжать плавание до Александрии.

Я поблагодарил служащего, пошёл в свою каюту и лёг. Теперь всё, казалось, шло именно так, как должно было.

В АЛЕКСАНДРИЮ И ОБРАТНО В ПОРТ-САИД

 Наш пароход выехал из Порт-Саида примерно в три часа утра и прибыл на место стоянки в Александрию после обеда – около трёх часов того же дня. К моему немалому удивлению, остановились мы рядом с российским пароходом «Царь», на котором я имел возможность за полтора года до этого путешествовать в Палестину. Разумеется, я тут же отправился к российскому судну на одной из арабских лодок.

Помощник капитана, увидев меня перед трапом, сразу же узнал меня, потому что во время путешествия в Палестину мы в течение десяти дней жили с ним в одной каюте. Он радостно приветствовал меня, а когда я поднялся на борт, взял мой чемодан и сказал:

– Вы непременно должны снова поселиться в моей каюте. Там сейчас только один пассажир, который завтра покинет корабль.

Пока я шёл за ним, в голове моей крутилась мысль: «Нужно быть очень внимательным и выяснить причину моего приезда в Александрию. Не было смысла приезжать сюда лишь ради того, чтобы попасть на борт „Царя“. Это я мог сделать и в Порт-Саиде».

Помощник капитана спустился по трапу, который вёл в обеденную залу второго класса, и я последовал за ним. В столовой сидел, повернувшись к нам спиной, единственный пассажир и усердно орудовал столовыми приборами над куском жаркого. Дверь каюты, к которой мы направлялись, была открыта. Мы вошли, и мой дружеский проводник, показав на обе занятые койки, сказал:

– Вы можете выбрать любую из свободных.

Я сердечно его поблагодарил, после чего он ушёл.

Выбрав койку, я вытащил своё пальто, намереваясь подняться на палубу, но у самых дверей неожиданно был остановлен крепкими объятьями того единственного пассажира.

– Дорогой брат Каргель, как же так получилось, что Бог послал тебя именно в мою каюту?! Я слышал, как ты разговаривал с помощником капитана, но не мог поверить своим ушам. Однако сомнений нет, это был твой голос! – воскликнул этот человек, продолжая крепко сжимать меня в своих объятьях. Он был братом и сотрудником из Южной России, в чьём доме я гостил как минимум раз в год.

– Как же ты оказался в Александрии и куда направляешься? – спросил его я.

– Я плыву в Индию, – объяснил он, – хочу посетить своего сына и увидеть его в служении.

Это был Иоганн Фризен, из немецких переселенцев, его сын Абрам нёс миссионерское служение в Индии.

Я понемногу начал понимать причину моего приезда в Александрию, но всё-таки хотелось узнать больше. Когда радостные эмоции от нашей неожиданной встречи немного улеглись, брат сказал:

– Твой приезд сюда – не что иное, как ответ на мою молитву. Я уехал из дому больше двух недель назад и оставил всё в руках Господа (он был владельцем сельскохозяйственного машиностроительного завода) в надежде увидеться с Аврамом и его женой. Однако прошло уже несколько дней, как радость моя будто испарилась. На сердце становится всё тяжелее, мрак сгущается. Одиночество тяготит меня, и когда я думаю о том, какой путь мне ещё предстоит, я сомневаюсь в том, стоило ли вообще ехать. Я отчаянно просил Господа вывести меня из этого мрака, ибо если я сам для себя – тяжкий груз, то какая польза от меня будет моим детям?

Услышав этот плач души, я совсем забыл, что собирался подняться на палубу. Теперь я чётко знал, почему Бог послал меня сюда. Я понял, что должен помочь моему павшему духом брату и привести его к непоколебимому осознанию личного и неизменного присутствия Господа, которое смог пережить я сам. Мы сели в зале и говорили о трудностях и искушениях, одолевавших брата, не оставили без внимания одиночество и вообще его духовное состояние в целом. Всё это мы принесли к ногам истинного и изо дня в день неизменного Бога. Господь постепенно становился для Иоганна шитом веры, за которым он мог обрести спасение и с помощью которого мог отражать огненные стрелы врага. Иоганн вышел из этого состояния поражения, удивляясь тому, как быстро рассеивается мрак в лучах восходящего солнца праведности.

Через полтора-два часа брата было не узнать: лицо его светилось, уста были наполнены словами благодарности и триумфа.

В тот же день, в восемь часов вечера, наш пароход покинул Александрию, а в десять часов утра следующего дня прибыл в Порт-Саид. У причала стоял огромный немецкий корабль, направлявшийся в Индию, через несколько часов он должен был отчалить. Я проводил брата, который теперь смотрел вперёд, ободрённый и вдохновлённый. Ни он, ни я никогда не забудем эту нашу встречу.

ПО СРЕДИЗЕМНОМУ И ЧЁРНОМУ МОРЯМ

*Р*оссийский пароход «Царь», на котором я намеревался вернуться домой, курсировал между Одессой, Константинополем и другими малыми азиатскими портами Средиземного моря. В плавании на Ближний Восток он следовал по прямому маршруту, останавливаясь лишь в портах Константинополя и Зиры. Конечным пунктом назначения была Александрия. Отсюда корабль возвращался обратно, попутно останавливаясь во многих городах малоазиатского побережья.

Мы вышли из Порт-Саида в тот же день и направились в Яффу²¹. Ночь принесла желанный покой, а уже следующим утром издали нас приветствовали горы Израиля. К сожалению, порт в Яффе отсутствовал, поэтому

---

²¹ Один из главных портовых городов древнего Израиля. В настоящее время объединён с Тель-Авивом в единый город Тель-Авив – Яффа. Прим. переводчика.

кораблям приходилось бросать якорь у выступавших из воды скал, в некотором отдалении от города. Наше судно пришвартовалось около двух часов дня, и так как до вечера дальше плыть мы не собирались, у меня было четыре часа на посещение города. Сев в лодку, я вскоре был на берегу.

Внешний облик Яффы за последние полтора года совсем не изменился, однако теперь вокруг было полным-полно евреев. Раньше такого не было. Во время прошлого посещения города моё внимание привлёк «Библейский магазин». Войдя, я увидел тогда двух патриархальных израильтян, с которыми разговорился о приближающемся возвращении евреев в свою страну. Я говорил с ними о Христе, убеждая в том, что Он – Мессия Израиля, с чем они, к моему огромному удивлению, согласились.

– Это верно, Он – единственный Мессия и наш Спаситель! – был их ответ.

Теперь я снова разыскал этот магазин. Два пожилых еврея тут же узнали меня, сердечно пожали руку, радуясь тому, что я их посетил. Они сказали, что не забыли о том, что я говорил о возвращении евреев на родину. Поэтому они тщательно исследовали Библию, в особенности Новый Завет, основательно убедившись в том, что грядут великие перемены. Помимо того, они начали замечать, что евреев охватило неудержимое стремление вернуться в землю их отцов.

– Всевозможными законными и незаконными путями еженедельно приезжают всё новые иммигранты, – рассказывали они. – То, что вы видите здесь, происходит и в Иерусалиме. Многие не знают, где остановиться и чем заняться, но тем не менее продолжают приезжать всё новые переселенцы.

Мы провели два благословенных часа вместе. Затем я ещё немного побродил по городу, время от времени заводя разговор с евреями-переселенцами, после чего вернулся на корабль.

С наступлением темноты наше судно было снято с якоря, и мы простились с обетованной землёй. Зайдя в каюту, я обнаружил нового попутчика, направлявшегося, как и я, в Одессу. Мы познакомились, и оказалось, что нашими общими интересами были Иерусалим и Палестина, откуда он, собственно, возвращался. Он рассказал мне о своём побуждении посетить святые места и провести там некоторое время. Тем же вечером я узнал, что мой попутчик работает врачом в Валаамском монастыре, расположенном на острове в Ладожском озере.

Следующим утром мы говорили о Христе, в Котором так нуждается душа человека. Я напомнил ему, что ученики Иисуса видели крест, пустую гробницу, плащаницу и даже ангела с небес в день воскресения, но всё же были несчастны без своего Учителя. Мой вопрос, возвращается ли врач домой с Господом в сердце, привёл его в замешательство, но он заметил, что стремится к Иисусу. Врач рассказал, что два года назад изъявил желание принять постриг, но отложил вступление в орден, считая себя к этому неготовым. И всё же это оставалось его желанием. С огромной радостью в душе я рассказал ему о том, что люди ничем не могут заслужить дар спасения, принятия Господа Иисуса в своё сердце. Бог так возлюбил этот мир, потерянный и безбожный, что послал в него Своего Сына. Это безвозмездный Божий дар для каждого из нас, и человек верою может принять его.

Позже оказалось, что врач был знаком с евангельским движением в Санкт-Петербурге. Я сообщил ему Благоую

весть о спасении через веру в Иисуса Христа, которую также провозглашали евангелисты, после чего он признался, что в своё время был хорошо знаком с ними, даже назвал имена пасторов, стоявших во главе этого движения. И я говорил ему о том же, поэтому врач их тут же вспомнил.

Самой важной была Благая весть о спасении через Христа. Именно Его, Господа нашего, было достаточно Никодиму, самарянке, грешнице у Его ног; Христа было достаточно и Закхею, трём тысячам в день Пятидесятницы, сотнику Корнилию и многим другим: все они, без исключения, стали спасёнными детьми Божьими, приняв Христа. Всё в моём попутчике, казалось, свидетельствовало о его готовности принять спасение: он внимательно слушал меня, прося не останавливаться. Я радовался нашей встрече и надеялся, что Господь ему откроется.

190 Однако позже случилось то, что показало мне его сущность и выявило то, что мешало ему принять Христа. После нашего разговора я поднялся на палубу и гулял там несколько часов. Затем я вернулся в каюту. Мой спуск по трапу не мог быть им не услышан, тем не менее он настолько был поглощён своим делом, что моё появление его неприятно удивило. В руках он держал большую пачку порнографических картинок, часть из которых разложил на столе. Именно на них было сосредоточено его внимание, когда я вошёл в каюту.

Я взглянул на стол, врач же, остолбенев, не знал, что сказать. Он молча собрал свои отвратительные картинки и спрятал их в сумку. С того момента он больше не мог смотреть мне в глаза – я был для него укором совести. Как я ни старался потом уменьшить возникшее напряжение, усилия мои были напрасны.

В среду вечером мы прибыли в Бейрут, столицу Ливана. В порту на наше судно поднялись новые пассажиры, среди которых в первом классе ехал некий господин У-ов из Москвы. Врач, мой попутчик, познакомился с ним в тот же день, а я – на следующий, во время прогулки по палубе. По поведению господина У-ова я понял, что врач успел его уже обработать. При нашей встрече он тут же перевёл разговор на религиозную тему, рассуждая о быстром распространении сект, любыми способами пытаюсь начать спор. Я отклонился от полемики, оставил в стороне разговоры о сектах и церквях и попытался донести до него слова Христа, насколько это было вообще возможно для человека, столь далёкого от Него. Мой собеседник явно был разочарован и жаждал спора.

С того дня мы встречались с ним один-два, а то и три раза на день. Я не мог скрыться от него ни в каюте, ни на палубе. Хвала Господу за Его слова, что «наша брань не против крови и плоти» (Еф. 6:12), даже когда эта плоть и кровь нападают на нас. Господь не раз показывал мне, что за этими двумя пассажирами стоит князь мира сего. В течение десяти дней Бог давал мне силы не поддаваться искушению воевать против них, хотя они добивались этого. Любовь и дружелюбие по отношению к этим людям с моей стороны обезоруживали, поэтому до откровенной грубости они не доходили, хотя я понимал, что были порой к ней готовы.

Однажды вечером я спустился по трапу и проходил мимо каюты первого класса. Дверь каюты была широко распахнута, потому что погода была тёплая и в каютах становилось жарко, и я услышал голос господина У-ова, который громко и отчётливо произнёс:

– Таких людей нельзя пускать в Россию!

Находясь, очевидно, под влиянием вина, он стукнул кулаком по столу и прокричал:

– Я позабочусь о том, чтобы в Одессу он не попал!

Я прекрасно понимал, что они говорили обо мне, не догадываясь, что я их слышал. Совершенно спокойно я пошёл дальше, думая при этом: «Покров Твой защищает от напастей и натисков врага».

За одну неделю корабль наш прошёл мимо Кипра, Патмоса и других островов архипелага, останавливался в Смирне, проплыл пролив Дарданеллы и Мраморное море и в конце концов прибыл в Константинополь. Судно пришвартовали в заливе Золотой Рог, стоянка должна была продлиться 36 часов. Господин У-ов несколько раз подчеркнул, что первым делом отправится в гостиницу посольства, чтобы хотя бы ненадолго избавиться от всех лишений путешествия. Мне нужно было решить некоторые вопросы с паспортом, поэтому я тоже отправился в город. В Николаевске-на-Амуре мы сели на борт корабля, не имея визы, на Сахалине и вовсе не было ведомства по делам иностранцев, поэтому в наших паспортах отсутствовали отметки о том, когда и где мы пересекали границу. Нас могли счесть за перебежчиков. Поэтому, чтобы избежать подозрения, я попросил в российском консульстве в Иокогаме выдать мне визу. Капитан «Царя» сказал мне, что, когда станет известно о том, что я плыву из Иокогамы, в которой буйствует эпидемия холеры, у меня может возникнуть масса проблем. Таким образом, я решил немедленно отправиться в российское генеральное консульство.

Ещё до того, как мы прибыли в порт, я поднялся на палубу, чтобы насладиться прекрасным видом, открываю-

шимся с моря на город. Я решил остаться там до тех пор, пока господин У-ов не покинет пароход. Через некоторое время он вышел, сопровождаемый врачом, после чего они простились. Уже с лодки У-ов прокричал:

– Вопрос с нашим попутчиком решится сегодня в посольстве!

Меня на палубе они не заметили. Вскоре оба скрылись из виду, после чего и я сел в лодку.

В генеральном консульстве со мной были очень любезны. Однако первый же вопрос, который мне задали, был:

– Вы были в Иокогаме?

Я не мог этого отрицать.

– Вам придётся пройти карантин, – был ответ.

– Не должен ли тогда весь корабль «Царь», на котором я плыву из Александрии, пройти карантин? – поинтересовался я.

Задав ещё несколько вопросов, генеральный консул сказал:

– Хорошо, мы поступим следующим образом: мы выдадим вам новый паспорт, в котором будет стоять, что вы следуете не с Дальнего, а с Ближнего Востока. Нет необходимости в том, чтобы все знали, что вы прибыли из Японии.

На следующий день, в четыре часа дня, наш корабль должен был покинуть Константинополь. Я снова поднялся на борт корабля. За час до отплытия прибыл господин У-ов, которого уже ждал врач. Прежде чем подняться на борт, он успел рассказать, как развлекался в городе и как был принят в посольстве.

– Мною были приняты все меры относительно нашего попутчика! – заявил он.

О каких мерах говорил господин У-ов, я вскоре узнал. Примерно через пятнадцать минут мы увидели приближающуюся к нам лодку, на борту которой развевался флаг с изображением двуглавого орла. С лодки на корабль поднялся российский служащий, который вместе с капитаном зашёл сначала в отсек первого, а затем второго класса, после чего тут же покинул судно.

Подняли якорь, и уже через некоторое время мы проплывали мимо города, направляясь к проливу Босфор. Мои поражённые противники стояли в немом изумлении, недоумевая, почему не были приняты даже малейшие меры, чтобы предотвратить моё дальнейшее плавание. Когда через два дня мы спускались на берег в порту Одессы, случилось так, что первым на землю ступил я, а за мной следовал господин У-ов. Я обернулся к нему и сказал на прощание:

– Разве это не удивительно? Было сделано всё возможное, чтобы я не попал в Россию. И тем не менее первым на её землю ступил именно я. Вы стали свидетелем того, что происходит с тем, кто находится под покровом Всевышнего и под сенью Всемогущего!

Мистер У-ов покраснел и опустил глаза, не в силах возразить. Я пожелал ему всего хорошего, сел в дрожки и направился в зал ожидания. Врача я нигде не обнаружил.

Поезд в Москву уходил лишь вечером. Я прибыл туда через три дня, во вторник двадцать пятого ноября. Моя жена и дети в течение всего лета гостили в московском имении полковника Пашкова, поэтому по прибытии я немедленно направился туда. Телеграфировать им о моём приезде было неблагоразумно: для соратников Божьего Царства в те времена было лучше, когда государство не знало о их местонахождении. Мой приезд

был неожиданным, и я едва ли смогу выразить словами радость той встречи.

Прошло шесть с половиной месяцев с того момента, как я простился с родными в Санкт-Петербурге. Так надолго я ещё никогда не расставался с ними. Теперь же, когда путешествие осталось позади и я смог прийти в себя после дороги, воспоминания о пройденном пути нахлынули на меня. Силы наши были ничтожны, однако Господь открывал перед нами все двери, и мы могли действовать. Поставленная задача казалась непосильной, и мы едва ли выполнили бы её, но Бог видел наши сердца, в результате чего тысячи смогли услышать весть о Божьей любви к людям, воплотившейся в Иисусе Христе. Капли надежды поселились в сердцах многих людей, и там, где раньше не знали о Христе, стало звучать имя Божье.

Каков же результат? Есть люди, которые непременно хотят видеть плоды своей работы. Однако наша работа сопровождалась надеждой. Завершив посев, мы двигались дальше. Мы знали, что Слово Господа не возвращается тщетным, из чего возрастали в уверенности в своё время пожинать плоды нашего служения.

Господь не покидал нас ни на мгновение: проложил перед нами путь, направлял наши сердца, охранял днём и ночью, на земле и в море, повелевая ветрам и погоде служить нам. Опасности обходили нас стороной. И, видя Божью верность и милость на протяжении всего пути, мне остаётся лишь склониться перед Ним, принести хвалу и благодарность, восклицая: «Как чудесны дела Его! Ему лишь да будет хвала!»

В ХЕРСОНЕ

196 **В** 1891–1895 гг. я имел честь время от времени сопровождать доктора Бедекера в его миссионерских поездках по тюрьмам. Через несколько лет он отправился во второе путешествие на Сахалин, но в этот раз с ним был наш брат из Армении Патвакан Тараянц. Я нёс служение, которое не позволило мне отлучиться на полгода. Однако краткосрочные миссии мы продолжали совершать ежегодно. Описать их все невозможно. Поэтому я выбрал лишь две поездки за последние пять лет, о которых хотел бы рассказать подробнее. Одна из них – в Херсон.

Едва доктор Бедекер вообще бы когда-нибудь здесь оказался, если бы я горячо его не просил посетить местные тюрьмы. В те времена Херсон лежал в стороне от коммуникаций и транспортного сообщения. Железная дорога не была проведена к городу, и добраться туда можно было лишь по Днепру или морю. Тем не менее именно в Херсонской губернии возникло и развилось так называемое движение штундизма.

Осенью 1893 года доктор Бедекер отправился в Херсон. Первым делом мы посетили тюрьмы в Харькове, – вероятно, самые посещаемые в той области, так как этот город был центром всего транспортного сообщения Южной Украины. После этого мы на поезде отправились в Александровск, откуда на пароходе по Днепру прибыли в Херсон. Ещё в вечер приезда мы успели нанести визит начальникам местных тюрем, которые были совершенно не знакомы с нашим служением. Я старался подготовить доктора к тому, что мы столкнёмся с немалыми подозрениями и предубеждениями против нас, поэтому необходимо было запастись терпением и любовью.

Начальник каторжных тюрем пришёл в полное замешательство, когда мы представились ему как соработники в деле Евангелия. Даже полномочия, выданные Бедекеру главным тюремным управлением, не развеяли подозрения. Лишь после того как мы подробно рассказали о проделанной нами работе в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе и других крупных городах, а также о поездке через всю Сибирь, служение это показалось ему уже не столь невозможным, как раньше.

– Я всё же предупреджу священника, чтобы он присутствовал во время вашего общения с заключёнными и раздачи им Новых Заветов, – настойчиво заключил он.

Когда мы согласились с этим условием, начальник, казалось, смягчился, став более доброжелательным. Мы узнали, что в тюрьме под его начальством находится более восьмисот арестантов. Большинство из них были русскими, однако можно было встретить также армян, поляков и немцев.

На следующее утро мы пришли к каторжной тюрьме с книгами. Начальник снова казался растерянным и не

знал, с чего начать. Он попросил нас немного подождать, пока придёт батюшка. Было совершенно ясно, что тот заставил его снова сомневаться. Имея при себе разрешение от начальства, мы могли беспрепятственно потребовать вывести к нам заключённых, нравилось это священнику или нет. И всё же мы хотели, чтобы руководство тюрьмы согласилось на это добровольно, потому что, лишь сохранив мир, мы получим благословение от Господа. Вскоре подошёл батюшка.

– Вы пришли, чтобы раздать Новые Заветы каторжникам? – спросил он нас. – Это замечательно, однако прежде я должен проверить ваши книги. Где они?

– Пожалуйста, вот, они находятся в этих закрытых ящиках, – согласились мы.

Мы попросили начальника привести одного из заключённых с инструментами, чтобы открыть ящики. Пока мы его ждали, батюшка обратился к нам с извинениями:

– Видите ли, в нашей губернии распространяют фальшивые книги Нового Завета, а именно: штундистские. Поэтому мы столь осторожны.

– А разве существует штундистский Новый Завет? – совершенно серьёзно спросил я. – Я много слышал о его существовании и давно хотел заполучить, однако все книги Нового Завета, которые мне попадались в России, утверждены Священным Синодом. Не могли бы вы найти для меня штундистский экземпляр?

Немного растерявшись, священник ответил:

– Дайте мне только время, и я его для вас раздобуду.

Я сомневался в этом. Правительство не допустило бы распространения заграничных книг, не прошедших цензу-

ру, само бы уж точно не выпускало «сектантский» Новый Завет, а штундистам это бы просто не удалось.

Пришедший арестант открыл большой ящик. Доктор Бедекер взял две книги и протянул одну из них начальнику, другую батюшке.

– Она теперь ваша! – сказал он по-русски. Эта фраза была одна из немногих, которую доктор Бедекер выучил.

Они тут же раскрыли книги. Когда священник увидел, что Новый Завет издан Священным Синодом, его лицо просветлело. Он обрадовался и тому, что книга принадлежала теперь ему: вероятно, помимо Библии на церковно-славянском языке, у него никогда не было перевода на современный русский язык.

Мы позволили им проверить и другие экземпляры, дабы они убедились, что все книги исходят из одного источника. Немецкие, польские, армянские, еврейские и грузинские переводы Нового Завета, которые мы также показали, были им совершенно незнакомы, и священник признался, что не вправе судить о том, истинны ли они. Наша предупредительность и вежливость по отношению к нему дала свои результаты. Все подозрения испарились, и священнику не терпелось узнать, что мы будем делать с заключёнными, как будем с ними говорить и раздавать Евангелие.

Двор тюрьмы был широким и вместительным, поэтому мы попросили начальника вывести туда половину заключённых, т. е. четыреста мужчин, и выстроить их четырёхугольником. Пока выполнялся приказ, несколько арестантов перенесли туда ящики с книгами. Когда всё было готово, мы встали в центр, откуда и начали говорить.

Господь вложил в уста Бедекера Свои слова и дал мне мудрость принять их не от доктора, но как от Самого Господа

и передать их тем, кто стоял перед нами. Арестанты слушали нас с напряжённым вниманием, сохраняя безмолвную тишину. Сразу за нами стояли начальник тюрьмы и священник. Лишь после случайно произнесённых мною слов я понял, под каким впечатлением находился последний.

Свою речь доктор Бедекер заключил призывом сегодня же принять спасение. Мы сообщили заключённым, что хотим раздать печатное Слово Божье, дабы они поверили, что то, о чём мы говорили, исходило не от нас, но от Самого Господа. Доктор начал раздавать книги в правой половине, а я – в левой. Если я видел, что кто-то плакал и был тронут услышанным Словом, я ободрял его, называя тексты из Писания, которые необходимо прочитать.

Батюшка следовал за Бедекером, подавал ему книги, всеми силами стараясь быть полезным. Время от времени он подносил книги и мне, но когда слышал, как я разговариваю с арестантами, больше не уходил, внимательно вслушиваясь в каждое слово. Это был хороший знак.

Послужив и остальным четырёмстам заключённым, мы решили, что выполнили свою работу, однако священник поспешил заметить:

– Милостивые государи, от тридцати до тридцати пяти заключённых работают на мельнице, мелют муку для хлеба. Нельзя обойти их!

Он попросил меня поговорить с доктором, убедить его не только раздать тем заключённым Новые Заветы, но и рассказать им то, что было рассказано остальным. Было заметно, что он сам хотел услышать больше того, что уже услышал.

Просить Бедекера пойти к тем заключённым было лишним – если бы их было всего пять или даже один-

единственный в карцере, он бы тут же пошёл и к нему. Об этом я сказал священнику. Тогда он попросил объяснить узникам слова Иисуса: «Придите ко Мне, все измученные и обременённые, и Я успокою вас...» (Мф. 11:28).

Доктор согласился, и мы вместе направились к мельнице. Несчастные заключённые работали изо всех сил, обливаясь потом от тяжёлой работы. Понаблюдав за ними несколько минут, мы пригласили их присесть, сделать паузу. После этого доктор пригласил заключённых принять Христа. Он постарался объяснить, что приглашение это касается именно их. Они погрязли в грехах так же, как и в работе на этой мельнице. Они были грешниками и стали невольниками ещё до того, как попали в это место.

– Вы это знаете и без меня, – продолжал доктор. – Сердца ваши разбиты. Однако я должен сообщить вам, что это может продолжаться вечно. Каждый грешник, который посвятил себя служению дьяволу здесь, на земле, будет брошен в его мельницу в вечности и понесёт на себе последствия своей вины, если не откажется от служения дьяволу здесь и сейчас. Христос зовёт вас! В течение сотен лет Он призывал к Себе таких обременённых, как вы, Он делает это и сегодня, обращаясь к каждому из вас. Обратитесь к Иисусу Христу, дорогие, придите к Нему сейчас!

Слёзы катились по щекам арестантов, и они пытались тут же смахнуть их руками или рукавами. Доктор уже давно закончил говорить, но несчастные не могли успокоиться. Кто умеет читать по лицам, увидел бы в этих глазах благодарность, которую едва ли можно выразить словами. Мы видели, на что способна любовь нашего Господа. Они взяли Новые Заветы, предложенные нами, и со счастливыми

лицами вернулись к своей тяжёлой работе, будто кто-то предложил им щедрое вознаграждение.

Священник был доволен, однако ещё не удовлетворён. Он попросил нас доставить ему радость и выпить с ним чашечку чая. Я передал это пожелание доктору, который тут же отказался, ссылаясь на то, что нас ожидает посещение ещё одной тюрьмы. Заметив, что доктор не хочет принимать приглашение, священник встал у нас на пути, умоляя согласиться, и не отступал до тех пор, пока Бедекер не изменил своё решение. Мы последовали за батюшкой. По дороге к дому священника Бедекер вдруг молча достал из кармана всем известную книжку без слов и подарил её батюшке. Тот, открыв книжечку и полистав её, был совершенно удивлён и спросил доктора:

– Что же это значит?

Я объяснил ему, что это книжка, которую он должен прочитать.

– Но это совершенно невозможно, – возразил тот, – в ней ничего не написано!

– Потерпите немного, и мы прочитаем её вместе, – только и ответил я.

Тем временем мы уже были возле дома священника. Когда мы вошли, он тут же дал распоряжение своей племяннице вскипятить в самоваре воду и приготовить чай. Доктор Бедекер и ей подарил книжку без слов. Указав на кресло, священник попросил его присесть. Следуя приглашению, тот удобно устроился на указанном месте.

После этого батюшка подошёл ко мне, протянул книжку без слов, прося вместе прочитать её.

– У вас есть Новый Завет, – заметил я. – Так вот, возьмите его, он нам понадобится.

На обратной стороне обложки книжки были указаны ссылки на тексты из Священного Писания.

– Видите ли, – объяснил я, – эти тексты из Писания объяснят нам значение каждой страницы книжки. Откройте первую страницу.

Он последовал моему указанию. Страница была совершенно чёрной.

– Итак, текст из Писания для этой страницы – Послание апостола Павла к римлянам, 6:23. А теперь прочитайте, что же там написано в начале стиха.

Он открыл Новый Завет и прочитал вслух:

– «Ибо возмездие за грех – смерть».

– Чёрный цвет означает грехи людей, – объяснил я. – Они такие же чёрные и ведут человека в вечный мрак и смерть. И не только грехи – чёрные и грязные, но и мы сами, грешники. Таким образом, первая страница этой книжки без слов показывает нас самих и наше состояние.

Батюшка сидел, задумавшись.

– Откройте следующую страницу. Она красная. Текст Писания к ней – Послание к евреям, 9:22 (вторая часть стиха).

– «Без пролития крови нет прощения», – прочитал священник в Новом Завете.

– Для этой страницы есть ещё одна ссылка – из Первого послания апостола Иоанна, 1:7 (вторая часть стиха).

– «Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха», – прочитал он.

– Вторая страница, красная, означает не просто кровь, но кровь Иисуса Христа, которую Он пролил за нас на Голгофе. И этот стих из Писания говорит о том, что кровь

Христа очищает от греха, причём не от каких-то определённых грехов, но от всех, делая нас совершенно чистыми. Вам это понятно?

– Да, я понимаю, – ответил священник.

– Откройте следующую страницу, белую. Текст Писания – Псалом 50:9, который звучит так: «Окропи меня иссопом – и буду чист; омой меня – и буду белее снега». Четвёртая страница в вашей книжке – небесно-голубая или же золотая, как в книжке вашей племянницы. Текст Писания для этой страницы – из Послания апостола Павла к римлянам, 8:30 (вторая часть стиха), и Послания к ефесянам, 2:6.

Открыв первое место, он прочитал:

– «А кого оправдал, тех и прославил».

– Небесно-голубой и золотой цвета, – продолжал я пояснять, – символизируют святость и славу Бога, которые Он вменяет оправданному грешнику. Как только человек получает оправдание, он, как тот разбойник, висевший рядом со Христом на кресте, принимается в Царство Небесное.

Затем батюшка прочитал другой текст из Нового Завета к этой странице:

– «И посадил на небесах во Христе Иисусе».

– Заметьте, – пояснял я дальше, – апостол, написавший это, и ефесяне, к которым он обращается, жили ещё на земле, когда были написаны эти строки. Однако апостол уже видел себя и их восседающими на небесах со Христом. По сути это происходит со всеми, чьи грехи омыты кровью Господа Иисуса Христа, кто оправдан Богом.

На этом книжка закончилась.

– Итак, сможете вы теперь прочитать книжку без слов? – спросил я священника.

– Да, теперь смогу! – воскликнул тот радостно.

Закрыв голубую страницу, он вернулся к первой, после чего, показывая её мне, произнёс:

– Грехи чёрные, и люди чёрные от грехов, и я чёрный... Это чистая правда. Что же касается остальных страниц, я не знаю...

– Хорошо, – снова терпеливо начал я, – давайте поговорим о следующей после чёрной странице – красной, которая, как мы уже выяснили, напоминает нам о пролитой крови Иисуса.

После того как мы прочитали ещё несколько текстов на эту тему, священник воскликнул:

– Христос пролил Свою кровь, дабы очистить греховное сердце человека, примирив его тем самым с Богом! Мне это понятно.

Он перевернул страницу и, глядя на белоснежный лист бумаги, заявил немного вызывающе:

– И всё же мне непонятно, кто имеет право сказать, что очищен, оправдан и стал белее снега?

Не знаю, как я мог совершенно забыть рассказать ему об этом. Я тут же задал ему встречный вопрос:

– А как вы думаете, кто?

– Тот, кто заслужил это, – не раздумывая, ответил священник.

– Ну, хорошо, – начал я издалека. – Из ваших слов следует, что для того, чтобы получить спасение, необходимо заслужить кровь Иисуса Христа, а точнее – очищение через Его кровь. Таким образом, праведность ваша будет заслуженной. А когда мы шли к вам домой,

вы мне сказали, что по милости Бога хотели бы получить спасение.

– Да, не иначе, как по милости Божьей. Однако нужно быть достойным этой милости...

– И как, по-вашему, можно быть достойным милости, если, как вы сами сказали, грехи черны, все люди черны и вы сами черны? – спросил я его. – Послушайте, что пишет апостол Павел в Послании к римлянам: «Все сокрушились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного» (3:12). Если вдруг вы один станете достойным милости Божьей, то слово это станет ложным. И ещё: милость и заслуга совершенно несовместимы, прежде всего, в отношении Бога. Если вы что-то заработаете, если вдруг станете достойным, тогда Богу нужно будет воздать вам по вашим заслугам и достоинству, и милость Его вам будет уже не нужна. В таком случае Бог больше не причина вашего спасения, и Избавитель вам не нужен, так как спасение себе вы сами обеспечили. Однако если Бог спасает по милости, то она в таком случае незаслуженная, даётся тем, кто по сути заслужил немилость, гнев и проклятие. Так и написано: «Получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе» (Рим. 3:24). Из этих слов мы понимаем, что праведность приобретается даром, без каких-либо усилий с нашей стороны, по милости со стороны Бога.

Всё это значит, что Бог даёт нам её, не требуя что-либо взамен. Милость даётся нам искуплением через Иисуса Христа, которое даровано человечеству на Голгофе почти две тысячи лет назад. Спасение наше обошлось Иисусу дорого, нам же дано безвозмездно и даром. Так же и вы были уже искуплены, и всё, что требуется, – это принять

Божий дар. Господь даровал нам Сына, а вместе с Ним – и вечное спасение. Как это было тогда, так есть и сейчас: «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть детьми Божиими» (Ин. 1:12).

До сих пор священник слушал очень внимательно, но тут он вдруг громко воскликнул:

– О Господи, как же могло всё это спутаться в моей голове! Ты спас нас, Сын Твой спас нас по милости Своей! Ты сделал это уже давно. Ты спас меня, а я этого не понимал. Я оправдан, спасён! Хвала Тебе, Господи!

Доктор Бедекер, уютно устроившись в кресле, задремал, и наша громкая беседа совершенно его не тревожила. Однако после такого хвалебного восклицания он вскочил, поспешно спросив:

– Что такое? Что случилось?

Я объяснил ему, что ликуют небеса и наш священник, ибо он понял наконец, что спасён по милости Божьей через Христа. Батюшка тут же хотел узнать, что я сказал Бедекеру и сообщил ли о его радости. Услышав мой утвердительный ответ, он снова воскликнул:

– Вы только подумайте, что делает Господь! От конца земли, из самой Англии (священник, вероятно, подумал, что мы оба оттуда), послал Господь в мой дом весть о спасении. Если бы вы не приехали, я бы остался в моём невежестве и грехах.

Он указал на окно перед нами. На подоконнике лежали несколько картонных коробок, какие используют в кондитерских.

– Вчера был один из счастливейших дней моей жизни. У меня были именины, и арестанты подарили мне пироги. Я был несказанно рад, видя с их стороны признание моего

труда. Однако что эта радость в сравнении с той, которую Бог даровал мне сегодня?! Правда, я не знаю, что мне с ней делать...

Я перевёл слова священника доктору, который тут же сказал:

– Я скажу вам, что нам надо делать: благодарить, благодарить и ещё раз благодарить Бога!

Слова Бедекера полностью совпадали с тем, что чувствовал священник, потому что, как только я перевёл то, что сказал доктор, батюшка упал на колени, и молитва благодарения потекла из его уст. Такой молитвы от вновь рождённого я не слышал ещё никогда. Будет совершенно лишним говорить о том, как мы радовались за священника и вместе с ним.

Наконец нам принесли чай. Мы ждали долго, но Господь преподал мне тем самым ценный урок, а именно: в нашем желании служить Ему нужно опасаться спешки. Когда мы только зашли в дом священника, а тот попросил поставить самовар, я хотел было уже сообщить Бедекеру о том, что мы не можем остаться и ждать так долго, потому что по телефону уже сообщили начальству другой тюрьмы о нашем посещении. Если бы мы тогда ушли, душа священника осталась бы во мраке ночи. Я понял, что если бы в нашем служении Господь не посылал такие моменты, когда нужно просто присесть и подождать, наша работа была бы сделана лишь наполовину. Именно из-за поспешного желания идти дальше, вперёд, многие удивительные начинания не имеют развития и заканчиваются ничем.

Мы посидели ещё немного, выпили чай, после чего поспешили в губернскую тюрьму. Нас там уже ждали, теряя терпение. Однако несколько слов с нашей стороны, произ-

несённых с любовью и дружелюбием, вернули сердечную атмосферу.

Начальник и канцелярские чиновники с нетерпением ждали, что произойдёт дальше. Рабочий день у большинства из них подошёл к концу, поэтому все как один, без исключения, пошли с нами. Заключение и их надсмотрщики также были рады видеть нас, всем своим видом показывая, что готовы принять то, что мы им принесли.

Готовя сердца людей, Господь открывает для них Свои источники. Он отверзает уста Своих слуг и вкладывает в них Своё Слово. Так было и с Бедкером, который радостно и торжественно проповедовал заключённым. Насколько мы могли видеть, сердца всех присутствующих были тронуты. Слово Божье имело мощь, однако не менее сильными были последующие слова любви, обращённые к заблудшим душам, слова, способные исцелять и спасать. И даже сказанное напоследок предупреждение, произнесённое с любовью: «Бойтесь опоздать!» – принесло должный результат.

Тем временем наступил вечер, и помещение осветили лампами. Каждый хотел, чтобы мы остались настолько долго, насколько это было вообще возможным.

Когда мы прощались, начальник и все чиновники выразили нам свою благодарность. Наше посещение они считали неоценимым благодеянием не только для арестантов, о которых вообще никто не думал. Для них самих наш приход стал благословением, потому что они смогли услышать истину, которая раз и навсегда изменит их сердца.

Вот такой удивительно насыщенный и благословенный день послал нам Бог в глубинке. А плоды того служения мы увидим тогда, когда Господь придёт собрать урожай.

Немного отдохнув, в полночь мы сели на пароход, который увёз нас из Херсона в Одессу. Там нас ожидал труд в немецких и русских общинах, а также служение в местных тюрьмах.

В ЗАКАВКАЗЬЕ

В последующие годы после нашего сибирского путешествия я сопровождал доктора Бедекера в поездках на Кавказ, где Господь предоставил нам широкое поле для служения. Объём работы был настолько велик, что за одну поездку мы могли охватить лишь часть её, отложив остальное до следующего приезда.

Я расскажу вам, дорогие читатели, лишь о нашей последней поездке, чтобы вы имели представление о том, в какие сложные ситуации мы иногда попадали. Говорить и писать о подобной работе запрещалось или было возможно лишь в узком кругу. В России это даже преследовалось по закону, который закрывал все двери для распространения Евангелия и грозил нас самих отправить за решётку. Важнейшее правило, соблюдаемое всеми служителями Божиими в те годы, заключалось в ведении усиленной работы, не поднимая при этом лишнего шума. Те, кто громко разглагольствовал, были похожи в труде своём на

быстро воспламеняющийся огонь из соломы, который лишь на мгновение привлекает к себе внимание других, но уже через секунду сгорает и исчезает навсегда.

Несмотря на то что во время поездки мы постоянно были заняты работой: посещали тюрьмы и проводили евангелизации среди армян, русских и немцев, – доктор Бедекер настоял на том, чтобы отправиться в горы на посещение закавказских ссыльных братьев. Они жили в разных губерниях империи на Кавказе, и около двадцати из них проживали в самой отдалённой области Елизаветпольской губернии. Вокруг находились лишь поселения татар и армян, не владевших русским языком. Заработать на хлеб там было почти невозможно, а переехать ссыльным не разрешали. В разведении виноградников – самой распространённой, если не единственной в этих местах работе, они не смыслили ровным счётом ничего, поэтому почти всегда жили в крайней нужде, голодали и не имели достаточно одежды.

Было сложно чем-то помочь этим людям. Деньги, отправленные им по почте, чаще всего возвращались обратно. Они не доходили до несчастных, а отправитель в лучшем случае попадал под подозрение полиции, в худшем же – призывался к административной ответственности как поддерживающий противников государства. Так, один проповедник, который переслал по почте этим изгнанным верующим сто рублей, был сам выслан из страны, поскольку являлся подданным Германской империи. Именно для того, чтобы поддержать наших ссыльных братьев и сестёр, мы и решились на поездку в те отдалённые горные районы.

Город, куда их ссылали как самых страшных преступников, находился за рекой Аракс, на границе трёх государств: России, Персии и Турции. По сути это был административный

центр, под названием Герюсы²², однако не обозначенный на карте. Мы тем не менее отправились в путь, надеясь получить по дороге необходимые сведения. Как и в любом административном центре, в Герюсах должна была быть тюрьма, посещение которой уменьшило бы подозрения относительно нашего пребывания в городе.

Чтобы выиграть время, мы отправились поездом до Владикавказа, оттуда на омнибусе²³ по военно-грузинской дороге в Тифлис²⁴. Но и там никто не мог нам точно сказать, где находится этот город ссыльных. Верующие в Тифлисе знали некоторых братьев из Герюс, а также об их нуждах и потребностях. Письма от них никто не получал, хотя они обещали их присылать, пока находились в местной тюрьме. Единственное, что нам удалось узнать, так это то, что путь туда проходил через город Шуша Елизаветпольской губернии.

Прежде чем снова отправиться в путь, Бедекер решил посетить колонию Еленендорф, основанную немецкими колонистами из Швабии. Сворачивать с дороги нам бы не пришлось, и заехать туда сейчас казалось более реальным, чем на пути обратно. За несколько лет до этого Бедекер познакомился в Тифлисе с искренне верующим человеком, пастором Мюллером, который в то время проживал в колонии Еленендорф и был старшим пресвитером церковью всех швабских колоний Кавказа. Именно по его приглашению Бедекер и приехал в город, где перед ним были открыты двери церкви для проповеди Евангелия местным верующим

²² Теперь Горис, город в восточной части Сюникской области Армении. Прим. переводчика.

²³ Общественный транспорт второй половины XIX века – повозка, запряжённая лошадьми. Прим. переводчика.

²⁴ Название Тбилиси, использовавшееся до 1936 г. Прим. переводчика.

немцам. Он не хотел упустить возможность рассказать весть о спасении своим соотечественникам, поэтому стремился в колонию Еленендорф с невероятной силой.

Наш приезд был совершенно неожиданным и всё же как нельзя кстати. Пастор Мюллер и его жена приняли нас с распростёртыми объятиями. Во время общения пастор поделился своим страстным желанием привести членов общины ко Христу и уверенности в спасении. Он хотел, чтобы истина, которую он пытался донести до прихожан церкви, нашла подтверждение в словах другого свидетеля, что, как он надеялся, приведёт к спасению многие души.

Время для этого было самым подходящим. Работа в виноградниках была выполнена, и на полях созрел урожай. Таким образом, люди не были обременены тяжёлым трудом и могли собираться на вечерние общения. Было запланировано провести в воскресенье, помимо утреннего собрания, также и вечернее, а в первые три дня будущей недели собираться по вечерам. Посещаемость богослужений была именно такой, какая и планировалась. Люди приходили охотно и слушали с большим вниманием. И Господь являл нам Своё присутствие. Слово Божье заставляло многих людей задуматься, однако того пробуждения, о котором мы так страстно мечтали, не было.

Мне казалось, что для того, чтобы завязались более личные отношения между проповедником и слушателями, необходимо немного больше времени, чем то, которым мы располагали. Одно лишь официальное знакомство не оказало того благотворного влияния, которое возможно при более доверительных отношениях. Доверяя пастору, паства быстрее и охотнее шла ко Христу. Однако нелегко быстро построить с немцами подобные близкие отношения – по

характеру они склонны раздумывать и тщательно проверять. Поэтому, а также из-за их поверхностного знания истины, немцы, вероятно, являются одной из самых твёрдых почв для Евангелия в отличие от остальных народов. А так как мы знали, что для Бога нет ничего невозможного и что Он совершает чудеса и среди немцев, мы стремились попасть в каждую открытую для Слова Божьего дверь. Наша задача была – стать Его свидетелями на этом месте. На Того, Кто поручил нам это задание, мы могли возложить и последствия. Передав друг друга в руки Господа, мы простились с пастором и двинулись дальше.

Нашей следующей целью был город Шуша. Небольшую часть пути мы смогли проехать на поезде, после чего были вынуждены проехать ещё сто пять километров на почтовых лошадях. Когда утром мы прибыли на станцию, несколько армян, получившие своих лошадей раньше, чем мы, посоветовали нам сделать всё возможное, чтобы прибыть в город до вечера. Дорога была довольно-таки опасной. Позже мы заметили, что на протяжении всего пути наши кучера старались держаться друг друга и не ехать поодиночке. В Шушу мы прибыли вскоре после того, как в городе зажгли уличные фонари. Мы невероятно обрадовались возможности поселиться в довольно сносной гостинице – после бессонной ночи в поезде и тяжёлого переезда в повозке днём.

Шуша, в которой насчитывалось около сорока тысяч жителей, непременно должна была иметь большую тюрьму. На этот случай у нас был ящик с книгами Нового Завета. Но прежде всего необходимо было попасть к городскому начальнику, которого мы посетили на следующее же утро. Он принял нас очень доброжелательно, однако был крайне удивлён, узнав, что мы хотим посетить арестантов с проповедью Евангелия.

Так как доктор не говорил по-русски, начальник сразу предположил, что тот приехал из заграницы. Узнав, что Бедекер из Англии, начальник воскликнул:

– Приехали к нам с края света?! Как же так получилось, что вы подумали о Шуше – городе, о котором можно сказать, что он находится на другом конце земли?

Бедекер сообщил ему, что край этот ему хорошо знаком. На Кавказе он уже в четвёртый раз и посетил большинство местных тюрем. Однако Шуша всё время оставалась в стороне. Но в этот раз он добрался и сюда. Начальник взглянул на разрешение, выданное Бедекеру, и заключил:

– Перед вами открыты все двери.

Но тут же поинтересовался:

– Куда же вы намереваетесь отправиться после этого?

– Отсюда мы поедем в Герюсы.

Начальник всплеснул руками и удивлённо воскликнул:

– Отправиться в такой дальний путь в вашем-то возрасте!

До Герюс вам ехать в два раза дальше, чем вы проехали от Евлах к нам. А какая туда ведёт дорога! Порой придётся ехать по гальке на откосах горы...

– Ну, едва ли путь будет сложнее того, который мы проделали во время путешествия по Сибири в тарантасе, проехав в общей сложности около пяти тысяч километров, – возразил доктор Бедекер.

– Через Сибирь, через всю Сибирь, – медленно повторил начальник, задумавшись и пытаясь осознать, что это означает, – да ещё и в тарантасе! Что же вами двигало?

– То же, что привело меня сюда и ведёт дальше в Герюсы, – любовь Божья к несчастным, находящимся в тюрьмах, – был ответ Бедекера.

Несложно представить, что сказанное доктором было для начальника непонятным, совершенно непостижимым. Он молча, с нескрываемым восхищением, уставился на Бедекера и через некоторое время обеспокоенно спросил:

– Вы хорошо вооружены? На всём пути до Герюс вы не встретите ни одного человека, разве что бандитов... Вам нельзя ехать без охраны.

– Когда мы начали свой путь через Сибирь, – заметил доктор, – нас тоже спрашивали, есть ли у нас при себе револьверы. Как я сказал тогда, так отвечу и сейчас: мы находимся под покровительством Всевышнего, Он – наша охрана.

– Всё это верно, – согласился начальник. – Бог – наш Защитник. Однако, как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. Таких людей, как вы, мы не можем оставить без защиты. Представьте, что будет, если вас убьют на территории, находящейся под моим надзором? Даже если бы на меня не возложили ответственность за вас, я бы чувствовал себя в ответе за вас. Я позабочусь о том, чтобы при вас была охрана.

Доктор попросил его не утруждать себя этим, потому что мы уже находимся в самых надёжных руках. На этом мы закрыли тему, перейдя к тому, что будем делать в тюрьме. Он извинился за то, что не сможет пойти с нами в тюрьму, и передал нас на попечение своего подчинённого, который представил нас начальнику тюрьмы.

Как и во всех остальных тюрьмах Закавказья, большинство заключённых составляли татары и армяне. Русских в этой тюрьме вовсе не было. Короткими предложениями и простыми словами, понятными людям без образования, мы донесли и до этих несчастных истину о гибели, к которой они идут, и о пути искупления через Иисуса Христа.

Никогда ещё в этой глухой местности не звучало Слово о спасении. Наблюдая за чёрствыми душами, какими они кажутся на первый взгляд, мы в очередной раз убедились, что Слово Божье касается всех людей и способно поселиться в сердце каждого, кто искренен с самим собой. Слово это не было сказано впустую, но поселилось именно там, куда и направлялось.

Утром следующего дня мы двинулись в путь в направлении Герюс. Мы намеревались преодолеть за день большое расстояние до следующей надёжной почтовой станции, где хотели переночевать. За городом дорога свернула в сторону гор Малого Кавказа. Как же эта местность отличалась от Большого Кавказа! И здесь горные цепи поражали нас своими размерами, но не было тех гор-исполин, окружавших нас в районе Большого Кавказа. Дикая романтика горных расщелин, наползающие друг на друга скальные массивы, голая и серая пустошь, не имеющая ни единого кустика и травинки, которую мы заметили, поднявшись на приличную высоту, – всё это говорило нам о том, что мы находимся в самом удалённом уголке земли.

Насколько хватало взора, ничто под, над и вокруг нас не выдавало присутствия в этих краях человека. И лишь высеченная в горном массиве дорога, по которой мы ехали, свидетельствовала о том, что к этому приложил руку человек. В течение почти всего дня мы двигались по серпантинам, опоясывавшим горные склоны словно ремень. На всём протяжении пути справа от нас возвышались отвесные скалы, слева разверзлась мрачная, бездонная пропасть. Зачастую дорога была только настолько широкой, чтобы по ней могла проехать повозка, но порой колёса почтовой кареты так близко проезжали

возле обрыва, что казалось, катастрофы не избежать. Не знаю, как бы мы разъехались, если бы навстречу нам выехала другая повозка. Однако эти беспокойства были излишни, потому что до самых Герюс нам не встретился ни один экипаж.

Каким же было наше удивление, когда мы примерно через два с половиной часа после того, как покинули Шушу, выехав из ушеля, увидели вдалеке верхом на коне мужчину, который скрылся за горой в ушеле перед нами. Мы его быстро потеряли из виду – мужчина будто бы растворился в каньоне. После того мы продолжали путь, внимательно оглядываясь по сторонам. Мы не ошиблись, предположив, что этот человек, если не сойдёт с пути, непременно должен будет выехать из ушеля, появившись на другой стороне горного хребта. Так оно и случилось. Так как теперь он был к нам намного ближе, мы отчётливо смогли различить копьё в его руке. К сожалению, мы не могли постоянно следить за дорогой позади нас, однако нам всё же удалось заметить промелькнувшего на пару секунд точно такого же всадника, как и впереди нас. Вероятнее всего, районный начальник сдержал своё слово и отправил для нашей охраны двух уланов. Видимо, им было приказано не попадаться нам на глаза, потому что, как только всадники попадали в поле нашего зрения, они тут же старались скрыться из виду. После того мы их больше не видели. Вероятно, они провели нас до границы Шушанского района, а затем вернулись обратно.

Под защитой нашего Господа мы благополучно добрались до безопасной станции. Большая часть пути была уже позади. День наш закончился хвалой и благодарностью Богу, и мы были несказанно рады предстоящему отдыху.

Следующим утром мы с новыми силами продолжили путь. Местность, казалось, стала менее дикой – мы находились теперь на отроге горного хребта. То тут, то там на пути попадались участки возделываемой земли и поселения людей. Поздним вечером мы наконец достигли цели нашего путешествия – Герюс. Ещё в дороге мы расспросили кучера, где нам лучше остановиться на ночлег. Поблизости не было ничего хоть сколько-нибудь похожего на гостиницу. Всё, что мог предложить путнику город, был караван-сарай²⁵, – довольно жуткое место, однако выбора у нас не было.

Наше появление на постоялом дворе крайне удивило всех присутствующих. Таких гостей здесь ещё не видели. Наша европейская внешность разительно контрастировала с внешностью местных жителей. Помещение караван-сарая состояло из одной-единственной комнаты, восьми или девяти метров в длину и столько же в ширину, совершенно забитой людьми. Я попросил хозяина предоставить нам ночлег. Он указал на полфута возвышенное место из досок, где некоторые гости уже разложили свои коврики или нечто похожее на них. К сожалению, места на досках больше не было, да и ковриками мы не запаслись. Но даже если бы они и были, мы бы трижды подумали, прежде чем решились лечь туда. Вся поверхность этих «кроватей» была покрыта толстым слоем липкой грязи. Мы поставили свои чемоданы в углу, спросив у хозяина, присмотрит ли он за вещами. Он убедил нас, что никто к ним не прикоснётся.

Выйдя наружу, мы начали рассуждать, что делать дальше. Если бы нам только удалось найти кого-нибудь из ссыльных братьев! Их наверняка можно было найти в некоторых домах этого города. Пройдя немного вперёд, мы вдруг

²⁵ *Постоялый двор на Востоке. Прим. переводчика.*

оказались на большой площади. Как мы позже узнали, это была рыночная площадь. Нас заметил полицейский, который тут же начал медленно двигаться за нами. Я обратил на это внимание доктора. Посоветовавшись, мы пришли к заключению, что лучше всего направиться к городскому начальнику, дабы тем самым снять с себя подозрения. Он в любом случае минут через десять узнает о нашем появлении в городе. Мы замедлили шаг, а когда к нам подошёл полицейский, спросили его, где живёт городской начальник.

– Вы хотите попасть к нему? – с любопытством спросил он. – Я с радостью вас проведу, если позволите.

Мы не имели ничего против и вскоре стояли у дверей дома городничего.

– Что привело вас, господа, в наш далёкий край? – спросил тот удивлённо.

Доктор Бедекер рассказал ему, что уже в пятый раз путешествует по Кавказу. Цель его поездок – посещение заключённых. Он побывал почти во всех тюрьмах этого края, лишь Герюсы оставались каждый раз в стороне. Он также добавил, что очень рад наконец-то побывать здесь. После этих слов Бедекер передал городничему доверительный документ.

Городской начальник, к тому же полковник, был, казалось, удовлетворён этим. Однако посыпались всевозможные вопросы:

– Когда вы приехали?

– Примерно полчаса назад, – был наш ответ.

– Где вы остановились?

– Пока не найдём что-нибудь лучше, в караван-сараяе.

– Это невозможно, – возразил городничий, – я не позволяю этому случиться! Раз вы приехали так издалека,

да ещё по такому поводу, вы непременно будете моими гостями. Я рад видеть вас у себя!

Доктор постарался вежливо отказаться, но полковник настаивал. Меньше всего нам хотелось, чтобы его дружеское влечение вдруг вылилось в скрытую злобу, поэтому у нас не было другого выхода, и мы приняли его приглашение.

Мы хорошо устроились, но не это было нашим намерением. Как же нам теперь встретиться с ссыльными братьями? Днём и ночью мы находились под надзором полиции, можно сказать, были узники. Поэтому нам сначала просто хотелось выиграть время. Мы молились Господу, прося Его проложить путь и дать нам мудрости, что делать дальше.

Вечером за столом хозяин дома был особенно любезен. Он рассказал о своей воинской службе в Санкт-Петербурге и о том, как стал полковником гвардии. Он также сообщил, что он не христианин, а мусульманин. Однако он никогда не притеснял и не унижал кого-либо из-за веры. Полковник был искренне заинтересован нашей работой с арестантами и с радостью бы присутствовал при этом, но, к сожалению, завтра, в пятницу, времени у него не будет. Он попросил нас перенести посещение на день или два. Тогда мы решили отложить встречу с заключёнными до воскресенья, чтобы полковник и некоторые его друзья могли принять в ней участие.

Тем вечером мы ещё раз убедились в том, что Господь направляет сердца человеческие, как потоки вод. Наше желание выиграть немного времени было выполнено немедленно без каких-либо усилий с нашей стороны. В запасе у нас были пятница и суббота. Необходимо было каким-либо образом устроить встречу с ссыльными братьями

и сёстрами. Ввиду того, что днём городской начальник был очень занят, он попросил оставить для него вечера. Днём мы его увидим разве что за обедом. Поэтому встреча с верующими должна была произойти в течение дня.

В пятницу мы вышли гулять в надежде встретить кого-нибудь из братьев. Благо, в этом небольшом селении их легко было отличить от местных жителей, так что поиски не должны были затянуться. Вскоре после завтрака мы вышли на улицу, перешли через рыночную площадь на другую сторону посёлка. На площади, немного в стороне была группа мужчин: некоторые из них сидели на брёвнах, другие – стояли рядом. Они были явно не из коренных жителей. Заметив нас, мужчины стали пристально смотреть в нашу сторону, хотя мы находились на приличном расстоянии от них. Через некоторое время один из них пошёл нам навстречу.

– Мы вас узнали, и радости нашей нет предела! – крикнул он нам.

– Мы рады наконец встретиться с вами, – ответили мы, – однако нам нельзя привлекать внимания, иначе любая возможность общения будет пресечена. Мы пойдём дальше, а вы постарайтесь пройти другим путём, пока не выйдем из-под наблюдения. Когда не будет опасности, вы сможете подойти к нам.

Брат тут же отошёл в сторону, а мы продолжили прогулку. Всё случилось именно так, как мы договорились. Дорога вела к нескольким маленьким домикам в стороне от основного поселения. Проходя мимо одного из них, мы заметили в дверях мужчину. Он махнул нам, и, подойдя, мы узнали в нём того самого брата, с которым уже говорили. Вокруг и вдоль дороги не было никого, кто мог бы нас

увидеть. Мы зашли внутрь. Это был дом, в котором жил один из ссыльных братьев.

Мы рассказали брату о нашем желании, если это будет возможным, собрать всех местных верующих, независимо от того, к какой деноминации они относятся, и объяснили, что сделать это необходимо тайно и в течение дня. Брат сказал, что это вполне реально устроить. Они собираются по воскресеньям, этого им не запрещают. Однако я объяснил, что у нас получится лишь в субботу, потому что в воскресенье вместе с полковником и его друзьями мы отправимся на посещение заключённых в тюрьме. Поэтому договорились встретиться в четыре часа дня в субботу.

Мы попросили брата обговорить это с другими братьями, но больше никому не говорить о том, что мы здесь и будем в субботу на собрании. На собрание они должны прийти поодиночке, чтобы не привлечь к себе внимания. Брат показал, каким путём нам прийти завтра, так, чтобы нас никто не заметил.

Мы расспросили его о положении верующих. Они были приговорены к пяти годам ссылки, оторванные от семей, профессии и родной церкви. Корреспонденция находилась в плачевном состоянии. Они не могли писать обо всём, иначе письма не достигали адресатов. То же касалось и получаемой ими корреспонденции.

– Если хоть слово из наших писем не понравится начальству, мы немедленно все ощущаем это на себе, – пожаловался брат.

Однако самым тяжёлым было то, что они не могли найти здесь работу.

– Мы никому не нужны в городе, и даже если бы могли найти работу где-нибудь в другом месте, Герюсы покидать нам

запрещено. Одному из наших братьев городской начальник выдал разрешение работать на почте. Тот, кто не в состоянии подтвердить наличие постоянной работы и за кого нельзя поручиться, что он не воспользуется возможностью побега, находясь вне Герус, не получает разрешение на выезд. Мы не можем заработать ни на хлеб, ни на одежду, ни на жильё. Родные высылают нам порой одежду и деньги, но они чаще всего до нас не доходят, поэтому мы живём в крайней нужде. Безработица разлагает, в том числе и наш разум.

Однако о городском начальнике брат отзывался хорошо:

– Из всех начальников, которые у нас были, он лучший.

Православные чиновники оказывают на нас сильное давление здесь и в других местах.

Он рассказал, что некоторые городничие, не найдя в поведении ссыльных положительных изменений по прошествии пяти лет, приговаривают их к ещё одному такому же сроку.

– Такое единение со Христом, как здесь, мы никогда не переживали у себя дома, – поделился брат. – Надеемся, что давление, оказываемое на нас, укрепит нас духовно. В первое время, когда нас переводили из одной тюрьмы в другую и когда мы ежедневно испытывали страдания и позор, Господь был единственным нашим утешением. Однако сильное давление прошло, и теперь мы немного привыкли к своему положению, однако вместе с этим вернулось равнодушное отношение ко Христу.

К тому же разные взгляды вызывают много споров, – продолжал он. – Нас здесь, в общей сложности, двадцать братьев, большинство баптисты, есть также штундисты, субботники и молокане. Когда встречаются братья разных взглядов, общение порой заканчивается раздорами и доходит до того, что они не хотят видеть друг друга.

И даже те немногие посылки, которые до нас доходят, иногда становятся причиной разногласия при распределении, – с сожалением признался брат.

Теперь мы имели представление о духовном состоянии верующих. К сожалению, времени, чтобы поговорить с каждым в отдельности и показать выход из этой ситуации, у нас не было.

После этой встречи мы вернулись, никем не замеченные, как нам тогда показалось, в дом, куда были приглашены. Мы совсем недолго виделись с хозяином дома во время обеда. Вечером же по нему было видно, что в общении с нами он чувствовал себя гораздо свободнее, чем во время заседаний комитета. Он сам начал разговор о сосланных братьях, удивляясь, что их приговорили к такому строгому наказанию, хотя в действительности они были невиновны. Он сказал, что если мы хотим поговорить с ними, то нет необходимости разыскивать братьев, он обеспечит нам встречу. Это, разумеется, будут неофициальные встречи. Доктор рассказал ему, что везде, где мы находили в России ссыльных братьев, нам разрешали видаться с ними и даже оставаться наедине. О наших планах на завтра мы не обмолвились ни единым словом.

Наступила суббота. Во время прогулки по обговорённому пути мы встретили уже знакомого нам брата. Он сообщил, что те немногие братья, которые узнали о нашем приезде, очень обрадовались. Запланированная встреча должна была пройти по плану – в четыре часа дня. Затем он объяснил нам, как найти дом, в котором пройдёт собрание.

После обеда, около трёх часов, мы вышли на прогулку. Выйдя из населённого пункта, направились к нужному месту и в скором времени встретились с братьями.

Нас представили собранию. Радость братьев и сестёр трудно описать.

Доктор Бедекер рассказал, что из любви к ним мы отправились в это опасное путешествие и что положение наше теперь не из лучших. Наш хозяин едва ли обрадуется, узнав о встрече. Ему наверняка было предписано держать ссыльных в изоляции. Времени у нас – лишь до сумерек, поэтому необходимо быть начеку.

Бедекер говорил им о страданиях, которые ссыльные переживают ради Христа. Несчастье и боль могут принести удивительные плоды. Они должны видеть, как страдания преображают их в образ Христа, однако важно, чтобы это видели и окружающие.

Доктор Бедекер не преминул сделать братьям и выговор. Слова его оставили глубокий след в сердцах, потому что поведение некоторых ссыльных было противоположностью тому, что должна производить благодать Божья, о которой говорилось ранее. Братьев немало удивило то, что служители, приехавшие из России, знали о их раздорах. Никто, однако, не возмушался, ведь это было правдой.

Бедекер рассказал также о том, что многие дети Божьи на Западе с любовью вспоминают несчастных ссыльных и молятся о них, сочувствуя и желая хоть чем-то облегчить их ношу. Отовсюду им передали подарки, которые доктор был готов тут же раздать. Он спросил, все ли ссыльные находятся на собрании. При этом выяснилось, что приглашены были лишь баптисты. Доктор заметил, что это доказательство отсутствия любви по отношению к детям Божиим, имевшим отличные от них взгляды. Братья оправдывались тем, что другие не смогли бы сохранить всё в тайне, но непременно распространили бы весть об этом собрании.

Бедекер предложил назвать ему сначала братьев, имеющих на своём попечении жён и детей, затем тех, кто не получает никакой помощи из дому. После этого – братьев, получающих время от времени поддержку от родных, и, наконец, тех, кто достаточно состоятелен и не нуждается в помощи вовсе. Доктор сам вызвался справедливо распределить дары, чтобы не получилось так, что эту малую лепту получили лишь те, кто между собой находится в хороших отношениях, а другим ничего не досталось.

Это весьма неожиданное предложение прозвучало как осуждение их поведения и отношения друг ко другу. Братья возмутились, попросив доктора отдать то, что он привёз с собой, а они уж сами распределят пожертвования на открытом совете. Доктор, однако, усомнился в том, что, когда мы уедем, они не поступят так же, как и до этого. Об этом он им и сказал. Он сразу же решил, что дары получат и те, кто не был баптистом.

Темнело, и нам необходимо было спешить. Однако в этот момент в комнату вошёл брат, который сторожил снаружи, и сообщил, что пришли полицейские и ищут нас. Мы попросили брата передать, что находимся здесь, но скоро вернёмся.

Необходимо было срочно заканчивать собрание. Распределять пожертвования сами мы уже не могли. Бедекер был готов отдать братьям дары лишь при условии, что те пообещают раздать их именно так, как планировал он сам. В противном случае ему придётся поискать другую возможность. В тот самый момент вошли двое полицейских с сообщением от городничего, что он нас уже давно ожидает и требует нашего немедленного возвращения. Мы ответили, что сейчас придём, лишь в заключение по-

молимся. Доктор передал братьям пожертвованную им сумму денег, и, помолившись, мы простились.

Полковник выглядел совершенно невозмутимым, когда мы, вернувшись в дом, встретились с ним. Его сдержанное поведение свидетельствовало о том, что он не хотел нас обидеть. Но мы чувствовали, что огорчили его своим поведением, поэтому тут же признали свою перед ним вину, стараясь её как-нибудь загладить.

– Через своих подчинённых вы узнали, – начал доктор Бедкер, – что мы находились среди ссыльных за веру братьев.

– Да, – ответил городской начальник, – и мне жаль, ведь я вам предлагал устроить с ними встречу.

– Мы были рады вашему любезному предложению, – смущённо ответил Бедкер, – и сейчас чувствуем, что обидели вас, устроив встречу за вашей спиной. Не знаю, как теперь всё исправить, но позвольте хотя бы объяснить, как мы к этому пришли. Мы прибыли в Герюсы с намерением непременно посетить этих ссыльных, как и всех остальных заключённых. Нам нигде этого не запрещали. Но оказалось, что братья эти вовсе не сидят в тюрьме, но живут на свободе. Тогда мы решили, что они, вероятно, находятся под строгим наблюдением из-за опасности пропаганды и побега. Помимо этой, была и другая причина нашей тайной встречи. Ваше любезное предложение явно показало, что вы не просто не имеете ничего против нашей встречи, но, более того, готовы её устроить. Нас это порадовало. Тем не менее мы ничего вам не сказали, опасаясь того, что последует за этим предложением. Мы долго думали и в конце концов поняли, что вызов или приглашение полиции явно беспокоит наших братьев. Мы

же не хотели их оттолкнуть, поэтому постарались найти другой способ встретиться.

К тому же, если бы мы вызывали их к себе по отдельности, они могли бы подумать, что мы намеренно подчёркиваем их положение арестантов, возвеличивая себя как господ. Мы понимали, что при таком раскладе дела ни одно наше слово не произведёт благотворного влияния. И мы бы с радостью посетили каждого в отдельности, но, как вы понимаете, времени у нас для этого не было. Слова наставления у нас для всех одни, к тому же мы хотели вместе помолиться. Они собираются время от времени, никто не препятствует этому. Вот мы и решили, что ничего в этом особенного нет – попросить их встретиться втайне, чтобы мы могли передать им то, что у нас на сердце.

Мы были убеждены, что не обидим вас тем, что встретимся на час или полтора с друзьями. И если бы ваши люди нас не раскрыли, мы бы общались с вами так же, как вчера и позавчера. Нам очень жаль, что всё сложилось именно так. Надеемся, мы не причинили вам тем самым неприятности и вы забудете сегодняшнее происшествие, простив нас.

Полковник спокойно и внимательно выслушал всё, что сказал доктор, и, очевидно, не заметил в наших действиях скрытого умысла. Мы всё уладили, но досада от произошедшего, разумеется, моментально не испарилась. Он больше ни слова не сказал о случившемся, ни единого обвинения в наш адрес, однако мы ещё немного поговорили о ссыльных братьях.

– Я пытаюсь, – признался он, – насколько это в моих силах, облегчить их участь. Они обязаны оставаться в городе, это чёткое предписание. Однако на свой страх и риск я позволил

двум из них работать в другом местечке, чтобы хоть что-то заработать на жизнь. Я бы и другим дал разрешение, если бы они нашли работу где-нибудь в округе. Однако я не могу позволить им работать далеко, за пределами моего надзора. У них намного больше свободы, чем мне было положено им дать, тем не менее они всё равно недовольны. Я обязан читать всю корреспонденцию ссыльных и заключённых. Их письма полны жалоб и обвинений, причём порой совершенно необоснованных. Я внимательно наблюдаю за всеми своими подчинёнными и отчитываю их, если замечаю, что они грубы или несправедливы. И всё же мне кажется, что христианин должен уметь страдать и терпеть, и уж точно не роптать, видя в других своих врагов. Я уверен, что христианин должен отвечать добром на зло и уметь прощать.

Мы с доктором были совершенно изумлены тем, какое абсолютно точное и правдивое представление о христианине было у полковника, и это несмотря на то, что себя он христианином не считал. Его спокойное поведение после нашего поступка поражало. Верующим порой сложнее сдерживать себя в таких ситуациях или вообще разговаривать друг с другом. Этим своим поведением он уже завоевал нашу любовь.

Доктор признался, что мы вовсе не говорили с ссыльными о нём и о его подчинённых. Однако один из них заявил, что нынешний городской начальник лучший из всех бывших. Были среди них те, кто находился в крайней нужде, и мы попросили полковника проявить к ним снисхождение и понимание.

Мы благодарили Господа за этот разговор. Теперь со спокойными сердцами мы могли приступить к воскресному служению – донести до заключённых Слово Божье.

В тюрьме находилось не больше пятидесяти арестантов. Да и само здание было очень маленьким. Осмотревшись в воскресенье утром, доктор решил, что лучше всего провести собрание и раздать книги Нового Завета на открытом воздухе. Это предложение понравилось городскому начальнику. Он пригласил на мероприятие всех членов комитета и не знал, где и как рассадить их в тюрьме. А под открытым небом слушателей могло собраться больше, чем было приглашено.

Выйдя в половине четвёртого дня вместе с полковником из дома, мы увидели, что перед зданием тюрьмы уже собралась большая толпа. Все с нетерпением ожидали того, что должно было случиться. И люди продолжали прибывать: весть о нашем собрании достигла каждого дома. Тюрьма состояла из одного-единственного дома и не была окружена ни стеной, ни забором, поэтому заключённых вывели на поле, находившееся на некотором расстоянии от дома. Толпа людей собралась вокруг нас, заключив в кольцо. Наш дорогой хозяин был совершенно прав, предположив, что собрание в воскресенье будет более праздничным, чем в любой другой день. Что касается внешней атмосферы, то лучше нельзя было и пожелать.

Прежде всего мы постарались найти переводчиков для армян и татар. Для первых тут же нашёлся один из заключённых, а вот со вторым оказалось труднее. В конце концов, арестанты сами вытолкнули вперёд одного из своей среды, который был слишком стеснительным, чтобы вызваться самому. Как нам объяснил полковник, который сам немного понимал татарский язык, заключённый тот был из бывших офицеров и очень хорошо владел родным языком.

Бедекер с радостью обратился прежде всего к арестантам, не забывая при этом об окружившей его толпе. Каждый из них был грешником, а значит, и погибающим человеком. Бедекер представил им Бога, святого и справедливого, показал избранный Самим Богом путь спасения тех, кто этого желает, а в заключение прозвучало приглашение сделать шаг ко Христу, Который не желает смерти ни одного грешника.

Нам не нужно было спешить, поэтому доктор говорил медленно, с расстановкой. Нам редко случалось иметь таких внимательных слушателей, как тем воскресным днём на поле у посёлка Герюсы. Насколько мы видели, все арестанты и слушатели из толпы буквально впитывали каждое наше слово. Заканчивать и расходиться никому не хотелось.

Лишь после того, как мы раздали книги Нового Завета, толпа вдруг нарушила тишину. Как нам потом рассказали, люди расходились медленно, бурно обсуждая увиденное, а ещё больше – услышанное на собрании. Успех превосходил все наши ожидания, в Божьей воле было, чтобы и в этом забытом краю нашей огромной империи открылись двери для Его Слова. Вероятно, такая возможность больше не повторится, но и за это Ему да будет слава, честь и благодарение!

На ужин полковник пригласил к себе множество гостей. Это был наш последний вечер с ним. Все интересовались нашей работой, поэтому у нас была прекрасная возможность поделиться Евангелием и свидетельствовать о милости Божьей. Это были незабываемые дни, прожитые для Бога и с Ним.

В наших планах было посещение ещё лишь одного места – села Шемаха. Поэтому, простившись с нашим любезным

хозяином, мы выехали следующим утром из Герюс. Мы были искренне благодарны полковнику за оказанное нам гостеприимство и добродушное отношение, несмотря на всё то, что случилось. Наше прощание было поистине трогательным, без малейшего намёка на обиду. И мечтали мы лишь об одном – встретиться с ним на небесах.

Чтобы попасть в Шемаху, нужно было проехать весь путь обратно до железной дороги, оттуда на поезде добраться до станции Кюрдамир, после чего ещё день ехать на почтовых лошадях до места назначения. Весь этот путь занял у нас четыре дня.

В Шемахе в то время проживало более двадцати тысяч жителей, преимущественно армяне и татары. Село входило в Бакинскую губернию и было бы, вероятно, так же безызвестно, как и другие населённые пункты Закавказья, если бы не располагалось у подножья вулкана и неоднократно разрушалось землетрясениями. После нашего последнего посещения село пострадало уже дважды, будучи почти полностью уничтоженным.

Здесь находилась небольшая группа драгоценных, завоёванных для Христа душ. Это были армяне – народ, которому уже в течение нескольких лет проповедовалось Евангелие. Лёд человеческих душ таял медленно – немногие открывали свои сердца для Господа.

Доктора Бедекера всегда были рады видеть в армянской общине Баку. Именно там он познакомился с несколькими братьями из Шемахи, куда и был ими приглашён. Это наше посещение было не первым – много лет назад Бедекер уже сеял в этом селе Слово Божье. Однако в этот свой приезд он выполнил обещание остаться с местными верующими на более долгий срок.

Мы приехали в будние дни, так что собрания удавалось провести лишь вечером. Однако часы эти были благословенными. Голодные и жаждущие Слова люди, казалось, впитывали всё, что слышали. Многие из них уже были знакомы с Библией, поэтому им было легче понимать проповеди и следить за ходом мысли. Когда доктор в общении поднимал новые и незнакомые окружающим темы, братья и сёстры засыпали его вопросами и рассуждениями, что в итоге было большим благословением и назиданием для всех присутствующих. То, как выглядели наши собрания, напоминало нам о днях, в которые жил Иисус. Мы с Бедекером стояли, а слушатели сидели у наших ног на полу.

К сожалению, и здесь приходилось переводить два раза: сначала с немецкого языка на русский, а затем с русского на армянский. Это неудобство, связанное с передачей Слова, было заметным особенно на вечерних богослужениях, когда проповедь должна быть короткой. Двойной перевод, разумеется, занимал намного больше времени. Однако мы видели, что это не утомляло верующих, они никак не могли насытиться Словом. Дабы удовлетворить братьев и сестёр, Бедекер решил остаться и на воскресенье. Вообще-то он надеялся в воскресенье уже быть в Тифлисе, но тогда пребывание в Шемахе оказалось бы столь же коротким, как и все предыдущие.

Как оказалось впоследствии, остались мы не зря: помимо проповеди Евангелия, у нас было и благословенное общение. Слава Богу, наши планы относительно служения Ему не остаются неизменными, «как закон мидийский и персидский», но, когда требуется, могут меняться по воле Господа.

И всё же в понедельник мы простились с Шемахой, а уже в среду были в Тифлисе, где провели четыре замечательных дня в работе и служении, и самым благословенным из них было воскресенье. Я не предполагал, что эта поездка с доктором Бедекером станет для меня последней. Однако именно так и случилось. Тогда в гостинице «Лондон» в Тифлисе произошло то, что в последующие месяцы привело к долгожданной возможности, открывшей передо мной двери всех тюрем Российской империи и Сибири так же, как они были открыты перед доктором Бедекером. Бедекер после того ещё около десяти лет проповедовал Евангелие и трудился в тюремной миссии, а мне Господь позволил посетить ещё сотни тюрем, многие из которых почти никто никогда не посещал.

Наш путь обратно из Тифлиса проходил через Батуми и Севастополь. В последнем городе Бедекер хотел навестить одну верующую семью. Я чувствовал себя не лучшим образом, поэтому намеревался оттуда продолжить свой путь один. Доктор, однако, не отпускал меня, желая ещё посетить крупную пересыльную тюрьму в Москве.

Когда мы туда прибыли, оказалось, что тюрьма переполнена. Собственно, Бедекер предполагал, что так и будет. Поступило множество новых арестантов, не имевших при себе Нового Завета. Мой проездной билет был действителен до Петербурга, и я мог задержаться в Москве на полтора дня. Доктор Бедекер не преминул воспользоваться этой возможностью. Но я с каждым днём чувствовал себя всё хуже. Если мы хотели за это короткое время охватить всех заключённых, нам необходимо было выступать перед партиями в шестьсот человек, так как в этот наш приезд в тюрьме находилось свыше четырёх тысяч арестантов.

Это был колоссальный труд. Узники стояли на расстоянии шестидесяти-семидесяти шагов от нас, и нам нужно было говорить так громко, чтобы они поняли каждое слово. А это требовало немалых усилий. Уже в первый день мы выступили перед пятью партиями. На следующие полдня у нас оставалось вдвое меньше работы. Я думал, что ночью не смогу сомкнуть глаз, но Господь позволил немного отдохнуть, хотя силы мои не были полностью восстановлены.

– Не знаю, почему, – сказал мне тем утром Бедекер, – но когда вы переводите мои слова, они удивительным образом действуют на заключённых. Я вижу это по их лицам, в результате у меня появляется множество новых мыслей, которые я тут же и высказываю. Если мне придётся искать для оставшихся мужчин другого переводчика, вся отвага и мужество во мне исчезнут. Вы просто обязаны помочь мне до отъезда вашего поезда.

Я не мог ему противиться, и мы отправились в тюрьму. Это было похоже на некую военную кампанию, предпринятую нами. Неудержимо и победоносно мы выступали вперёд. Слово Божье звучало среди колонн выстроенных перед нами людей. Не мы тогда говорили, но Господь и Его Дух в нас.

Большинство заключённых были крепкими, высокими мужчинами, преступниками, приговорёнными к каторжным работам. Некоторые из них уже во второй раз были приговорены к ссылке в Сибирь. Они были суровы, и растрогать их было нелегко. Однако они слушали нас, и Слово сошло на них, заставив сердца содрогнуться. Многие стояли какое-то время, совершенно не шевелясь, затем вдруг страшно бледнели и выглядели озабоченными, будто задавались

вопросом: «Что же нам теперь делать? Есть ли какой-нибудь выход?» Когда же им было рассказано о Праведнике, отданном на крест за грешников, можно было по лицам их увидеть, как свет надежды освещал их тёмные души. И сердца преступников смягчались, суровые мужчины не могли более сдерживать слёз. Думаю, в тот день Бог отвоёвывал у дьявола множество душ.

Что касается дорогого доктора Бедекера, то его было не узнать. Его проповедь была богодухновенной. Каждое новое его предложение было лучом света, который людям необходимо было принять. Бывало, я ещё не закончу переводить одно предложение, как Бедекер начинал говорить уже следующее, не менее ценное. Мне приходилось его прерывать. «Духи пророческие были послушны пророкам», однако лишь до тех пор, пока он снова не забывался. Казалось, он не хотел заканчивать свою проповедь, будто даже не мог этого сделать. И всё же время наше было очень ограничено. Я снова указал ему на часы, так как он забывал о времени. Когда к нам привели последнюю группу, к которой мы обратились уже в спешке, мне пришлось сделать это дважды. В первый раз он меня заверил:

– Дорогой брат, я сам отвезу вас на вокзал в лучшем экипаже и посажу на поезд.

Он продолжал проповедовать и никак не мог закончить. Мне пришлось прервать его ещё раз. Бедекер и сам видел, что времени у нас не было, поэтому раздавать Новые Заветы пришлось в страшной спешке. Когда мы закончили раздачу, было ощущение, что коридор, в котором мы стояли, светился от святости, и в этом свете стояли окружавшие нас люди и мы сами.

Первая же бричка, пойманная нами, отвезла нас на Петербургский вокзал. Когда носильщик, которому мы передали мои чемоданы, узнал, каким поездом я еду, он побежал. Мы последовали его примеру. Нам удалось закинуть багаж в вагон, и когда я ступил на подножку, поезд тут же тронулся. С доктором Бедкером мы простились взмахом руки. В Москве он остался ещё на пару дней.

* * *

На этом закончилось моё десятилетнее обучение миссионерскому служению в тюрьмах. Бог позволил мне многое увидеть и ещё большему научиться. Прежде всего тому, что любовь к Господу и погибающему миру пробуждает в нас готовность служить там, где Ему угодно, а работа и служение во имя Его открывает все двери. К тому же я понял, что забытые и брошенные всем миром люди – не самая чёрствая почва для Слова Божьего, но они открыты для него ровно так же, как каждый из нас. Как никогда ранее, я понял, что все они, без исключения, – объект Божьей любви. Господь отдал за них Своего единородного Сына. Так не должны ли они стать предметом и моей любви? Да, должны, и они стали, потому что любовь Божья излилась в сердце моё через Святого Духа. И было у меня лишь одно желание: везде, куда бы Господь меня ни послал, продолжать изливать Его любовь на погибающих этого мира!

Каргель Иван Вениаминович

От края и до края земли

Директор *П. Давидюк*

Переводчик *О. Гандзий*

Редактор *Е. Пеннер*

Корректоры *Т. Головина Э. Цорн*

Компьютерная вёрстка и обложка *А. Цорн*

Свидетельство о государственной регистрации,
№ 1 074 107 0004 023994, выдано Шевченковской районной
в г. Киеве государственной администрацией 13.10.09.

Изд. № 01.412. Подписано в печать 26.09.2017.

Бумага 80 гр. Lux Cream. Формат 84x108/32.

Гарнитура: AGOpusHR, FuturaBook.

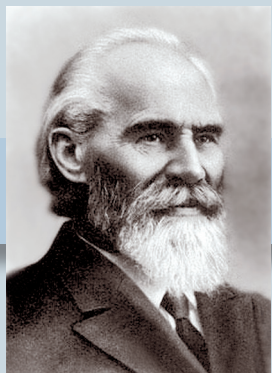
Печать офсет. Усл. печ. л. 12,6.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 02626.

УМО «Свет на Востоке»,

ул. Хорольская, 30, 02090, г. Киев, Украина.

Отпечатано в типографии GGP Media,
Karl-Marx-Straße 24, 07381 Pößneck, Germany.

«От края и до края земли» – так назвал свою книгу Иван Вениаминович Каргель (Johann Gerhard Kargel). В ней автор

описывает свой опыт путешествий с доктором Бедекером в течение десяти лет с проповедью Евангелия среди заключённых. Основная часть воспоминаний относится к самому долгому путешествию: от Москвы до Сахалина и назад через Японию, Индийский океан и Суэцкий канал. Книгу эту И.В. Каргель написал на своём родном немецком языке, и вышла она в нашем издательстве в 1928 году. С тех пор на эту книгу ссылались многие авторы монографий, статей и исследований по истории евангельских христиан в России. Однако на русском языке она была до сих пор недоступна. Настоящим изданием этот пробел восполняется. Книга рассчитана на всех, интересующихся историей великого пробуждения в России в конце XIX века и биографией одного из самых известных деятелей братства евангельских христиан и баптистов России Ивана Вениаминовича Каргеля.

